

А. БЕЛОГОЛОВЦЕВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ
НЕВСКИЙ
ПЛАЦДАРМ

А. БЕЛОГОЛОВЦЕВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ
НЕВСКИЙ
ПЛАЦДАРМ

Пермское книжное издательство.
1978

Эта книга рассказывает о том, как в грозные годы Отечественной войны посланцы трудового Прикамья защищали Ленинград от фашистских полчищ.

Автор книги прошел военными дорогами от Ладоги до датского острова Борнхольм. В сентябре 1941 года сражался в составе 4-й бригады морской пехоты на Невском «пяточке», был ранен.

Ныне А. Ф. Белоголовцев работает проректором Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. Пятнадцать лет возглавляет он совет ветеранов Невского плацдарма Ленинградского фронта, объединяющий тысячи участников битвы на Неве, которые ведут военно-патриотическую работу во многих городах и республиках.

А. Ф. Белоголовцевым написаны несколько книг, статьи в сборниках и газетах о боях у Невской Дубровки. При работе над рукописью этой книги он использовал воспоминания своих фронтовых соратников, многочисленные документы, мемуарную и историческую литературу.

За ценные советы и замечания автор благодарит сотрудников Института военной истории Министерства обороны СССР.

© Пермское книжное издательство. 1978

ЖИВЫМ И ПАВШИМ
ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА,
СРАЖАВШИМСЯ
НА НЕВСКОМ ПЛАЦДАРМЕ,
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВВЕДЕНИЕ

Завоевание и оборона Невского плацдарма — одна из самых ярких страниц героической битвы за Ленинград. Долгие месяцы, в неимоверно тяжелых условиях советские воины стояли здесь насмерть, преграждая фашистским полчищам путь на правый берег Невы.

Легендарная история этого напряженного единоборства начинается боями на Неве в первых числах сентября 1941 года. Тогда воины 1-й дивизии НКВД и краснофлотцы четвертого батальона 4-й бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота, перемалывая живую силу и уничтожая боевую технику гитлеровцев, сорвали их попытки форсировать Неву и, соединившись с войсками финнов, полностью охватить Ленинград блокадным кольцом.

Войска Невской оперативной группы, — отмечено в «Очерках истории Ленинграда», — «...в разгар сентябрьских боев (1941 год. — А. Б.) по приказу Ставки Верховного Главнокомандования перешли в наступление с целью прорыва блокады города. И хотя выполнить эту задачу не удалось, их действия сковали некоторую часть вражеских войск и тем самым не позволили фашистскому командованию усилить ударные группировки, наступавшие на Ленинград»*.

Небольшой клочок земли на левом берегу Невы был первым плацдармом, отвоеванным советскими воинами в Ленинградской области у фашистских оккупантов после окружения Ленинграда сухопутным кольцом блокады. Плацдарм этот стал известен под названием Невского «пяточка». Образование его создало реальную опас-

---

* Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., «Наука», 1967, с. 158.

ность отсечения шлиссельбургской группировки немецких войск и заставляло командование группы армий «Север» думать не столько о броске на правый берег, сколько о закреплении на Шлиссельбургско-Синявинском выступе для предотвращения прорыва блокады Ленинграда советскими войсками.

Несмотря на значительное превосходство противника в людских ресурсах, вооружении и боеприпасах, моральный дух наших бойцов и офицеров, отвоевавших Невский «пяточок», был высоким. Они смело и беззаветно поднимались в контратаки, уничтожали живую силу и технику врага, сбивали спесь, появившуюся у гитлеровцев в европейских походах.

К концу сентября 1941 года линия фронта вокруг города надежно стабилизировалась, опасность штурма Ленинграда была устранена. Прорвать блокаду, к сожалению, нам тогда не удалось. Ленинградцы были ослаблены голодом, не имели в достаточной мере оружия и боеприпасов.

Условия жизни ленинградцев в блокированном городе становились все трудней. Поэтому на середину октября 1941 года наше командование вновь планирует наступательную операцию с Невского плацдарма. Войска Ленинградского фронта предполагалось усилить за счет других участков. Однако к этому времени опасное положение сложилось и под Москвой, и операция по прорыву блокады Ленинграда не получила развития. «... Наступательная операция войск Ленинградского фронта (Невской оперативной группы и 54-й армии) с целью прорыва блокады Ленинграда осталась незавершенной. Ставка Верховного Главнокомандования в связи с обороной Москвы не имела резервов, чтобы усилить Ленинградский фронт, и даже была вынуждена часть его сил перебросить на Волховское направление»*.

На Невском «пяточке» бои не утихали не только ни на один день, но и ни на один час. Не давая противнику передышки, наши воины наводили на него страх, заставляли гитлеровское командование, в ущерб другим своим планам, подтягивать к Неве новые и новые части. «Пяточок», — пишет генерал М. П. Духанов, — ...имел перво-степенное значение как постоянно действующий боевой

---

* Очерки истории Ленинграда, с. 166.

«горчичник», отвлекающий живые силы и боевые средства гитлеровцев от тех участков, где складывалась тяжелая обстановка. Более того, плацдарм на левобережье Невы помогал и соседнему, Волховскому фронту»*.

В истории Великой Отечественной войны не было, пожалуй, другого такого небольшого, но знаменитого по напряженности боев и важного по значению участка, который оказывал бы столь существенное влияние на ход сражения не только на Ленинградском, но и на других фронтах.

В конце апреля 1942 года из-за весеннего ледохода мы потеряли левобережный плацдарм. Сражаясь до последнего дыхания, небывалую отвагу проявили те, кто остался там отрезанным вздыбленной ледяной Невой от правого берега.

Ликвидация нашего плацдарма породила у фашистов новые надежды. В директиве № 45 Гитлер отдает приказ командованию группы армий «Север» подготовиться в начале сентября к захвату Ленинграда. Операция получает кодовое наименование «Фойерцаубер» («Волшебный огонь»).

Для осуществления этого замысла Гитлер приказал передать группе армий «Север» пять дивизий находившейся в Крыму 11-й армии вместе с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие части резерва главного командования**.

Осуществление штурма Ленинграда поручалось одному из опытнейших фельдмаршалов фашистской армии — Э. Манштейну. Этот «новый» план гитлеровцев вновь предусматривал осуществление полной блокады Ленинграда с целью последующей капитуляции города.

Советское командование, разгадав этот замысел, также разработало план операции по прорыву блокады Ленинграда.

Бои вспыхнули с новой силой. 26 сентября 1942 года войска Ленинградского фронта вновь форсировали Неву, захватив небольшие плацдармы в районах Арбузова и Московской Дубровки. Вместо штурма Ленинграда фашистам пришлось отражать натиск советских войск.

---

* *Духанов М.* В сердце и в памяти. М. — Л., «Советский писатель», 1965, с. 222.

** ИМЛ, документы и материалы отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 15152, с. 267.

В разгоревшихся схватках значительная часть соединений Манштейна была перемолота. Этот факт подтверждают сами гитлеровские генералы. «...Русские добились срыва запланированной немцами операции по захвату Ленинграда, для проведения которой в распоряжение группы армий «Север» перебрасывались основные силы 11-й армии под командованием фельдмаршала фон Манштейна, — пишет генерал фон Бутлар. — Эти силы были почти полностью уничтожены противником у Петрокрепости в боях за горловину и на других опасных участках фронта»*.

За осенние бои 1942 года и за вторичный захват Невского «пяточка» 70-й стрелковой дивизии, переименованной в 45-ю, первой на Ленинградском фронте было присвоено гвардейское звание.

Трудовой подъем советских людей и моральный дух нашей армии возрастали. Ленинград и страна стали больше давать вооружения и боеприпасов фронту. Родина посылала в блокированный город и свежие соединения войск.

Все это создавало возможность по-иному решать задачу прорыва блокады. В городе были накоплены значительные резервы для создания хорошо оснащенной армии. Ее действия планировались, как и прежде, на Неве. Но теперь в иных, более выгодных для нас условиях. Заметно увеличивалась протяженность фронта, с которого развернулось наступление наших войск.

8 декабря 1942 года директивой Ставки Верховного Главнокомандования были определены конкретные задачи войск в операции.

В соответствии с этой директивой с Невы должна была действовать 67-я армия Ленинградского фронта, созданная в октябре 1942 года на базе Невской оперативной группы. 67-й армии предписывалось форсировать Неву на участке Московская Дубровка — Шлиссельбург, разгромить противника, соединиться с войсками Волховского фронта и восстановить на суше связь Ленинграда со страной.

Ширина плацдарма на Неве достигала 13 километров, включая и Невский «пяточок», на котором в это время находилась 45-я гвардейская стрелковая дивизия.

---

* Мировая война 1939—1945 гг. Пер. с нем. М., «Иностранная литература», 1957, с. 195.

67-я армия, начав наступление утром 12 января 1943 года, днем 18 января завершила прорыв блокады Ленинграда и соединилась с войсками Волховского фронта.

Упорные и продолжительные бои на Невском плацдарме, начавшиеся в сентябре 1941 года, увенчались значительным успехом наших войск, открыли дорогу к полной победе под Ленинградом.

Мужество, отвагу и несказанное геройство на приневских берегах вместе с ленинградцами проявили представители многих республик, краев и областей нашей страны. Значительным было участие посланцев богатырского Урала и прежде всего — пермяков. Это были пехотинцы и понтонеры, артиллеристы и минометчики, разведчики и медработники, связисты, моряки, летчики, танкисты — представители всех родов войск. Их незабываемому подвигу и посвящена эта книга.

Материалом для книги «Легендарный Невский плацдарм» послужили воспоминания участников битвы за Ленинград, газетные статьи периода Великой Отечественной войны, рассказы фронтовиков о своих товарищах, архивные документы, стенограммы конференций, проведенных советом ветеранов Невского плацдарма Ленинградского фронта. Используются отдельные факты из книг видных советских военачальников (генералов С. Н. Борщева, М. П. Духанова и др.), писателей (Д. Щеглова, П. Лукницкого и др.).

В ряде случаев автор счел целесообразным привести выдержки из мемуаров, дневников, писем фашистских военачальников, солдат и офицеров.

Выражая сердечную благодарность всем фронтовикам, приславшим свои воспоминания, газетные статьи военных лет и другие материалы, а также фотографии, автор надеется на расширение связей с ветеранами, на их помощь материалами о битве на легендарном Невском плацдарме.

Рассказ о героической эпопее на Неве — это посильная дань делам живых и павших героев великого сражения за нашу Отчизну в самое трудное для нее время — в годы нашествия фашистских варваров.

У СТЕН КОЛЫБЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ

Многомиллионная фашистская армия, вероломно напавшая на нашу страну, продвигалась вперед. Сосредоточив на Северном направлении огромные силы, не считаясь с большими потерями, враг рвался к Ленинграду.

Наши войска, несмотря на численное превосходство противника, героически дрались, нанося врагу огромный урон.

Но Гитлер требовал от командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала В. фон Лееба не уменьшать натиска на Петербург*. Подчиняясь воле фюрера, фон Лееб вводил в бой все новые и новые полки, боевую технику.

30 августа войска 16-й немецкой армии захватили Мгу, Покровское, Ивановское и перерезали последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград со страной. На Карельском перешейке наступала финская армия. Противник занял большую часть побережья Ладожского озера. Многомиллионный город, войска Ленинградского фронта и Краснознаменный Балтийский флот оказались почти в полной изоляции от страны.

Гитлер считал взятие Ленинграда делом нескольких дней. В его ставке разрабатывался план торжеств в городе на Неве, был назначен фашистский комендант города. Аппарат «комендатуры» быстро заготовил и разослал высшему офицерскому составу группы армий «Север» специальные пропуска для проезда автомашин по Ленинграду. Особо избранным лицам вручались приглашения на банкет, планируемый в лучшей гостинице города — «Астории». Намечался и парад фашистских войск на Дворцовой площади.

* Так Гитлер называл Ленинград.

Геббельсовская пропаганда в эти дни трубила на весь мир о том, что цель наступления в основном достигнута, осталось сделать лишь незначительный рывок через Неву, соединиться с войсками финского маршала Маннергейма — и Ленинград у ног фюрера.

Выйдя к поселку Ивановское, что в тридцати километрах от истока Невы, враг устремился вверх по течению, выискивая удобное для переправы через Неву место. Фашистам казалось, что выполнение этой задачи не представляет большой сложности. Ведь за прошедшие два года войны они, захватывая Польшу, Францию, Бельгию, Голландию, Данию и другие страны Европы, перешагнули через сотни рек. Не должна представлять исключение и Нева...

Однако на пути фашистских войск вверх по реке встали части 1-й дивизии войск НКВД. Вместе с ними сдерживали натиск гитлеровцев и подразделения 4-й бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота.

Защитники города понимали: пропустить противника на правый берег — это значит позволить фашистским извергам затянуть петлю блокады намертво. Как клятва повторялись слова: «Не допустим врага до стен родного Ленинграда!»

Среди тех, кто служил в 1-й дивизии в то суровое время, был пермяк Василий Константинович Лунев.

Прямо с завода рабочие Ленинграда уходили на фронт.

ПОГРАНИЧНИКИ ВСТУПАЮТ В БОЙ

Великая Отечественная война застала Лунева на советско-финляндской границе. Кадровый офицер, он служил в штабе пограничного отряда, расположенного неподалеку от Выборга.

Пограничники первыми приняли на себя удар вражеских войск. Сражение не утихало ни днем ни ночью. Несмотря на значительное превосходство в силах, противнику долгое время не удавалось продвинуться вперед.

В одном из боев 29 июня Василий Константинович был ранен в правое бедро, а затем — в голову. Товарищи помогли ему добраться до командного пункта полка.

Полковник В. А. Трубачев* выслушал доклад Лунева, потом вызвал полкового врача и приказал отправить Василия Константиновича в медсанбат. Санитарным поездом Лунева отправили на родной Урал, в Пермь.

Сильный молодой организм уральца, его стремление вернуться в строй, а также старание и доброта врачей помогли Василию Константиновичу быстро встать на ноги.

В середине августа он возвратился в 102-й пограничный отряд, на базе которого к тому времени была сформирована 1-я стрелковая дивизия НКВД. Лунева направили в 1-й стрелковый полк заместителем начальника штаба.

Командиром 1-го полка был бывший начальник штаба погранотряда майор Тарашкевич, а начальником штаба — капитан Дерзиян. Давние друзья по службе на границе, спаянные и проверенные в начале войны фронтовым огнем, вновь были вместе. Теперь им предстояло воевать в еще более сложных условиях: полк оказался прижатым к Неве несколькими фашистскими соединениями.

---

* В. А. Трубачев — командир полка, впоследствии генерал-майор, Герой Советского Союза. Возглавлял 86-ю стрелковую дивизию в период прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года.

Командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров
и член военного совета фронта А. А. Жданов.

НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НЕВЫ

1-я дивизия НКВД, возглавляемая полковником Семеном Ивановичем Донсковым* и полковым комиссаром С. З. Шерманом, не была полностью укомплектована. Но когда после падения станции Мга (30 августа) создалась опасность прорыва фашистов к Ладожскому озеру и на правый берег Невы, это соединение было спешно переброшено к поселку Павлово.

Правый берег Невы почти на всем ее протяжении покрыт болотами и лесами. Наиболее удобным местом для переправы войск был участок Невской Дубровки. Здесь — пристань и хорошие дороги, идущие в различных направлениях.

---

* С. И. Донсков после войны в звании генерал-лейтенанта скончался в Москве.

Сразу после прибытия на Неву 1-й полк дивизии НКВД получил приказ: наступать вдоль реки вниз по ее течению, выбить противника из поселка Отрадное. Полку также вменялось в обязанность прикрывать железнодорожную ветку Мга — Павлово. Слева от 1-го наступали 2-й и 3-й полки. Им было приказано остановить противника, не дать ему выйти к Шлиссельбургу. Так начались бои на Неве. С этих дней появляется название Невский плацдарм.

Силы сторон были далеко не равными. Численное превосходство фашистов наши бойцы и командиры компенсировали смелостью, воинской выдумкой и самоотверженностью.

Боевые действия чаще всего разгорались в лесу и на окраинах населенных пунктов. Самолеты со зловещими крестами стаями кружили в воздухе, тоннами сбрасывая смертоносный груз на наши позиции.

Первый и второй батальоны 1-го полка, атакуя противника, оттеснили его к северной окраине поселка Отрадное. Третий батальон находился во втором эшелоне, занимая южную часть поселка Павлово. Там же размещались в землянках и окопах штаб 1-го полка и минометный батальон. Восточную окраину поселка прикрывали две резервные роты. В одну из них, только что сформированную, вошли лишь добровольцы-политбойцы.

3 сентября после продолжительной бомбежки Гамбургский полк СС «Мертвая голова» предпринял яростную попытку прорваться к Неве. Эсэсовцы стремились расколоть нашу дивизию и наносить ей удары по частям. Но намеченной цели гитлеровцы не достигли. Встретив завесу пулеметного и автоматного огня, отсеченные от дороги огнем артиллеристов и минометчиков, они были загнаны в болото и почти все уничтожены. Лишь небольшой группе удалось проскользнуть к лесу и бежать к станции Мга.

Захваченные в плен на допросе сказали, что «был приказ фюрера любой ценой уничтожить советские войска на левобережье Невы и прорваться на ее правый берег».

Операцию отпора эсэсовцам проводил начальник штаба полка Дерзиян. Он непосредственно руководил действиями третьего стрелкового батальона и двух минометных рот. На долю Лунева выпало руководство двумя

стрелковыми и минометной ротами, а также штабными подразделениями. После боя майор Тарашкевич награждал Василия Константиновича золотыми (трофейными) часами и объявил ему благодарность.

Действия личного состава полка получили одобрение руководства дивизии и командования фронтом.

Враг наращивал силы, готовясь обрушить на позиции дивизии удары двух своих соединений. Утром 5 сентября более 50 самолетов стали бомбить ее расположение.

Сразу после налета полковник Донсков приказал командиру 1-го полка срочно снять с занимаемых позиций первый и второй батальоны и направить их навстречу группировке противника, пытающейся прорваться к поселку Павлово и железнодорожному мосту у села Кузьминки. В приказе указывалось, что отход на правый берег Невы возможен лишь после минирования моста. Если же фашистам удастся выйти на мост, он должен быть взорван вместе с вражескими войсками и техникой.

Довести приказ до подразделений было поручено Луневу и секретарю партийного бюро полка старшему политруку Лапишеву. Вместе с ординарцем они побежали на командные пункты сначала первого, а затем второго батальонов. Передав распоряжение и объяснив обстановку, той же дорогой хотели вернуться в штаб полка. Однако положение резко изменилось, фашисты успели продвинуться вперед, дорога была ими занята.

Оставалось единственное — пробираться лесом. И они бросились в чащу. Ветки хлестали лицо. Василий и его спутники часто проваливались в зыбкую почву, черпали сапогами холодную осеннюю воду.

Вдруг впереди раздались голоса.

— Форвэртс, форвэртс, шнеллы! * — властно требовал командирский голос.

Лунев и его товарищи, затаив дыхание, прижались к холодной мокрой земле. Разгоряченные от бега, теперь они озябли и стали дрожать. Лунев почувствовал боль в правом бедре, которое после ранения еще не зажило толком. От сильного перенапряжения, а также, вероятно, от охлаждения раненая нога перестала действовать. А время шло, была дорога каждая минута.

Когда немецкие голоса поутихли, Лунев и Лапишев

---

* Вперед, вперед, быстрее! (нем.).

переглянулись, они поняли мысли друг друга: «Нельзя терять ни минуты, надо спешить вперед».

Но нога Лунева совсем онемела. Василий Константинович начал ее растирать. Лапишев тем временем сделал несколько шагов вперед, потом обернулся и заметил беспомощность Лунева.

— Что с вами, товарищ старший лейтенант? — спросил он. — Вы не ранены?

— Ничего, — ответил Лунев, — вы идите, а я соберусь с силами, догоню.

— Нет, Василий Константинович, — ответил старший политрук, — мы вас одного не оставим.

— Я не беспомощный, — сказал Лунев. — У меня автомат и четыре магазинных коробки с патронами.

Но старший политрук взял его на спину и лобрел.

Потом Василий Константинович почувствовал, что мышцы правой ноги снова ожили. Он пошевелил ногой — работает. Радостный, Лунев стиснул друга в объятиях, и все трое двинулись дальше.

В лесу, со стороны восточной окраины поселка Павлово, слышалась перестрелка, разрывы мин и снарядов.

— Саша, — сказал Лунев Лапишеву, — это, видно, наш полк вступил в бой. Удержатся ли?

Добравшись до северо-восточной окраины поселка, они поняли, что их тревога оказалась напрасной. Командир 1-го полка, выполняя приказ комдива, упредил стремление фашистов с ходу прорваться к мосту. Теперь главная задача заключалась в том, чтобы не пропустить противника к переправе, дать возможность минерам подготовиться ее к взрыву. И полк всеми своими батальонами и штабными подразделениями перекрыл подступы к железнодорожному мосту.

Гитлеровцы накатывались волна за волной. Они шли во весь рост с засученными по локоть рукавами, поливая пространство впереди себя ливнем свинца из прижатых к животу автоматов. Но их расчет морально подавить защитников моста не удался. Оставив на поле сражения много убитых и раненых, фашисты на какое-то время прекратили атаки.

В этот момент в расположение полка прибыл комиссар дивизии Шерман. Лунев знал его еще по мирному времени, когда тот был комиссаром группы пограничных войск, и по финской кампании.

Пришла война.

Появление в полку комиссара подняло дух людей. И когда Шерман сказал, что два других полка ведут тяжелые оборонительные бои более чем с тремя дивизиями

противника, бойцы стали глубже окапываться, энергичнее готовиться к отражению натиска врага.

Где находятся командир и начальник штаба дивизии, никто не знал. Комиссар запросил по радио поддержки с правого берега Невы огнем артиллерии и, по возможности, авиацией. Затем, внимательно выслушав командира полка и проанализировав создавшееся положение, Шерман посоветовал организовать оборону моста одним батальоном. Двум же другим батальонам начать переправу на правый берег Невы и сразу после выхода туда организовать поддержку идущих следом подразделений всеми видами огня.

Инженерные части к этому времени покрыли железнодорожное полотно моста щитами из досок, заминировали и подготовили к взрыву разводную часть.

Переход через мост основных сил 1-го полка прошел благополучно. Когда же стали передвигаться его тыловые подразделения и штаб дивизии, противник открыл сильный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Враг решил отсечь тех, кто остался на левом берегу.

Просьба комиссара дивизии помочь огоньком с правого берега сыграла важную роль. Вместо того чтобы бить по переправе, пушки и минометы противника были вынуждены вести контрбатарейную дуэль. Этим незамедлительно воспользовались наши части и вновь устремились через мост. 1-й полк переправился почти без потерь. Когда наши последние группы вышли на правый берег, фашистские солдаты с диким воем устремились на мост. Ширина Невы в этом месте достигает примерно шестисот метров. Поэтому саперы не спешили со взрывом. До правого берега оставалось двести, сто пятьдесят, сто метров... Какие нервы нужны были для того, чтобы, зажав дыхание и стиснув зубы, удерживать себя от гнетущего желания поднять на воздух фашистских дикарей.

— Мы, — рассказывает Василий Константинович, — были на пределе терпения. Все знали, что мост заминирован, что с секунды на секунду раздастся взрыв, и никто не стрелял по надвигающимся врагам. Вдруг вспыхнуло дымно-рыжее пламя, и через какое-то мгновение раздался толовый гром. Вместе с обломками железнодорожного моста холодные воды Невы поглотили несколько сот гитлеровцев.

ПОД НЕВСКОЙ ДУБРОВКОЙ

Бойцы и командиры понимали, что теперь фашистское командование приложит все силы для форсирования Невы. Где, на каком участке враг будет осуществлять свой замысел? Этого пока никто не знал.

Гитлеровцы же, тем временем, преодолевая упорное сопротивление небольших групп наших войск, оставшихся на левом берегу Невы, а также четвертого батальона 4-й бригады морской пехоты, устремились к Шлиссельбургу (теперь — Петрокрепость).

Полк, в котором находился Лунев, занял оборону на правом берегу Невы: от высоковольтных мачт, через Черную речку и до поселка Невская Дубровка. Далее, выше по Неве, дислоцировался 2-й полк. 3-й полк размещался во втором эшелоне.

Полковник Донсков с группой бойцов и командиров оставил левый берег и переправился через Неву одним из последних. Узнав, что комдив остался жив и продолжает командовать их соединением, Лунев и его однополчане повеселели. Они высоко ценили и горячо, по-солдатски любили этого опытного и смелого офицера.

В конце дня Лунева вызвали в штаб дивизии. Землянка комдива находилась в лесу возле поселка Невская Дубровка. Этот поселок был известен своим бумажным комбинатом.

С момента выхода фашистов к реке Невская Дубровка подвергалась обстрелу артиллерией и минометами противника. На небольшой поселок налетала фашистская авиация, сбрасывая ежедневно тонны авиабомб, стремясь превратить бумкомбинат и жилые дома в груды развалин.

Мирное население поселка ушло в окрестные леса, стали жить в землянках. В лесах вокруг Невской Дубровки расположились и воинские части, прибывшие в эти дни на правый берег Невы.

Василий Константинович перешагнул порог землянки, дверь которой была завешена серым суконным одеялом. Над столом, освещенным керосиновой лампой, склонился комдив. Лунев, служба которого прошла на границе, неоднократно встречался с Донсковым. Тот всегда был бодр и подтянут. Сейчас полковник, сутулясь и скло-

Старший лейтенант
В. К. Лунев.
Июнь 1941 г.

нив на ладонь левой руки голову, на висках которой появились белые пряди, делал какие-то отметки на карте. Луневу не хотелось нарушать мысли комдива. Но Донсков, заметив вошедшего, встал с табуретки, подошел к Луневу, поздоровался. Потом указал ему рукой на соседнюю табуретку.

— Вы, вероятно, знаете, товарищ старший лейтенант, о наших потерях, — заговорил он без вступления. — Необходимо продумать, как вывести из-под удара противника части, оставшиеся на левом берегу. Артиллеристы с правого берега ставят огневой заслон перед ата-

кующим врагом. И все же положение наших людей на той стороне Невы становится все хуже и труднее. Необходимо их под прикрытием ночи переправить на правый берег.

Комдив задумался. Потом он встал, встал и Лунев. Какое-то мгновение полковник и старший лейтенант были погружены каждый в свои мысли. Лунев прикидывал, что именно будет ему поручено в намечавшейся операции.

— Василий Константинович, — прервал томительное для Лунева молчание полковник, положив ладонь ему на плечо. — Я знаю вас как опытного штабного работника. Вы также успели хорошо себя зарекомендовать и непосредственно на поле сражения. А сейчас нам нужен, необходим (полковник сделал ударение на этом слове), офицер, который смог бы вывести из-под носа противника оставшиеся на левом берегу части дивизии. Эту задачу мы в штабе решили возложить на вас.

Лунев с волнением слушал эти слова. Командование направило его выполнять столь важное задание. Он готов был немедленно приступить к делу.

— Благодарю вас, товарищ полковник, за доверие! — взволнованно ответил Лунев.

— Ну вот и хорошо, — сказал комдив, — договорились.

Комдив рассказал Василию Константиновичу о средствах переправы, показал место стоянки на Неве бронекатеров, подчеркнул на карте участки предполагаемой посадки личного состава на плавсредства и переправы его через Неву.

Задача была ясна, и Лунев попросил разрешения приступить к ее выполнению.

— Удачи тебе, старший лейтенант! — сказал полковник, крепко пожимая руку Василию Константиновичу. Лунев быстро вышел из землянки и направился к берегу, где у небольшого причала на волне, словно рыбачий поплавок, покачивался катер.

Осенняя ночь была холодной. То ли от пронзительно-го невского ветра, то ли от кромешной тьмы, через которую надо было вслепую пройти к левому берегу, Луневу стало не по себе, знобило. К земле он привык, а вот как действовать на воде?.. Но мысли старшего лейтенанта прервал моряк, видимо, давно ожидавший пехотного офицера.

— Садитесь, товарищ командир, — сказал он Луневу. — Мы сейчас мигом перемахнем Неву, и будет полный порядок, как на Балтике!

Катер торопливо зафыркал мотором, заработал винт, и они действительно быстро «перемахнули» шестисотметровую Неву.

Ошвартовавшись у борта бронекатера, моряк повел Лунева к командиру группы бронекатеров. Морской и пехотный офицеры договорились о ходе выполнения предстоящей задачи. Затем Лунев осмотрел катера и шлюпки, на которых остаткам личного состава дивизии предстояло переправиться через Неву.

Вскоре Лунев связался с командирами частей, передал им приказ комдива, велел приготовиться к посадке людей на плавсредства.

Перед тем как оставшиеся на левом берегу части начали отход с занимаемых позиций, бронекатера открыли по противнику отсечный огонь.

Так, с помощью моряков, находившихся в это время на Неве, остатки наших бойцов были переправлены на правый берег и влились в состав войск, находившихся в районе поселка Невская Дубровка.

8 сентября фашистам удалось захватить Шлиссельбург. Левый берег Невы от ее истока до поселка Ивановское на протяжении 30 километров оказался в руках врага.

ФАШИСТЫ ПЫТАЮТСЯ ФОРСИРОВАТЬ НЕВУ

Наше командование понимало, что фашисты не откажутся от мысли форсировать Неву, захватить правый берег. Сил у них для этого было много: на левом берегу сосредоточилось несколько дивизий, артиллерийских и минометных частей, инженерные подразделения, авиация, танки. Враг имел в неограниченном количестве снаряды и мины разного калибра, боеприпасы для пулеметов и автоматов.

В обороне на правом берегу Невы.

Учитывая надвигающуюся опасность, наши войска на правом берегу спешно рыли траншеи, сооружали доты и дзоты. Саперы тем временем минировали местность, уста-

навливали столбы с колючей проволокой, строили наблюдательные пункты, прокладывали линии связи.

Прикрываемые темными сентябрьскими ночами, шли к Невской Дубровке сформированные в Ленинграде истребительные подразделения и части народного ополчения, подразделения регулярных частей и моряки Краснознаменной Балтики.

Сюда же в первой декаде сентября прибыла и 115-я стрелковая дивизия.

Правый берег готовился к решительному отражению десанта противника. В ротах и батальонах из лучших стрелков формировались снайперские группы. Они оказывались на берегу в наиболее вероятных для переправы местах, маскировались, готовились к встрече фашистских лазутчиков и десантников.

Почти каждые сутки десятки шлюпок и катеров, наполненных фашистскими солдатами и офицерами, стремились пересечь Неву. Но наши артиллеристы, минометчики и снайперы заставляли повернуть вспять вражеские десанты или отправляли их на дно реки.

МЕТКИЙ ОГОНЬ ЗЕМЛЯКОВ

В этих операциях вместе с Луневым участвовали его земляки.

К. И. Чирков, уроженец села Платошино Пермского района, прибыл под Невскую Дубровку в начале сентября. Кузьма Игнатьевич был опытным артиллеристом, еще на Халхин-Голе он громил японских милитаристов, в начале войны с фашистами и белофиннами сражался под Выборгом.

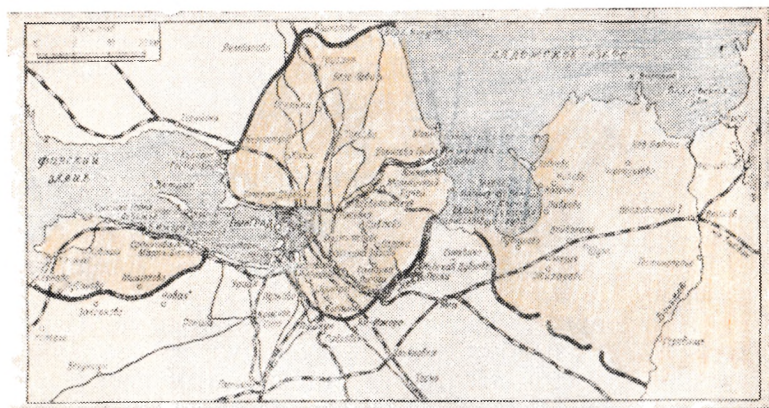
Орудие Чиркова, установленное на правобережье Невы, поддерживало огнем сражавшихся на левом берегу. Оно вступило в контрбатарейную дуэль с вражеской артиллерией. Фашисты имели преимущество: снаряды у них были в неограниченном количестве. Наши же артиллеристы уже находились на «голодном пайке». Им выдавалось всего по несколько снарядов на сутки.

Но русская смекалка помогла Кузьме Игнатьевичу и его товарищам найти хороший выход из создавшейся обстановки и наносить противнику большой урон.

Пока фашистские пушки долго и бесцельно грохотали, стреляя «в белый свет, как в копеечку», расчет Кузьмы Игнатьевича молчал. Чирков и его товарищи в это время тщательно засекали местонахождение вражеской артиллерии. Потом, выбрав удобный момент, орудие Чиркова выпускало два-три прицельных снаряда, и «горластый» противник навсегда умолкал. Так, рассказывают очевидцы этой дуэли, в один из дней расчет орудия Чиркова срезал «под корень» расчет противника, имевший вдесятеро больше боеприпасов.

Все было продумано и на случай форсирования противником Невы. Вместе с товарищами по орудию Чирков заблаговременно разбил поверхность реки на квадраты, произвел необходимые вычисления и был готов разить фашистов без промаха.

Линия фронта под Ленинградом
с 21 сентября 1941 г. Схема.

Так и произошло, когда гитлеровцы 9 сентября на целой армаде катеров и шлюпок отплыли от левого берега. Орудийный расчет Кузьмы Игнатьевича с первого выстрела отправил на дно Невы несколько шлюпок непрощенных гостей.

Минометные расчеты на правом берегу в то время тоже не имели нужного количества мин. Однако это их не обескураживало.

— Мы, — рассказывает Николай Федорович Заболот-

ных, уроженец деревни Заболотное Чердынского района, — старались каждую мину посылать только в цель.

В минометном батальоне 450-го полка 265-й стрелковой дивизии вместе с Николаем Федоровичем служил и его брат Петр Федорович, а также земляки К. Никулин и Н. Кожевников. Минометы были мощными, 82-миллиметровыми, их «гостинцы», направляемые точно в цель, наносили врагу большой ущерб.

— Били мы, — вспоминает Николай Федорович, — только по скоплениям противника и в том случае, когда он появлялся на шлюпке или на катере. У нас не было таких возможностей, как у фашистских минометчиков и артиллеристов, которые даже по одному нашему человеку, замеченному на правом берегу Невы, открывали ураганный огонь сразу из нескольких стволов. Да что там по человеку, они, не умолкая, палили и тогда, когда вообще никого не видели. Этим самым, вероятно, хотели подавить наш боевой дух, сломить волю. Но не тут-то было, мы не из робкого десятка!

Как гитлеровцы ни старались достигнуть намеченной их командованием цели, у них ничего не вышло. Потери же противника были огромными. Красноречивы записи в дневнике, найденном при убитом обер-лейтенанте фашистской армии.

«8 сентября 1941 г. Мы думали маршировать по улицам Ленинграда к 1 августа. Черта с два! Русские все больше удивляют нас своим упорством. Бьются до последнего патрона. Невиданное, неслыханное дьявольское упорство. Похоронные команды делают кладбище за кладбищами для наших солдат и офицеров.

12 сентября 1941 г. Четыре дня ожесточенных сражений с русскими за переправу Невы не дали желанных ре-

Минометчик
Н. Заболотных.

зультатов. Мы попали в какую-то мясорубку! Сотни наших товарищей не нуждаются в похоронах, они покоятся на дне русской реки»*.

Фашисты, несмотря на большие потери, не отказались от своих планов. Подтягивались новые полки, техника, средства для переправы. Гитлер торопил фон Лееба, требовал от него немедленного покорения города на Неве.

Суть этой наступательной операции была лаконично зафиксирована в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Ф. Гальдера: «Прорыв в северо-восточном направлении с целью соединения с финнами»**. В момент написания этих строк Гальдер еще спокоен. Правда, былой полной уверенности в неотразимости ударов немецких войск в своих записях он уже не проявляет. «Из-за особенностей положения группы армий «Север», — как пишет в этот же день Гальдер, — едва ли это наступление будет достаточно четким и последовательным».

Предчувствие не обмануло господина Гальдера: ни четкости, ни последовательности в действиях группы армий «Север» не будет! Более того, голос начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии скоро сорвется, и он запоет иначе...

НЕВСКИЙ «ПЯТАЧОК»

В середине сентября 1941 года наше командование принимает решение захватить плацдарм на левом берегу Невы. Наличие такого плацдарма мешало переброске вражеских войск через Неву, он должен был стать трамплином для прорыва блокады и соединения с войсками Волховского фронта, отвлечь силы группы армий «Север» от подготовки штурма Ленинграда с запада.

Перед броском на левый берег была произведена рекогносцировка местности, тщательно изучен исходный рубеж, определены цели десантным войскам.

Задача была очень трудной. Войска не имели опыта

---

* Лукницкий П. По дымному следу. М., Изд-во ДОСААФ, 1973, с. 19.

** Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки нач. ген. штаба сухопутных войск. 1939—1942 гг. Пер. с нем. Т. 3. М., Воениздат, 1971, с. 326.

форсирования широкой водной преграды. Фашисты занимали крутой, обрывистый берег, высота которого достигала 12 и более метров. Наш же, правый, берег был невысоким, пологим, хорошо просматривался и свободно простреливался.

Для переправы требовалось очень большое количество плавсредств. Доставка их в район Невской Дубровки прошла хорошо и быстро. Штаб морской обороны Ленинграда и тыл Краснознаменного Балтийского флота буквально за одни сутки перебросили к месту переправы сотни шлюпок и катеров. Их сгрузили и замаскировали в лесах возле реки Дубровка.

В числе первых участников штурма левого берега и захвата плацдарма в районе Московской Дубровки (напротив Невской Дубровки) были и уральцы. Это С. М. Овчинников и Н. Аитов из поселка Юг Пермского района, пермяки Иван Степанович Глазков и Яков Григорьевич Нечаев, кизеловец Иван Евгеньевич Гаврилов, Федор Степанович Туров из Большесосновского района, братья Николай и Петр Заболотных из Чердыни, Никулин, Кожевников и другие.

Ночью 18 сентября инженерные отряды и группы моряков спустили десантные средства на воду. Вскоре прибыли десантники, погрузились на плоты, катера и шлюпки. Ночь была темной, моросил дождь.

— В такую погоду, — прошептал чей-то голос, — хороший хозяин даже собак на улицу не выпускает.

— Это хорошо, что такая погода, — ответил ему Сергей Овчинников.

— Что же здесь хорошего? Пока доплывем до левого берега, простудимся все.

— А ты что, к теще на блины пришел сюда? — огрызнулся Овчинников. — Смотри, как фашист непрерывно «свечи» в воздухе вешает, чтобы видеть все вокруг. Он ведь тоже не дурак, на всякий случай присматривается, боится, как бы мы его не поддели. А в дождь, да при тумане, хоть глаз выколи, — ничего не видно. Может быть, он, как и ты, — неженка, думает, что русские в окопах попрятались, да и сам в нору залез, башлык до носа нахлобучил и дремлет.

— Небось не дремлет, если все время стреляет и «свительники» в небе ставит, — не унимался невидимый собеседник.

— Соображать надо, голова! — с напускной сердитостью сказал Овчинников. — Стреляет он не целясь, «сверлит» себе белый свет, да и только, словом, пугает таких вот, как ты. А «свечки» вешает — делает вид, что у него все как на ладони.

Враг и в самом деле прозевал наш десант, который без потерь форсировал Неву и густым, неудержимым потоком рванулся вперед. Противника отбросили от берега на несколько сот метров. В этих схватках большое мужество и отвагу проявили бойцы капитана В. П. Дубика.

Фашистское командование, встревоженное потерей прибрежного участка, спешно стало направлять в район Московской Дубровки подкрепления. В то время как наши подразделения, группа за группой, днем и ночью переправлялись через Неву под огнем противника, вражеские войска, маскируемые лесом, беспрепятственно двигались к исходным рубежам.

По мере накопления сил с той и другой стороны накал боя нарастал.

22 сентября фашисты под прикрытием нескольких танков попытались сбросить наш десант в воду.

— Мы, — рассказывает Овчинников, — подготовились к отражению атаки гитлеровцев. Наш расчет противотанковой пушки окопался, сложил боеприпасы рядом с орудием, наметил ориентиры на местности.

Я уже не раз встречался с противником. Первый бой принял на финской границе. Тогда, признаюсь, было как-то жутко. Но ничего, выстояли. Потом наша часть была переведена в район железнодорожного моста Северной железной дороги. Здесь на нас налетело несколько десятков «юнкерсов». Дружный огонь зенитных батарей сбил их с курса, и они бесцельно сбросили свой смертоносный груз в стороне. Тогда я понял, что самый опасный враг бойца — это неуверенность в себе.

Теперь мы знали, что придется нелегко. Но были уверены: выстоим.

Вот впереди показались танки. Сколько их было, не могу сказать. Помню только, что за танками, сторбившись, крадучись, шли солдаты. «Так гады, — подумал я, — приучили вас кланяться нам». Бывало, в первые дни войны, напившись своего по-

ганого шнапса, шли они вперед, задрав голову, и палили из автоматов, не целясь. Теперь иное дело!

Когда танки приблизились к ориентирам, наметанным расчетом батареи, раздался выстрел, второй... Танк, у которого снарядом разорвало гусеницу, закрутился, потерял управление.

Кто-то из наших закричал:

— Капут Гитлеру!

Этот радостный голос поднял дух бойцов, они усилили огонь.

Вместе с пушкой расчета Овчинникова стреляли и другие батареи. Потом над нашими бойцами просвистели снаряды и мины, летящие из-за спины. Люди поняли, что их поддерживают батареи, установленные на правом берегу Невы у поселка Невская Дубровка.

Атака противника захлебнулась. На поле боя дымилось несколько подбитых вражеских машин, землю устлала трупы гитлеровских солдат и офицеров.

На следующий день под прикрытием танков фашисты вновь предприняли попытку смять наших смельчаков-десантников. Положение сложилось очень напряженное. Снаряды у наших артиллеристов были на исходе. А враг наседает и наседает. Тогда командир первого батальона 638-го стрелкового полка капитан В. П. Дубик взял связку противотанковых гранат, поднялся во весь рост и со словами: «За Ленинград!» бросился на вражеские танки. Его пример всколыхнул всех бойцов. На танки полетели связки гранат, бутылки с горючей смесью. Стальные фашистские машины окутались густым, едким дымом. Оставшись без прикрытия, неприятельская пехота дрогнула и откатилась назад.

Штыковые и рукопашные схватки на левом берегу разгорались ежедневно. В одном из боев, когда у наших бойцов кончались патроны и гранаты, высокое мужество проявил чердынец Петр Федорович Заболотных.

День приближался к концу, темнело. Отразив с утра более десяти атак, десантники надеялись, что наступила передышка. Вдруг впереди вновь показалась цепь гитлеровцев.

— Подпустим ближе и ударим наверняка, — сказал Заболотных друзьям.

Товарищи молча, кивком головы, одобрили смелый план.

Противник недалеко от окопов. Раздаются меткие выстрелы, несколько фашистов падают. Но остальные, как осатанелые, продолжают лезть.

В ход пошли последние гранаты. А когда не помогли и они, поднялся Петр Заболотных.

— Вперед! — крикнул он. Его товарищи вслед за ним кинулись на врага. Они не только удержали занятые рубежи, но и сделали бросок вперед еще на несколько метров. А каждый метр для сражавшихся на Невском «пятачке» значил очень много.

В этом бою вражеская пуля скосила Петра Заболотных.

В числе первых соединений под Невскую Дубровку осенью 1941 года прибыла 86-я стрелковая дивизия.

17 сентября это соединение, сформированное как 4-я дивизия народного ополчения, после тяжелых кровопролитных боев было отведено к Володарскому мосту Ленинграда на отдых и формирование. Однако, вследствие напряженного положения в районе Невской Дубровки, дивизия, не успев расквартироваться, получила приказ и в ночь на 18 сентября вышла маршем к совхозу «Овощ».

Сосредоточившись в этом совхозе и разместив артиллерию на огневых позициях, дивизия подтягивала тылы, готовилась к броску на левый берег.

В ночь на 21 сентября 86-я дивизия переправила через реку свои резервы и на рассвете повела наступление на линию укреплений противника у рощи «Фигурная»*.

Среди тех, кто воевал в этом соединении в самое трудное время, был сын потомственного уральского рабочего комсомолец-десятиклассник Николай Карасев.

В СЕМНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

Семья Карасевых с давних пор тесными трудовыми узами связана с Уралом. Дед Николая Павел Степанович долгие годы проработал на Мотовилихинском заводе. Отец тоже начал трудиться на этом заводе. Когда разгорелась гражданская война, ушел на фронт. Защи-

---

* Архив МО СССР, ф. 265, оп. 1517, д. 95, л. 4.

щал Петроград от контрреволюционных нашествий, потом работал на Путиловском заводе. Тянуло на родной Урал, в Пермь, где ему вручали партбилет. Однако партия велела оставаться в Петрограде.

Здесь, в Ленинграде, и родился Коля. Он еще ходил в школу, когда отца в числе добровольцев-двадцатипяти-тысячников командировали на Урал.

Почти десять лет после этого токарь Алексей Карасев проработал на Мотовилихинском заводе. Восторженные рассказы отца о товарищах, вместе с которыми он делал сложнейшие приборы и машины, навсегда запомнились Николаю.

В середине тридцатых годов отец и мать Николая вернулись в Ленинград. Он остался у тети, учиться в школе. Окончив школу, думал поступить в мореходное училище. Он любил море, мечтал о кораблях, о дальних морских походах. Но жизнь распорядилась иначе.

Уже в июле 1941 года комсомолец Николай Карасев — было ему тогда немногим более 17 лет — добровольцем ушел на флот. Вскоре он сражался в бригаде морской пехоты, был ранен. Потом снова фронт. Теперь Карасева направляют в 86-ю стрелковую.

К Невской Дубровке его подразделение подошло темной ночью. Разместились в лесу, километрах в двух-трех от Невы. Со стороны реки доносился сплошной гул выстрелов, взрывов. Николай тогда впервые услышал слово «пятак». С «пятачка» уже прибыли раненые, от них узнали, что там за ад, смотрели на них как на героев. А кому из мальчишек не хотелось быть героем?

Через несколько дней настала очередь и Николаю идти на «пятак». К этому времени он подружился с чердынцем Александром Хлебниковым. Земляки, как это часто бывает в юности, крепко привязались друг к другу, стали неразлучными. И вот, нагруженные катушками телефонного кабеля и аппаратом, двинулись они к Неве.

Прошли тогда еще не везде разбитые, но опустевшие двухэтажные деревянные дома и под покровом спустившихся на землю сумерек глубоким оврагом добрались до реки. По нашему берегу все время велась стрельба, в воде то и дело вздымались столбы от разрывов снарядов и мин. Связисты сели в утлую лодчонку и направили ее наискосок течению. Не успели отойти от берега и десятка

Связист Н. Карасев.

метров, как неожиданно, без звука, рухнул на борт сидевший вместе с ними на веслах краснофлотец.

Одно весло, выпавшее из его рук, сразу же унесло течением, второе Николай успел подхватить. Плыть назад у ребят даже мысли не возникло: нужно было тянуть на левый берег провод. Саша вырвал скамейку и, как веслом, орудуя ею, помогал Николаю грести.

Когда до берега осталось уже совсем недалеко и друзья были защищены от снарядов и пуль его крутым склоном, вдруг с жутким воем пролетела и шлепнулась где-то сов-

сем близко мина. Взрывной волной лодку опрокинуло, и Николай очутился в ледяной воде. Катушка с кабелем и аппарат, а также карабин, потянули Николая на дно, от которого он сразу же оттолкнулся руками и рванулся вверх. К счастью, было неглубоко. Вдохнув в грудь воздуха, Карасев вновь стал опускаться на дно, но уже ногами вниз. Коснувшись грунта, почувствовал, что его катушка над поверхностью воды. Он сделал к берегу несколько шагов и, высоко задрав подбородок, мог уже дышать. Еще пять-шесть шагов к берегу — и Карасев в воде только по горло.

Николай оглянулся назад, но не увидел ни лодки, ни друга. Подумал, что Саша погиб. Решил уже идти к берегу, как вдруг услышал позади себя: «Кар!» Оглянулся — никого. Решил, что ему почудилось. Но только шагнул вперед — опять: «Кар!» Николай оглянулся — снова никого нет.

«Что за чертовщина?» — подумал Николай. Повернувшись, стал ждать, что будет дальше. Вдруг из воды показалась голова и, открыв рот, судорожно схватив порцию воздуха, опять произнесла: «Кар» — и под воду. Это бедный Сашка, который Николаю ростом по плечо, тоже обвешанный катушками и оружием, пытается крикнуть:

«Карасы!». Но его сразу тянет вниз, на дно. Николай кидается к другу, хватает его за воротник шинели, потом тянет за собой к берегу.

Фашисты ожесточенно наседали. Все, кто мог держать оружие, принимали участие в отражении их атак. И друзья, не успев обсушиться или переодеться, с ходу бросились отбивать штурм гитлеровцев. И так повторялось через каждые полтора-два часа.

В тот день Сашу Хлебникова тяжело ранило. Николай вытащил друга из-под огня, приволок на шинели к берегу Невы. Здесь он передал Сашу медработникам и вновь ушел на «пяточок». О дальнейшей судьбе друга Карасев узнал лишь после войны. Саша погиб на польской земле.

Воевал Николай Карасев уже не первый день, но такого, что творилось на «пяточке», еще не видел. Все пространство простреливалось насквозь. С 8-й ГЭС и с сопки за дорогой кинжальным огнем били крупнокалиберные пулеметы, минометы, разрывы бомб и снарядов всех калибров сотрясали берег. Все живое зарывалось в землю. В нишах под берегом, названных фронтовиками «лисьими норами», пользуясь для освещения телефонным кабелем, подвешенным к потолку и чадящим нещадно, спасались люди от этого губительного огня.

Всем доставалось лихо, но связистам, казалось, особенно. Как только готовилась очередная атака и на плацдарм обрушивался шквал огня, каждый старался спрятаться в менес опасное место. Связистам же приходилось, наоборот, выбираться из своих укрытий и восстанавливать нарушенную огнем противника связь, которая именно в эту минуту должна была работать бесперебойно.

Связистов выбивало быстро, а пополнение с того берега далеко не всегда доходило своевременно. По нормам одну линию полагалось обслуживать двум линейным связистам-надсмотрщикам. Карасеву же пришлось одному обслуживать две линии.

У человека есть свойство — ко всему привыкать. Сжился с тем адом, что свирепствовал на «пяточке», и Николай. Страх за жизнь не было, его заглушала наивная мысль, что убить не должны. Как же может без него — Николая Карасева — продолжаться и война и вообще вся жизнь, когда он в этой жизни какая-то, хотя и очень мелкая, но необходимая частица.

Особенно напряженными на «пяточке» были праздничные ноябрьские дни: атака за атакой, все время стрельба, взрывы, вздыбленная земля. Отчаянные попытки добиться успеха, прорвать блокаду и соединиться с Волховским фронтом. В одной из атак приняли участие и связисты, все, кто мог активно действовать. Бежавший со штыком наперевес Карасев вдруг увидел, как здоровенный фашист удерживает пригвожденного к земле штыком моряка. Николай с ходу налетел на гитлеровца и вонзил в его грудь штык... Уже после того, как ощутил себя сидящим на бруствере чужого окопа, стал приходить в себя. Как он там очутился, вспомнить не мог. Бежал, стрелял, падал, кричал, снова бежал. Шапки не было, хотелось пить...

Наступило вроде как бы временное затишье, выдохлись фашисты. Не было сил для серьезных атак и у нас.

Ночью группа разведчиков и Карасев вместе с ними побывала у противника. Выявив его огневые точки, возвращались через нейтральную полосу к своим. Вдруг заметили телефонный кабель. Старшина велел проследить, куда он идет. Николай схватил кабель и, скользя по нему рукой, побежал вдоль линии. В это время гитлеровцы открыли огонь. Снаряды и мины рвались вдалеке. Однако осколки Николая на сей раз не миновали. Он упал. Потом вскочил, сгоряча пробежал несколько шагов, вновь упал и потерял сознание.

Очнулся Карасев в землянке. Моряки протягивали ему гречневую кашу-концентрат в котелке и, подбадривая, говорили:

— Порубай, браток.

Когда накормили, сделали перевязку, вечером хотели переправить с «пяточка» на правый берег. Но тут-то Николай неожиданно для себя струхнул. Нервы, видимо, сдали. «Как, — подумал он, — из землянки вылезать под разрывы, да через Неву переправляться, где вся вода кипит от осколков?»

Ночью все же Карасева переправили на правый берег. Здесь поместили в госпитальную землянку. В тыл, в Ленинград, Николай ехать не желал, не хотелось расставаться со своей частью, с верными боевыми друзьями. И его оставили в медпункте. Вскоре Николай подлечился — и снова на «пяточок». Второй раз пробыл он там недолго. Через четыре дня его вновь ранило, уже тяже-

ло. Поэтому — безоговорочная эвакуация в Ленинград.

Больше на «пяточок» Карасев не возвращался. После выписки из госпиталя с батальоном выздоравливающих был вывезен из Ленинграда через Ладогу по «Дороге жизни» на Большую землю. Лечился в родных местах — в пермском госпитале.

— Я навсегда благодарен землякам, — говорит Николай Карасев, вспоминая былые годы. — Они воспитали меня в юности, спасли после тяжелого ранения на Невском «пяточке», поставили на ноги, дали вторую жизнь.

«ОГОНЬ НА МЕНЯ!»

Об этом рассказал мне младший сержант, связист четвертой батареи 798-го артиллерийского полка Максим Яковлевич Звездоглядов, проживающий ныне в Перми.

— 265-я стрелковая дивизия, — вспоминает Максим Яковлевич, — пришла под Невскую Дубровку, когда на левом берегу кипели, не утихая, жестокие бои.

Выявление артиллерийских точек и минометов противника, а также корректировка стрельбы наших батарей с правого берега возлагались на специальные группы управления. Взводом управления четвертой батареи командовал лейтенант Левит. Его наблюдательно-корректировочный пункт находился на левом берегу Невы, на Невском «пяточке».

На фронте, и особенно на Невском плацдарме, далеко не всегда люди знали подробности друг о друге. Непрерывные бои, частые бомбежки и обстрелы не позволяли делиться воспоминаниями о былом, обмениваться мнениями, знакомиться. Нередко бывало так, что утром бойцы приходили под Невскую Дубровку и прямо с марша шли на плоты и шлюпки, переправлялись на левый берег, сразу же бросались в схватку с противником. А к вечеру от группы оставалось лишь два-три человека, порой — ни одного...

В таких условиях бойцам редко удавалось хорошо знать не только своих однополчан, но и непосредственных командиров. Левита уважали за смелость, за подлинно артиллерийские четкость и пунктуальность. Звездоглядов слышал от товарищей, что лейтенант прибыл с

Урала, но где родился, из каких мест прибыл под Ленинград, этого Максим Яковлевич не знал.

— В первых числах ноября 1941 года, — продолжал вспоминать Звездоглядов, — в расположение четвертой батареи прибыл начальник дивизионной артиллерии подполковник Жугашвили. Это был храбрый, хорошо знающий свое дело и добрый по натуре человек. Он проверил состояние техники, проинструктировал оружейную прислугу, по душам поговорил с людьми.

— Что нас ожидает на Неве, когда прорвем блокаду, чем кончится эта потасовка? — задал кто-то из бойцов сразу несколько вопросов начальнику артиллерии.

— Положение у нас пока не блестящее, но будет лучше. Разве можно победить таких орлов? — улыбнулся подполковник и указал на стоящих у пушек людей. — А что ожидает нас на Неве и когда освободим Ленинград от блокады, это во многом зависит от вас. Не зря же говорят: артиллерия — бог войны. Значит, вы боги, от вашего огня, четкости и слаженности действий оружейных расчетов во многом зависит исход битвы за Ленинград.

Потом начальник артиллерии решил побывать на Невском «пяточке», посмотреть, где находится взвод управления, поговорить с лейтенантом Левитом. Сопровождающий подполковника командир 798-го артполка капитан Николаенко попытался отговорить его, но тот от принятого решения не отказался. Тогда капитан Николаенко поручил сержанту Звездоглядову сопровождать подполковника.

Неву окутывали густые сумерки. Подполковник Жугашвили, сопровождавшие его бойцы и младший сержант Звездоглядов сели на небольшой быстроходный катер и без приключений добрались до левого берега. Путь до наблюдательного пункта четвертой батареи был непродолжительным*. Командир взвода управления выбрал удобное для обзора окрестности место. Это был небольшой холм с углублением в сторону Невы. Подполковник Жугашвили осмотрелся, определил расстояние до ли-

---

* Глубина Невского «пяточка» в это время составляла всего 600—800 метров.

нии* переднего края, посуровел. Всегда бодрый и веселый, он молчал. Но по его лицу можно было заметить, что подполковник о чем-то думал. Потом он повернулся к Левиту:

— Задача у вас, товарищ лейтенант, трудная, сложная. Ее выполнение связано со смертельной опасностью. Но от вас, от точности сведений, которые вы даете нам, зависит многое...

— Бойцы взвода это хорошо понимают, товарищ подполковник, — ответил лейтенант Левит, — можете на нас положиться, не подведем.

— Спасибо, друг! Благодарю вас от всех, кто, используя ваши данные, метко разит врага с правого берега. Спасибо и от тех, кто дерется здесь, на левом берегу Невы.

Подполковник обнял лейтенанта, они трижды поцеловались.

Начальник артиллерии и сопровождавшие его люди отправились в обратный путь. Не успели они добраться до берега, как противник открыл сильный минометный огонь. В воздухе появилось сразу несколько осветительных ракет.

На берегу осколок мины ударил в висок подполковника. Жугашвили упал. К нему подбежало несколько бойцов, взяли на руки, отнесли в безопасное место, под кручу. Когда Жугашвили опустили на землю, его сердце перестало биться.

Лишь только сквозь горизонт стал пробиваться бледный рассвет, гитлеровцы густой цепью пошли в атаку. Лейтенант Левит дал нашей батарее точные координаты их скопления. Снаряды подняли завесу вздыбленной земли. Но фашисты дикой лавиной накатывались на окопы. Вот они у холма, где расположен наблюдательный пункт четвертой батареи. Граната за гранатой летят во врага, раздаются последние очереди из автоматов. Все, нет больше ни патронов, ни гранат...

И тогда лейтенант Левит дает артиллеристам ориентир, обозначающий на их карте занимаемый взводом управления квадрат.

Правый берег в недоумении, в тревоге. Не произо-

---

* Слово «линия» выделено потому, что весь «пяточок» был передним краем.

шла ли ошибка? Но Левит снова и снова повторяет те же данные и громко произносит:

— Огонь на меня, прощайте, товарищи!

Потом командир взвода выхватил финский нож и, увлекая за собой остатки бойцов взвода управления, бросился навстречу врагу.

Так погибли отважный герой с Урала и его боевые соратники.

ЭВРИКА!

В октябре 1941 года пермяк Василий Трофимович Мартыненко, уже дважды побывавший в госпиталях, прибыл в 1-ю дивизию НКВД. Его назначили командиром взвода связи батареи 76-миллиметровых орудий 2-го стрелкового полка. Эта батарея находилась в километре от Невы, у нее не было никакой связи ни с командованием, ни с другими подразделениями.

Мартыненко явился к командиру батареи капитану М. И. Короткову, доложил о прибытии. Капитан, не теряя времени, распорядился: в течение недели установить связь батареи с командным пунктом полка, гарнизоном Орешка и наблюдательными пунктами полковых батарей.

Командиром одной из этих батарей, в состав которой входило четыре 45-миллиметровые пушки, был тоже уралец капитан Н. В. Левин*.

Задание Мартыненко получил ответственное и трудное. Но для выполнения его почти никаких материалов не было.

Возвращаясь с соседней батареи на свою, Василий Трофимович размышлял о том, где добыть необходимое. Так, шагая в глубоком раздумье, он запнулся о пересекавшие его дорогу провода и свалился в канаву. Выбравшись из нее и поглаживая ушибленный лоб, увидел шедшего от батареи капитана Короткова.

— Чем вы здесь занимаетесь, — улыбаясь, спросил Василия Трофимовича капитан, — грибы собираете?

— Думаю, — ответил Мартыненко, — где раздобыть проволоку для выполнения вашего приказа.

---

* Мартыненко рассказывал, что он встречался с Левниным после войны в Перми, когда тот был уже майором.

— Вижу, что думаете, — сказал Коротков, продолжая улыбаться. — Вон какая от усилий мысли шишка на лбу раздулась, даже ладонью не закрыть.

— Не смейтесь, товарищ капитан, — весело произнес Мартыненко, — эта шишка выручила меня. Проволока-то меня специально наказала за то, что я на нее не обратил внимания. Смотрите, сколько здесь ее. Небось тянется через всю Неву...

Капитан Коротков одобрил план Мартыненко и приказал своему заместителю, старшему лейтенанту И. П. Карапищенко, направить в распоряжение Василия Трофимовича необходимое количество людей. Они трудились несколько часов. Сняли высоковольтные провода с поваленных опор, размотали по «ниткам», затем скрутили в большие кольца. «Нитки» оказались что надо: диаметром 2 миллиметра, медные.

Утром Мартыненко и его помощники проложили линию связи к наблюдательному пункту, расположенному на правом берегу Невы, и к командному пункту батареи Левина. Потом засыпали и тщательно замаскировали. После небольшой передышки принялись за прокладку линии связи к штабу полка. На другой день установили связь с наблюдательным пунктом, находившимся в крепости Орешек. Таким образом, заданное, рассчитанное на семь дней, Василий Трофимович выполнил досрочно. За это командир батареи объявил ему благодарность.

Вскоре Василия Трофимовича назначили командиром взвода связи полка.

Осенью 1941 года, когда противник непрерывно обстреливал и бомбил правый берег, телефонные аппараты и радиостанции часто ломались, провода на линии рвались. Выбывали из строя бойцы взвода связи, и не только те, что погибли или были ранены, многие болели от недоедания, физического и нервного перенапряжения. Заменить же выбывших было нечем. А без связи, как без глаз: расход снарядов увеличивается, эффективность же огня снижается.

Однажды, когда Василий Трофимович ремонтировал радиостанцию, его срочно вызвал старший лейтенант Карапищенко и приказал немедленно восстановить поврежденную связь с командиром полка.

Мартыненко побежал искать повреждение. Он хоро-

шо помнил местность, по которой проходила эта нить, и, не сбавляя шага, всматривался, нет ли на поверхности земли изменений. «Здесь», — сказал он сам себе, увидев воронку от снаряда. И действительно, сразу же обнаружил повреждение провода, соединил его, и связь заработала.

После этого случая Мартыненко собрал своих бойцов и предложил каждому изучить все виды работ, выполняемых связистами. Люди охотно приняли предложение командира взвода. В свободное время (хотя его было очень мало) стали изучать устройство рации, телефона, знакомиться с коммуникациями, по которым тянулись провода. Особенно необходимы были такие занятия новичкам.

Опыт Мартыненко был передан на другие участки, а командир полка вторично объявил ему благодарность.

ВМЕСТО ПОГИБШЕГО КОМБАТА

В середине ноября закрутила колючая от мороза поземка. На Неве появились сугробы-холмы. Особенно холодно было по ночам, когда ртутный столбик, словно ежась от мороза, опускался ниже 20-градусной отметки.

К этому времени полковника Донскова назначили на другой участок фронта. Командиром 1-й стрелковой дивизии НКВД стал Герой Советского Союза полковник В. А. Трубачев. В один из вьюжных дней по его приказу в помощь частям дивизии, сражавшимся на Невском «пяточке», направили третий батальон 1-го полка. Командиром батальона был назначен политрук В. Яковенко, комиссаром — Н. Блохин.

Подготовить батальон к бою командование поручило начальнику штаба полка майору Дерзьяну и его заместителю старшему лейтенанту Луневу.

Едва сгустились сумерки, бойцы скрытно сосредоточились в траншеях и щелях. Они ждали команду для броска через закованную в лед и бугристую от снега Неву.

Наши артиллеристы, чтобы отвлечь на себя внимание батареи противника, открыли огонь. Завязалась орудийная перестрелка. «Под шумок артиллерии» бой-

цы и командиры третьего батальона, одетые в белые маскхалаты, устремились к левому берегу.

Мешали наблюдению противника и длинные змейки снега, гонимые сильным ветром. В этой снежно-белой толчее невозможно было выделить ползущих по льду людей.

Неву форсировали успешно, без потерь. Комбат Яковенко с ходу повел батальоны в атаку. Фашисты, от глаз которых теперь нельзя было укрыться, подняли ураганный артиллерийский огонь. Но атака продолжалась.

В числе наступающих были те самые герои, которые в начале сентября стойко сдерживали гитлеровцев на правобережье Невы, наносили им большой урон. Теперь роли изменились: наши бойцы и командиры не оборонялись, они шли вперед. И хотя нам еще было очень трудно, заметного успеха достичь не удалось, все же настало время наших атак, а противник был вынужден обороняться, непрерывно подтягивать силы, чтобы удержать позиции.

Недалеко от берега, при переходе через насыпь очередь из ручного пулемета смертельно ранило Яковенко. Его заменил младший политрук Блохин.

О гибели Яковенко сообщили командиру дивизии. Полковник Трубачев вызвал к себе старшего лейтенанта Лунева и приказал ему возглавить третий батальон.

— Обстановка на левом берегу сложная, — сказал комдив. — Вы, старший лейтенант, опытный и обстрелянный офицер. Мы возлагаем на вас большие надежды, верим, что с обязанностью комбата справитесь.

Луневу дали группу автоматчиков, несколько медработников, и он отправился на Невский «пяточок».

Без особых приключений Василий Константинович переправился ночью через Неву. Здесь он ознакомился с обстановкой, определил командирам подразделений задачи. Наши потери за истекший день были ощутимыми.

С рассветом, вместе с другими частями, начал атаку. Фашисты здесь сильно укрепились, создали узлы сопротивления, сосредоточили огневые средства. Преодолевая яростное сопротивление врага, батальон в нескольких местах прорвал его оборону, занял склад боеприпасов и обмундирования. В складе находилось более десяти тысяч патронов и около тысячи гранат, которые оченьгодились нашим бойцам. Кроме того, там оказались не-

которые документы, карты местности с отметками расположения фашистских частей.

К гитлеровцам подошло подкрепление. Бои разгорелись с новой силой. Схватки велись на близком расстоянии: от 100 до 30 и менее метров. Порой наши бойцы подходили вплотную к траншеям врага. Тогда завязывалась рукопашная.

В непрерывных атаках и контратаках наши воины освоили новую тактику боя. По их предложению на Невский «пяточок» стали поступать фугасные ручные гранаты. Они обладали большой взрывной силой, предназначались для борьбы с танками. Здесь же, на левом берегу Невы, ручные фугасы пошли в ход против вражеской пехоты, орудийных и минометных расчетов.

Почти каждую ночь бойцы подползали к траншеям и землянкам противника и забрасывали их этими, а также грофейными, захваченными у врага гранатами.

Фашисты уже знали фамилию офицера, командующего батальоном. Они получили приказ во что бы то ни стало разделаться с назойливым и опасным Луневым. Несколько раз они обращались по радио к нашим бойцам с лъстивыми обещаниями, что тем, кто перейдет на их сторону, не только сохранят жизнь, но создадут хорошие жизненные условия и выдадут обильный паек. Не получив ответа, гитлеровцы озверели. Вот что писала в эти дни армейская газета: «На протяжении нескольких часов большая группа вражеских автоматчиков после предварительной артобработки пятнадцать раз атаковывала поредевший батальон, возглавляемый уральцем — старшим лейтенантом Луневым В. К. Но ни одна из этих атак не принесла успеха гитлеровцам. Каждый раз, неся большие потери, они вынуждены были откатываться»*.

Между тем, морозы крепчали, ледяной ветер забирался под шинели, рваные от постоянных боев и рукопашных схваток. А зимнее обмундирование с правого берега не поступало.

Лунев вспомнил о захваченных у противника трофеях. Среди них было немецкое обмундирование, одеяла, а также товары, награбленные гитлеровцами в магазинах Шлиссельбурга и в поселках на Неве: меха, отрезы сукна и драпа, перовые подушки и т. п.

---

* Статья подписана старшим политруком В. Зайцевым.

Василий Константинович принял решение: выдать часть трофейного имущества бойцам и командирам. Получив одеяла, обмундирование, меха или отрезки, люди стали приспособлять и поддевать их под летние гимнастерки, подстилать под себя в окопах.

Атаки фашистов, несмотря на усиливавшиеся морозы и свирепые вьюги, не утихали.

— Особенно помнится, — рассказывает Василий Константинович, — серия буквально непрерывных, с утра до позднего вечера, атак 24 ноября. Я тогда находился в левофланговой роте на песчаном карьере. Оружие из рук не выпускали ни на минуту, даже куска хлеба некогда было съесть. Но все атаки мы отбили, фашистам не удалось отнять у нас ни одного сантиметра земли.

26 ноября остатки третьего батальона сменила вновь прибывшая часть. Нанеся гитлеровцам серьезный урон, уничтожив значительное количество их солдат и офицеров и захватив трофеи, луневцы с честью выполнили свой воинский долг.

Около четырех месяцев сражался на Неве Василий Константинович Лунев. В конце декабря 1941 года его вызвали в штаб 8-й армии, во главе которой стоял прославленный генерал Бондарев*.

— Товарищ капитан, — сказал командующий армией, — собирайтесь в Смольный для получения важного распоряжения.

Так Лунев узнал, что ему досрочно присвоили очередное звание капитана.

В Смольном Василию Константиновичу выдали соответствующие документы и направили на родной Урал -- принимать там сформированные воинские части для грядущих боев.

АТАКУЮТ КОМСОМОЛЬЦЫ БАЛТИКИ

В трудные сентябрьские дни враг обрушивал на головы отважных советских воинов, сражавшихся на Неве

---

* Герой Советского Союза А. Л. Бондарев закончил войну в звании генерал-лейтенанта. Участвовал в параде Победы. Умер в конце 50-х годов.

ском «пяточке», до двух тысяч снарядов и мин в час*. В небо взлетала вздыбленная земля, осколки и камни, корневища деревьев.

Здесь вихрь взвивал до низких туч накаты,
Снега пылали, и в аду таком
Дубровку брали русские солдаты:
«Дубр» был за нами, «Овка» — за врагом.

Так писал Герой Социалистического Труда лауреат Ленинской премии поэт А. Прокофьев.

В составе Невской оперативной группы (образована 22 сентября 1941 года, возглавлял ее генерал-лейтенант П. С. Пшенин) плечом к плечу с армейскими соединениями воевали части 4-й бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота.

В рядах балтийцев сражались юнги и боцманы, прибывшие в середине сентября под Невскую Дубровку с острова Валаам, что на Ладожском озере. Их рота входила в состав третьего батальона. Это были комсомольцы, некоторым из них не исполнилось тогда даже семнадцати лет. Однако отличная морская подготовка, закалка, безграничная преданность Родине и ленинской партии сделали молодых балтийцев бесстрашными в суровых десантных условиях, неукротимыми в атаках и стойкими в обороне.

В роте было немало уральцев: Я. Громов из Чусового, Ю. Корчагин и М. Жигулев из Кудымкара, А. Блохин, П. Зайцев и И. Парфенов из Верещагино, Б. Ильин из Кизела, В. Сухов и Н. Горшков из Кунгура, Б. Бубликов из Свердловска, В. Семенов из Березников, Ф. Ломакин из Краснокамска.

Боевой порыв молодых моряков проявился уже в первые часы их пребывания на Неве.

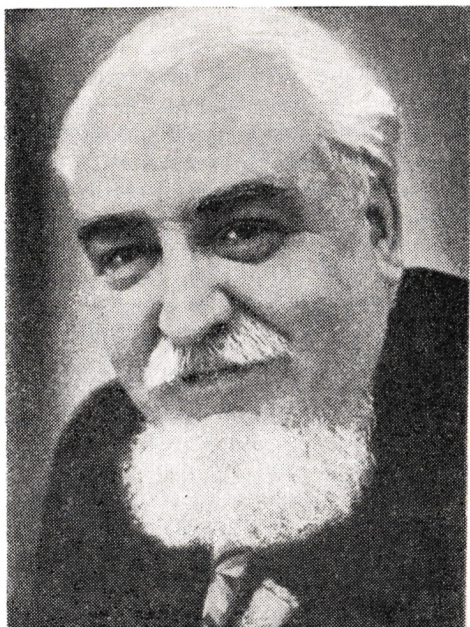
По инициативе комсомольского вожака роты Николая Милосердова была выпущена полная гнева к врагу газета «Полундра». Заметок было несколько десятков, каждая — в две-три строчки.

«Не посрамлю чести балтийцев, — писал комсорг Милосердов, — буду драться штыком. Сломается штык — пушу в ход приклад винтовки».

«Клянусь друзьям и Родине, что каждое мгновение моего пребывания на «пяточке» — это удар по фашист-

---

* Архив МО СССР, ф. 217, оп. 344064, д. 1, л. 5.

А. Ф. Белоголовцев.

«За последнее время корабли нашей флотилии совершили ряд огневых налетов на территорию, занятую фашистскими мерзавцами. Счет нашей священной мести врагу начат.

В этих боях особенно отличился боцман морского охотника коммунист Белоголовцев... Несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь врага, он бесстрашно бил из своего крупнокалиберного пулемета и тем самым дал возможность своему катеру выполнить боевую задачу. Моряцкая удаля Белоголовцева вдохновила молодых краснофлотцев, и они дрались с врагом так же хорошо, как их старшина.

Безграничная смелость и храбрость у Белоголовцева сочетаются с боевым мастерством. Его пулемет действовал безотказно, а когда потребовалось переправить людей на берег, он выполнил это приказание за несколько минут...

Товарищи краснофлотцы и старшины! Бейте захватчиков так же беспощадно, как старшина 1-й статьи коммунист Белоголовцев, отомстите им, подлым гадам, за все их кровавые преступления на нашей Земле!»

(Из листовки «Бейте захватчиков, как коммунист Белоголовцев!», выпущенной политотделом Ладожской военной флотилии).

ским гадам!» — давал клятву уже сражавшийся в финскую кампанию Юрий Корчагин.

«Бандиты Гитлера хотели потопить нас в Неве. Не выйдет! Дадим им по зубам так, что они захлебнутся в собственной поганой крови», — писал самый юный в роте комсомолец Николай Бар.

Материалы не редактировали, написанные рукой заметки прикрепляли кнопками под заголовком.

Все горели страстью быстрее встретиться с врагом.

Ночью младших командиров вызвал в свою землянку комиссар батальона (он же был комиссаром школы боцманов и юнг на острове Валаам) член партии с 1918 года Карп Федорович Зеленков. Зеленкова знали и любили моряки. Этот бывалый, поистине несгибаемый большевик, долгие годы работавший молотобойцем на Мотовилихинском заводе, не любил много говорить. Его слова, словно вылитые из свинца, были весомыми и ясными.

— Утром в бой, — сказал он собравшимся.

Потом, затянувшись из никогда не оставляемой им трубки, продолжил:

— Все юнги — комсомольцы, а вы, младшие командиры, — коммунисты. Командование не только доверяет вам в трудное время, но и надеется на смелость и смекалку в бою.

Все молчали. Ненависть к захватчикам, залившим кровью родную землю, спирала дыхание...

Ночь была бессонной, прошла в приготовлениях к жестокому, беспощадному бою.

Через Неву переправились на рассвете. Прямо с ходу бросились на вражеские укрепления. Дерзкая атака ошеломила фашистов. Они открыли сильный, но беспорядочный огонь по морякам. Молодые балтийцы неудержимо рвались вперед.

Противник пошел на хитрость. Его автоматчики забрались на уцелевшие деревья, укрылись на опушке леса за шоссеной дорогой, и не сразу удалось определить, откуда они ведут огонь. Но вскоре их уловка была разгадана.

Комсорг роты Николай Милосердов ползком добрался до деревьев, выследил и уничтожил несколько «кукушек». Потом такой же рейс проделал первый снайпер школы Николай Бабенко. От его выстрелов гитлеровцы валились с деревьев, словно мешки с песком. Меткими

выстрелами уничтожали фашистов Михаил Жигулев, Василий Ганзий, Витя Шишкин, Леня Перепеч и другие.

Накал боя нарастал. Володя Ивашкевич, высокий, стройный и красивый моряк, отлично плясавший матросское «яблочко», засек неприятельский пулемет. Об этом он доложил нашей минометной батарее. Минометчики открыли прицельный огонь и заставили пулемет замолчать.

Балтийцы ворвались в окопы противника. В ход пошли гранаты, штыки и ножи. Вот когда пригодились постоянные спортивные тренировки на острове Валаам, где мы обучались почти год*. Коля Бар (ему тогда только что исполнилось шестнадцать лет) получил приказ: «Выбить гитлеровцев, засевших в подбитом танке!» Юнга быстро пополз к стальной громадине. Над его головой потянулись длинные разноцветные нити трассирующих пуль. Но юнга не струсил. Вдавливаясь в землю, прикрываясь бугорками и вползая в лощины, он уверенно продвигался к цели. И вот Коля у танка. Он размахнулся и кинул в машину гранату. Пулеметная очередь врага стала реже, но все же не захлебнулась совсем. Тогда Бар подполз еще ближе. Еще граната. Взрыв. Вражеская огневая точка уничтожена.

Примером для комсомольцев были действия коммунистов: политрука роты Д. Лапина, парторга Н. Тарасова, мичмана П. Зайцева, лейтенанта А. Лешукова и других.

Политрук Лапин находился на правом фланге роты, он неоднократно поднимал моряков в атаки, первым бросался на вражеские цепи, косил фашистов из автомата.

В одной из атак вражеская пуля тяжело ранила Лапина. К нему кинулось несколько человек. Одни старались прикрыть командира от свистевших вокруг пуль, другие разорвали гимнастерку и стали перевязывать рану. Враг заметил, что порыв моряков ослаб, и пошел в контратаку. Кто-то из балтийцев начал отстреливаться. Истекающий кровью политрук понял в чем дело, поднял голову. Увидев двигавшихся фашистов, он скомандовал: «Комсомольцы, идите вперед!», и моряки, выполняя приказ политрука, бросились на гитлеровцев.

---

* Автор был помощником командира взвода этой роты.

Сначала балтийцы пустили в ход гранаты. Потом они рванулись на врага и начали его колоть штыками, молотить прикладами... Противника отбросили. Но многие юнги и боцманы остались на приневской земле.

К Ляпину вновь подбежали юнги Иван Парфенов и Юрий Корчагин. Они потащили его к берегу. Передав его там санитарам, Юрий и Иван вернулись к своей роте, ряды которой заметно поубавились.

В тот день балтийцы захватили один немецкий танк, много разного вооружения и пленных*.

Ночью рота закрепились на захваченных рубежах, окопалась. Однако фашисты решили взять реванш. Пользуясь темнотой, несколько автоматчиков начали обходить наш левый фланг. Их заметил инструктор политотдела бригады Я. Громов, прибывший к этому времени в роту. Он взял с собой несколько человек и незаметно для гитлеровцев пополз навстречу. Когда фашисты приблизились на короткое расстояние, Громов и его товарищи забросали их гранатами. Потом группа Громова поднялась в контратаку и добила оставшихся.

Не менее яростные схватки шли здесь и в следующие дни. «За героические дела, за упорство в бою с коварным врагом всему личному составу, сражавшемуся на левом берегу Невы, военный совет Ленинградского фронта объявил благодарность», — писала газета «Краснознаменный Балтийский флот» 25 октября 1941 года.

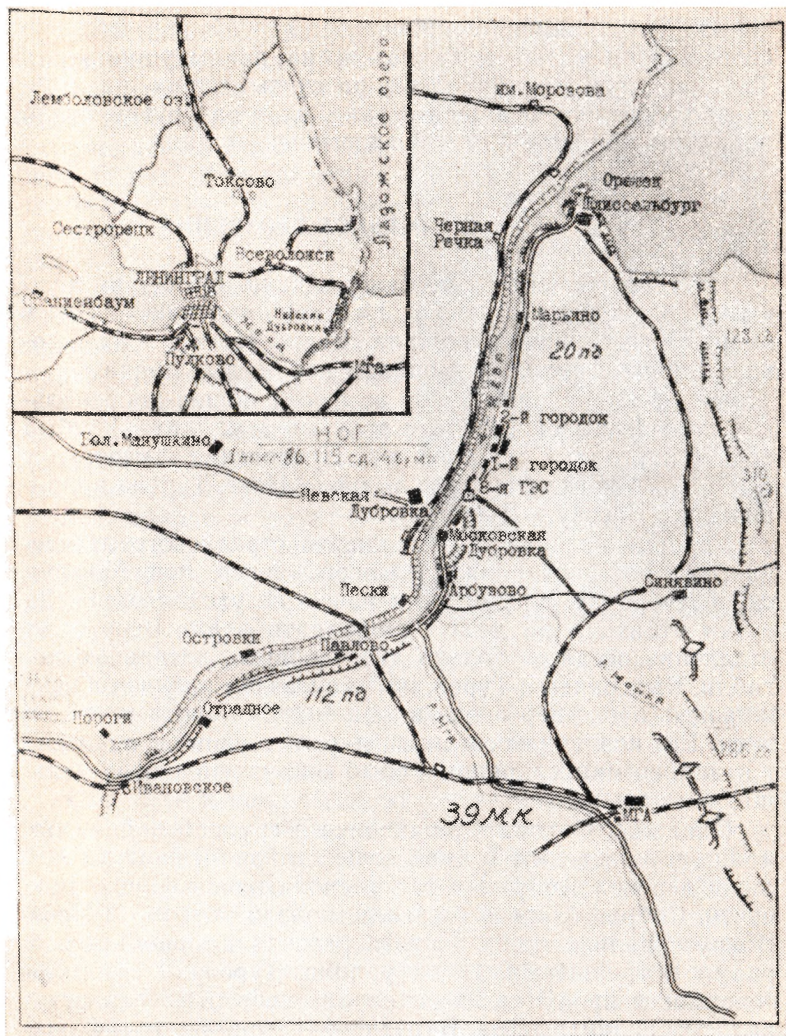
Так, несмотря на усиление фашистской ставкой войск, пытавшихся опрокинуть наши части в Неву, форсировать ее и соединиться с финнами, группа армий «Север» не выполнила поставленную перед ней Гитлером задачу. 25 сентября 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Гальдер записал в своем дневнике:

«День 24. 9 был для ОКВ (верховное главнокомандование вооруженных сил. — А. Б.) в высшей степени критическим днем, тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы»**.

---

* «Краснознаменный Балтийский флот», 1941, 3 окт.

** Гальдер Ф. Военный дневник..., с. 374.

Положение в районе Невской Дубровки
на конец сентября 1941 г. Схема.

Что ж, признание откровенное. Третий год фашистского разбоя в Европе не похож на предыдущие годы. Так для гитлеровских войск, рассчитывавших на молниеносную войну в нашей стране, один за другим стали наступать «в высшей степени критические дни».

ГОРЬКОЕ ПРОЗРЕНИЕ

На войне опасность повсюду велика. Особенно трудным положение было на Невском «пяточке». Здесь смерть ежесекундно угрожала людям. Но и в этих условиях бойцы с честью выполняли все боевые приказы.

Федор Степанович Туров на фронт пошел добровольцем. Из Перми он вместе с другими земляками прибыл под Ленинград. Сражался на Пулковских высотах, у Колпино. А когда фашисты вышли к Неве, Турова направили под Невскую Дубровку.

Уральца назначили командиром стрелкового отделения, которое переправили на левый берег, под Московскую Дубровку. Ни днем, ни ночью не утихал огонь. За сутки отбивали по десять-двенадцать атак. Вскоре от отделения осталось только два человека, остальные погибли. Был ранен и Туров, но с «пяточка» не ушел. Отлежавшись после перевязки в землянке, он снова встал на ноги. Его назначили связным, и хотя теперь он не ходил в атаки, но мин, снарядов и бомб вокруг рвалось не меньше, чем прежде.

Однажды Федора Степановича с группой бойцов направили в разведку. Темной ночью добрались они до околицы деревни Арбузово, где располагались фашистские части. Собрав нужные сведения, ползли обратно к Неве. Вокруг рвались мины. И хотя разведчики пробирались рвами и траншеями, троих ранило. Турову и его двум товарищам пришлось их тащить на себе. До Невы оставалось с полкилометра. Вдруг они услышали стон. Федор Степанович подполз к окопу и увидел засыпанного землей раненого бойца. Над поверхностью земли выставлялась только голова... Сколько времени пролежал он вот так, заживо погребенный?

Доставив командованию важные сведения, Федор Степанович и два его боевых друга спасли четверых раненых товарищей.

В октябре Турова тяжело ранило. До апреля 1942 года он лечился в ленинградских госпиталях, потом его отправили на Урал в родную Пермь. Больше отважному старшине не довелось воевать, врачи не разрешили.

Михаил Львович Овсянников был командиром шлюпки на Невской переправе. По несколько рейсов под вражеским огнем совершал он каждый день, переправляя с правого берега на «пяточок» подкрепление и боевой припас, а обратно — раненых. Дважды пришлось Овсянникову менять шлюпки: пробитые осколками снарядов и мин, они тонули вместе с ранеными и грузом. Сам Овсянников доби-

рался до берега: он был крепким спортсменом и хорошим пловцом. Потом, отогревшись и обсушившись, моряк брал новую шлюпку — и опять рискованные рейсы.

Смелость моряка была замечена командованием, Михаила послали в разведку. Овсянников справился с трудной задачей. Но когда он пересек самый опасный рубеж и подходил к цели, его ранило осколками мин. Обнаружили его у землянки, впавшего в полузабытье от потери крови. Внесли в укрытие, медики промыли и перевязали ему рану. Потом Овсянникова отправили в госпиталь.

Войну он заканчивал на кораблях Краснознаменного Балтийского флота, которые огнем своих батарей и высадкой десантов помогали продвигающимся вперед армейским дивизиям.

Положение гитлеровцев было очень выгодное. С занимаемого ими крутого, высокого берега хорошо просматривались и простреливались наш правый берег и переправа через Неву. Но продвинуться фашисты не смогли ни на шаг, они несли большие потери в живой силе

В траншее.

и боевой технике. Заметен был спад морального духа гитлеровских солдат и офицеров. Ефрейтор Адольф Гюнтер, прошедший со своей ротой всю Европу и остановленный русской пулей у берегов Невы, писал сначала в своем дневнике:

«Нам сказали: необходимо исправить ошибку предков, которых князь Невский застал врасплох и случайно победил. Теперь это исключено, фюрер все предусмотрел, Россия у наших ног. Нам осталось перешагнуть Неву, и северная столица большевиков падет...»

Пока настрой бодрый, а как дальше?

Более поздние записи этого гитлеровца становятся истерическими.

«Что творится? — пишет Адольф Гюнтер осенью 1941 года. — Русские как фанатики. Они быются за каждый метр земли. Мы не только не сможем форсировать эту реку, нас отбрасывают от нее, прижимают к земле, не дают выпрямиться. Такого ада мы не встречали в Европе...»

Бандитам, сражавшимся под коричневыми знаменами, так и не удалось поправить ошибку предков. Псоврыцарей Александр Невский со своей дружиной пустил под лед Чудского озера, разбойников Гитлера советские воины загнали в землю на приневских берегах.

В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

Победа завоевывалась тяжело. Ежедневно, ежечасно из строя выходили бойцы, командиры и политработники. Их места занимали другие, успевшие закалиться, окрепнуть, познать тяжесть, трагедию и мудрость жестокой битвы с беспощадным и сильным врагом. Так, вместо бывшего из строя начальника штаба 4-й бригады морской пехоты полковника Дьякова его обязанности успешно выполнял начальник химслужбы бригады полковник Ярыгин.

Алексей Федорович Ярыгин прошел с бригадой моряков путь с первых дней ее создания. Он проявил большую энергию, смекалку и смелость, участвуя в разработке планов боевых действий на Невском «пяточке».

Родился Алексей Ярыгин в городе уральских металлургов — Лысьве. Семья ютилась в темной, продуваемой

злыми зимними ветрами комнате. Заводской гудок, нудный и пронзительный, поднимал отца, когда тот еще не успевал восстановить силы после очередного каторжного дня. Наспех поев картошки в «мундире» и запив кипятком, отец спешил на завод. Двенадцатичасовой рабочий день так выматывал его силы, что, придя домой, он сваливался на нары в рабочей одежде.

— Я не видел отца веселым, — вспоминает Алексей Федорович. — Он всегда был утомленным, измученным и хмурым.

Алеше пришлось пойти на заработки, когда ему еще не было и десяти лет. Здесь, на заводе, выковывался его твердый рабочий характер, зрела любовь к трудовому человеку и ненависть к царским сатрапам. В Февральскую революцию четырнадцатилетний Алексей Ярыгин участвовал в разоружении лысьвенской полиции.

Каждый день становился для него интереснее предыдущего. Подхваченный революционной волной, Ярыгин успевал повсюду. Он вступил в союз рабочей социалистической молодежи, ходил на его собрания, выполнял поручения, расклеивал большевистские листовки.

В 1919 году, когда прозвучал клич: «Социалистическое отечество в опасности!», добровольно записался в Красную Армию и юный Алеша Ярыгин. Он стал конником лихого отряда разведки особого назначения в прославленной дивизии В. К. Блюхера. В 17 лет Ярыгина принимают в ряды ленинской партии, в 19 — назначают помощником комиссара 169-го Пермского стрелкового полка. Коммунист Ярыгин участвует в разгроме басмачества, кулацких мятежей в Поволжье и на Урале...

Отгремела гражданская война. Ярыгин, как и многие командиры и политработники Красной Армии, садится за парту. Потом становится преподавателем армейских учебных заведений, находится на командно-административных должностях.

В первые же дни войны Ярыгин добивается отправки в формируемую 4-ю бригаду морской пехоты. В эту бригаду вошел цвет балтийских моряков. Здесь были курсанты школы подводного плавания имени С. М. Кирова, краснофлотцы с «Авроры» и других кораблей легендарной Балтики.

С середины июля до самого сентября бригада удерживала острова Валаамского архипелага, нанося ощу-

тимые удары противнику. Движение финнов к Ленинграду было задержано.

В сентябре бригада получила приказ командования оставить остров Валаам и прибыть на транспортах к Осиновецкому маяку. Транспорты с моряками ошвартовались у берега. Не успели люди разгрузиться, как полковника Ярыгина вызвал к себе командир бригады.

В маленькой рыбацкой хате, кроме генерал-майора Ненашева, находилось еще несколько военных. На столе лежала развернутая карта. Генерал пригласил Ярыгина к столу и указал на карту. На ней Ленинград был обведен большим вытянутым черным кругом. И лишь в одном месте, в верховье Невы, этот мрачный изогнутый круг не смыкался. Здесь стояла надпись: Невская Дубровка.

Сердце Алексея Федоровича учащенно забилося. Генерал, вероятно, понял волнение начальника штаба, дал ему время прийти в себя.

— Вы опытный человек, Алексей Федорович, — с какой-то особой душевностью сказал генерал, — и нет необходимости объяснять, в сколь трудном положении находится Ленинград. Враг в любой момент может закрыть последнюю отдушину, через которую город связан с Родиной. Мы не можем допустить захвата фашистами правого берега.

Ненашев помолчал, потом добавил:

— Ни в коем случае! Сегодня же, сейчас же, соберите командный состав бригады, дайте ему задание вооружить моряков, а через час — в поход.

— А как с транспортом? — спросил Ярыгин.

— Автомашин очень мало. Их и повозки можно использовать только для переброски продовольствия. Оружие и боеприпасы люди понесут на себе.

— Ясно, товарищ генерал, — отрапортовал Ярыгин.

— Через час бригада должна быть в пути, — добавил Ненашев и отпустил Алексея Федоровича.

Ярыгин понимал, что промедление в создавшихся условиях поистине смерти подобно. И, выйдя из избы комбрига, сразу же приступил к делу.

Вскоре бригада моряков, растянувшись на два-три километра и маскируемая ранними сентябрьскими сумерками, направилась к Невской Дубровке.

Впереди багряным заревом полыхало небо, где-то вдали, разрывая воздух, ухала артиллерия. Под Невскую

Дубровку прибыли до рассвета. Моряки, непривычные к пешим переходам, быстро наложили хвороста и крепко заснули на лесных «матрацах». Ярыгин поселился в небольшом крестьянском домике. Заботливая хозяйка протопила русскую печку, сварила борщ и картошку.

Но закусить толком Ярыгин не успел. В избу вбежал старшина и, взяв под козырек, обратился:

— Товарищ полковник, вас срочно вызывает генерал.

Алексей Федорович направился к комбригу. В просторной кухне, где за столом сидел генерал-майор Ненашев, находились комиссар бригады, командиры, комиссары и начальники штабов батальонов.

— Сегодня утром мы должны форсировать Неву и закрепитесь на левом берегу. Сначала десантируется второй батальон, затем первый, а за ним третий.

Генерал сделал паузу, обвел присутствовавших взглядом. В ответ ни слова. Все понимали сложность обстановки и хотели услышать решение командира бригады.

— Итак, — продолжал генерал, — через несколько часов в бой. Мин и снарядов у нас немного, поэтому огневая подготовка перед высадкой десанта будет непродолжительной. Надо действовать быстро, не терять ни минуты при посадке моряков на плавсредства и при форсировании Невы. Противника следует застать врасплох.

Генерал зачем-то постучал карандашом по развернутой перед ним карте, потом спросил:

— Может быть, есть вопросы или предложения?

— Я думаю, — сказал, поднимаясь с места, Ярыгин, — я считаю целесообразным, — повторил он, — артиллерийской подготовки не делать.

Командиры устремили на Алексея Федоровича недоуменные взгляды.

— Да-да, — настойчиво продолжал свою мысль Ярыгин. — Артиллерийский огонь ведется для того, чтобы

Полковник А. Ф. Ярыгин.

подавить огневые точки противника, нанести ущерб его боевой технике и живой силе. Мы же для этого, как сказал командир бригады, не имеем достаточного количества боеприпасов. Таким образом, наша огневая подготовка насторожит противника, заставит его подготовиться к встрече десанта.

— Что вы предлагаете, полковник? — перебил Ярыгина генерал.

— Считаю более рациональным форсировать Неву скрытно. Когда же высадимся на левый берег и пойдем в атаку, тогда артиллеристы и минометчики пускай поддержат нас своим огоньком. Для этого необходимы быстрота действий десантников и четкая работа связистов.

План полковника Ярыгина был одобрен.

Вскоре второй батальон разместился на плотках и шлюпках.

Укрытые осенней мглой, десантники благополучно форсировали широкую Неву и с ходу вступили в схватку с гитлеровцами. Поддерживаемые артиллерийским и минометным огнем с правого берега, моряки на несколько сот метров отбросили противника от Невы.

А в это время к переправе готовился первый батальон. На небольшой поляне, окаймленной высокими елями и раскидистыми березами, проходило комсомольское собрание.

Ярыгин прибыл в батальон задолго до начала собрания. Опытный коммунист, он знал, что горячее слово зажигает сердца людей и особенно — молодежи. Вместе с комиссаром батальона Алексей Федорович поговорил с комсоргом Сашей Мясниковым. Посоветовали ему собрание не задерживать.

— Товарищи, — обратился к ребятам Александр Мясников, — от наших действий зависит судьба города, над которым впервые на планете взвился красный стяг свободы. Я даю вам слово: умру, но идти буду только вперед.

— Правильно Саша сказал, — слышались отовсюду голоса. — Надо так долбануть фрица, чтобы и его внуков в дрожь бросало при упоминании Невы.

— Будем драться, как положено балтийцам!

— Не видать гадам Ленинграда как своих ушей!

— Руки коротки!

Батальон, как и предыдущий, ушел к левому берегу

без предварительного обстрела «пяточка». Он так же, ведя ожесточенные бои, метр за метром продвигался вперед.

Потом пришла печальная весть о героической гибели Александра Мясникова. Обеспечивая возглавляемой им группе продвижение вперед, он закрыл своим телом амбразуру вражеского дота.

В двадцатых числах сентября все батальоны бригады были переправлены на левый берег и наносили противнику удар за ударом.

С последним батальоном на Невский «пяточок» ушел и полковник Ярыгин. Он регулировал взаимодействие подразделений, ставил перед командирами задачи, в случае необходимости оказывал возможную поддержку.

Алексея Федоровича видели во всех ротах и взводах. Этот неутомимый человек успевал побывать повсюду, поговорить с моряками, вселить в них уверенность в наши силы, в нашу победу.

— Наш полковник, — говорили о Ярыгине моряки, — всегда на марше.

24 октября он был назначен командиром 4-й бригады морской пехоты.

Выдвижение на новый, высокий пост не изменило коммуниста Ярыгина. Он по-прежнему большую часть времени проводил среди бойцов, интересовался их нуждами, поддерживал боевой дух личного состава.

Несколько месяцев провел Алексей Федорович под Невской Дубровкой и непосредственно на «пяточке». Все, кто с ним общался, и сегодня, спустя более трети века, помнят этого неуемного и смелого человека, заботливого и внимательного коммуниста.

ФРОНТОВЫЕ УМЕЛЬЦЫ

Человек создан трудом, и живет он для того, чтобы созидать, делать жизнь краше, добрее.

Однако в военное время, когда сходятся в смертельной схватке зло и справедливость, рушится то, что создавалось долгие годы.

Фашистскому варварству, разрухе и уничтожению, которые оно несло, советский народ противопоставил стойкость, героизм, умение проявлять творческую, исконно русскую смекалку во всем, в том числе и на фронте.

На Невском плацдарме в период блокады было немало посланцев Западного Урала, сражавшихся в инженерных частях, саперных подразделениях, понтонерами.

САПЕРЫ КОНТРАТАКУЮТ

До войны и первые два месяца после ее начала Александр Максимович Пономарев работал мастером леса. Он был специалистом высокого класса и мобилизации не подлежал. Но коммунист Пономарев считал, что в трудные для Родины дни его место — на передовой, настойчиво это доказывал. И в августе Соликамский райвоенкомат отправил его вместе с другими добровольцами на защиту Ленинграда.

Александра Максимовича зачислили в 23-й отдельный саперный батальон, перед которым была поставлена задача возводить на пути фашистских войск проволочные заграждения, минировать определенные квадраты местности, а также подрывать мосты и переправы, чтобы не пропустить противника через водные рубежи.

Минирование местности было делом опасным и не-

легким. В то время, когда Александр Максимович устанавливал мины, не раз налетали вражеские самолеты. Вместе с бомбами, от которых нелегко было укрыться, часто детонировали и рвались только что установленные мины.

Но еще тяжелее было выполнять другое, хотя и менее опасное задание: подрывать собственные мосты. Скрепя сердце, Александр Максимович закладывал под них взрывчатку и, когда приближался враг, поджигал бикфордов шнур. Он старался подорвать мост после того, как на него заходили вражеские солдаты и машины. Такое выжидание было связано с большим риском.

Но Пономарев действовал смело. Он считал, что если даже ему не удастся спастись, то его смерть дорого будет стоить фашистам.

В сентябре 1941 года батальон вынужден был вместе с другими войсками отступить к Ленинграду, его расформировали по стрелковым соединениям.

Пономарева назначили командиром отделения в саперной роте 502-го полка 177-й стрелковой дивизии, перебрасываемой под Невскую Дубровку. Перед ротой стояла задача наладить переправу на левый берег стрелковых подразделений и доставку боеприпасов и продовольствия для сражающихся на «пяточке».

Почти два месяца провел Александр Максимович на фронте. Он стал опытным, обстрелянным бойцом, научился быстро оценивать обстановку. И все же то, что он встретил под Невской Дубровкой, ни с чем невозможно было сравнить. Уже далеко на подступах к этому поселку было видно гигантские языки пламени. В воздухе неподвижно висели многочисленные немецкие осветительные ракеты, которые то угасали, то вновь появлялись. За десятки километров слышались продолжительные раскаты артиллерийского грома, разрывы авиабомб.

Казалось, что там, у Невской Дубровки, установлена

Сапер А. М. Пономарев.

огромная, радиусом в полтора-два километра, наковальня и по ней методически бьет тысячетонный молот...

С переправочными средствами было трудно. К тому времени имевшиеся лодки и плоты превратились в щепки, уплыли вниз по течению.

Это сначала озадачило саперов. Но вскоре они убедились, что командование не упускает из внимания проблеме обеспечения плавсредствами. К Невской Дубровке постоянно прибывали машины, груженные различными видами шлюпок. Надо было подобрать и по возможности сохранить такие, которые лучше «сидят» на воде, более устойчивы и менее чувствительны к быстрому неврскому течению и к всплескам и волнам, образуемым от взрывов.

— В первый день после нашего прибытия, — вспоминает Александр Максимович, — меня вызвал командир роты техник-лейтенант Любимов.

— Поручаю вам, — сказал он, — привести в порядок лодки, стоящие на речке Дубровке. Там их двенадцать штук. Отыщите безопасное место, поднимите лодки на берег и отремонтируйте. На них ваше отделение будет переправлять бойцов на «пятачок».

Я пошел в землянку, где находились бойцы, сообщил им о распоряжении командира роты, и мы направились к Дубровке. Это была небольшая речушка, впадавшая в Неву недалеко от поселка. Мы сошли по отлогому спуску к указанному лейтенантом месту. Лодок оказалось не двенадцать, как говорил командир роты, а лишь девять. Привязав одну к другой, мы потянули их вверх по течению, метров через пятьсот-шестьсот нашли удобный затон.

В этот день нам удалось отремонтировать лишь три лодки.

Когда стемнело и работать стало невозможно, я отпустил ребят в землянку, а сам пошел доложить о сделанном командиром роты.

— Медленно работаете, — упрекнул меня лейтенант, — сейчас шлюпки нужны, как боеприпасы, как хлеб.

Я промолчал.

— Передайте шлюпки саперам...

Лейтенант назвал три фамилии присутствовавших.

Получив разрешение идти, я с тремя понтонерами направился к Дубровке. Там мои спутники сели в шлюпки и поплыли к Неве. Больше я их не видел.

На другое утро Пономарев и его саперы вновь приступили к ремонту лодок. Дело шло неплохо. Только дважды — в середине дня и под вечер — над ними пролетали «юнкеры». В первом случае все обошлось благополучно. Во второй раз саперов обнаружили. Но так как они работали у опушки леса, летчики, вероятно, их видели плохо. Сброшенные бомбы не причинили вреда.

К вечеру ремонт был окончен. Пономарев вновь явился к командиру роты, доложил о выполнении приказа.

— Теперь, — сказал лейтенант, — вы со своими людьми будете переправлять бойцов и боеприпасы на левый берег, а обратно перевозить раненых. Помните, успех сопутствует тем, кто действует смело, быстро и решительно.

Александр Максимович получил на отделение две лодки. Их поднесли на руках к Дубровке, опустили на воду и поплыли к переправе. Там, несмотря на обстрел, шла посадка солдат.

Некоторые бойцы-саперы впервые сели на весла, гребли плохо, неуклюже. Это отнимало много сил и времени, а то и другое в условиях Невской Дубровки было дороже всего.

Однако, как всегда случается на фронте, к новым условиям быстро привыкли. Стали уверенней гребти, не бояться рвущихся мин. Если над головой со свистом пролетал снаряд или мина, значит, пронесло, разорвется где-то вдали от шлюпки...

Дважды шлюпку Пономарева опрокидывало взрывной волной при отходе от берега. Быстро отжимали обмундирование и снова бросались в путь. Как-то недалеко от левого берега у борта шлепнулась мина. Ее осколки ранили двух гребцов, а третьего сразили наповал. Вместо раненых и погибшего прислали новых. Такие случаи по несколько раз повторялись в каждом отделении роты.

К концу ноября 1941 года в саперной роте из первоначального состава в живых осталось только четыре человека: техник-лейтенант Любимов, лейтенант Михайлов, рядовой Третьяк и Пономарев.

Бойцы роты не только водили шлюпки. Не раз, когда

сражающимся на «пяточке» бойцам становилось особенно трудно, на помощь им приходили понтонеры.

В одном из таких боев гитлеровские автоматчики вели атаку под прикрытием танков. Наши бойцы подбили три танка, уложили несколько десятков солдат. Но фашисты продолжали рваться вперед, стремясь расчленить ряды обороняющихся. В этот трудный момент подоспел командир шлюпки Сурен Петросов. Его команда быстро выгрузила ящики с гранатами и вместе с защитниками «пяточка» ринулась в бой. А следом за Петросовым к левому берегу подошла и шлюпка Пономарева, который тоже со своими бойцами быстро поднялся на крутой берег и занял место в строю. Вот когда, наконец, пошли в ход гранаты, всегда висевшие у него на поясе.

После того как положение было восстановлено, Пономарев вернулся к берегу. Погрузил в лодку раненых и отправился в очередной рейс.

В одну из ноябрьских ночей, когда Пономарев очередной раз вместе с пехотой отбивал атаки под 8-й ГЭС, пуля пробила ему левое бедро.

Госпиталь № 6667, в котором он лечился, размещался в Ленинграде на проспекте Мира. Условия блокады не щадили больных. Здесь также не было света, тепла, воды, не работали санузлы. Паек составляли 300 граммов суррогатного хлеба, жидкий суп, несколько ложек овсяной каши или «блондинки» (так называли пшениную кашу).

Смерть подстерегала многих из тех, с кем она не успела покончить на полях сражения...

Но Александр Михайлович выздоровел. В начале июня 1942 года его выписали из госпиталя и направили в 86-ю стрелковую дивизию.

Враг к этому времени подтянул под Ленинград дополнительные силы и готовился к новому штурму города. Поэтому в районе Невской Дубровки после потери в апреле Невского «пяточка» строились большие инженерные укрепления. Вновь хлынули туда потоки повозок и машин. На них везли огромные мотки колючей проволоки, ящики с взрывчаткой, минами, железобетонные колпаки. Все это разгружалось в придубровских лесах и оврагах, тщательно маскировалось и строго охранялось.

В лесах закипела работа понтонеров. Они рубили деревья, затесывали опорные столбы для колючей проволо-

ки, делали бревенчатые сваи для установки железобетонных колпаков, строгали балки для сооружения дополнительных дотов и дзотов.

Пономарев выделялся среди товарищей сноровкой в работе, основательностью. Его назначили помощником командира взвода второй саперной роты, присвоили звание младшего сержанта.

— Работали, — вспоминает Александр Максимович, — много. Мы в те дни думали только об одном: как быстрее, добротнее и крепче сделать укрепления. С особым рвением стали действовать, когда узнали, что фашистское командование перебрасывает под Ленинград армию Манштейна, осаждавшую Севастополь. Этот высокомерный фельдмаршал пообещал так взять Ленинград в блокадное кольцо, что даже птица не пролетит. На это мы отвечали, что такие «птицы», как Манштейн и ему подобные фашистские стервятники, никогда не пролетят в город великого Ленина.

И откуда только бралась у людей сила!

— У меня и у моих товарищей, — говорит Пономарев, — на ладонях образовались большие мозоли. Однажды я увидел на руках бойца Лаврова кровоточащие ссадины.

— Петя, — сказал я Лаврову, — сходи в госпиталь, там тебе обработают и перевяжут руки.

— Не могу, — ответил юный боец (ему было лет восемнадцать), — могу оставить на лечение. А сейчас разве до этого?

Да, в те времена людям было не до лечения, каждый старался забить в землю лишний кол, заколотить в дзот лишний гвоздь, чтобы оборона наша была крепкой, неприступной.

Окончив подготовительные работы, вторая саперная рота получила задание сооружать инженерно-оборонительные укрепления вдоль берега Невы.

Трудились по 16—18 часов в сутки. На сон отводилось 2—3 часа, и те — прямо на земле, при непрерывном артиллерийском и минометном вражеском «концерте».

После установки минных полей стали врывать в землю столбики для колючей проволоки. Потом растаскивали мотки, обвивали столбики проволокой, укрепляли. Стальные иглы, как бойцы ни береглись, рвали одежду,

царапали ноги, ранили пальцы. Руки людей почти все время кровоточили.

Наконец и с этим заданием взвод Пономарева успешно справился.

Вскоре правый берег Невы ощетинился могучими, тщательно замаскированными оборонительными сооружениями.

12 января 1943 года, когда наши войска стремительным порывом форсировали Неву и положили начало прорыву блокады Ленинграда, Александр Максимович был тяжело ранен. Упал на лед, потерял сознание. Мороз был лютой, по Неве катились волны снега, засыпая убитых и раненых. К счастью, санитары соседнего полка заметили и подобрали истекавшего кровью бойца.

В родном батальоне, не обнаружив Пономарева среди личного состава, считали его погибшим. В семью послали похоронку.

Вскоре после тяжелого траура семья Пономаревых получила второе известие. Это было письмо самого «погибшего». Но и оно сначала не успокоило, потому что было написано чужой рукой...

И наконец в конце августа 1943 года, то есть через семь месяцев после извещения о смерти, перед своими родными, измученными тяжелыми мыслями, появился сам Александр Максимович...

Его вывели на пенсию, определили инвалидность второй группы, но он еще двенадцать лет проработал. Воспитал и поставил на ноги пятерых детей. Все они трудятся, имеют среднее и высшее образование.

Дорога отца — хороший пример для их жизни, труда и борьбы.

ПОМОГАЛА КАМСКАЯ ЗАКАЛКА

В числе тех, кто ремонтировал фронтовые дороги, сколачивал плоты, смолил лодки, исправлял боевую технику, переправлял на левый берег Невы войска и все необходимое для сражения, были пермяки Т. Ф. Погорелов, Р. А. Кинцель, А. И. Мелехов и другие.

Полк, в котором Тимофей Федорович Погорелов проходил срочную службу, вступил в бой с противником в

К Невской Дубровке подтягивают шлюпки.

первый же день войны под городом Сланцы. С жестокими боями, нанося противнику значительные удары, отступал он в глубь страны.

— Когда нам подвозили снаряды и патроны, — рассказывает Погорелов, — мы держались крепко, дружно и стойко встречали налеты вражеской пехоты. Так было под Нарвой, у Кингисеппа и на других участках.

Под станцией Веймар Погорелова контузило, он попал в медсанбат. Молодой организм быстро преодолел недуг, и Тимофей Федорович вновь пошел на передовую.

К этому времени советские бойцы и командиры научились сражаться спокойнее, эффективнее. Уверенней чувствовал себя под огнем и Погорелов.

В сентябре, подлечившись после очередного ранения, он попадает в 29-й отдельный саперный батальон, направленный в распоряжение штаба Невской оперативной группы.

Бойцам 115-й стрелковой дивизии и 4-й бригады морской пехоты, только что отбившим у противника крохотный плацдарм на левобережье, требовалась помощь, которую и готовило командование Ленинградского фронта.

Саперному батальону поручили приступить к строительству грунтовой дороги.

Штаб батальона разбил людей по участкам. Закипела работа. Одни подносили балласт, другие рассыпали его по дороге, третьи рубили лес и заготавливали боковые крепления дороги, потом забивали колья глубоко в землю, крепко стягивая их проволокой.

Каждый старался выполнить задание быстрее, лучше, надежнее. Люди понимали, что от качества их работы зависит быстрота переброски к Невской Дубровке войск, техники, боеприпасов и, следовательно, судьба небольшого, но исключительно важного для битвы за Ленинград участка — Невского «пяточка».

Работали по 14—16 часов, перерывы делали, чтобы съесть скудный паек. Передышка была непродолжительной, отдыхали прямо в лесу на настилах из бревен или на срубленном кустарнике. Потом батальон получил новое задание — соорудить наплавной мост через Неву, который нужен был для переброски на левый берег танков, артиллерии и другой боевой техники, людей, продовольствия.

На строительстве дороги люди сдружились. Несмотря на усталость, шутили, подбадривали друг друга. Теперь положение сильно изменилось. Работа шла под непрекращающимся обстрелом. Почти каждый час снаряды

и мины вырывали из рядов очередную жертву. Кровь, стоны, смерть товарищей вытеснили шутки. Люди молчали, но работали еще ожесточенней.

Казалось, на бревнах, из которых сколачивали понтоны, ячейки для моста, саперы вымещали злобу на фашистов.

Когда справились с заданием, часть батальона (почти полностью обновленного по сравнению с первоначальным составом) перевели на переправу. В эту группу попал и Погорелов. Пришлось ему на ходу осваивать новую специальность — гребца шлюпки.

Даже бывалым морякам непросто было вести переправу через насквозь простреливаемую Неву. А каково было тем, кто впервые садился за весло! Такой гребец «ловил щук», то есть глубоко опускал лопасть. В результате — большое, но бесполезное физическое напряжение.

— Когда я впервые сел в лодку, — рассказывает Тимофей Федорович, — то подумал: «Пропал». Все было непослушным, качалось, убегало из-под рук. Малейшее перемещение нарушало равновесие, один борт поднимался, другой доходил до самой кромки воды, того и гляди опрокинешься. И я понял, что устойчивость шлюпки зависит от движения людей (конечно же и от волны).

Труднее было научиться грести. Опустить глубоко весло — тяжело грести, да и толку никакого. Я решил еле касаться веслом поверхности воды. Грести стало легче, но лодка движется слабо. Наконец, я «нащупал» нужное погружение весел в воду, и дело пошло лучше.

Течение на Неве быстрое, пока я доплывал на лодке до середины реки, меня сносило вниз на несколько десятков метров. «Так и к немцам можно попасть», — подумал я и догадался, что надо направлять лодку под определенным углом к потоку воды.

Десятки раз под сильным обстрелом проводил Погорелов через реку своенравную лодку, много боеприпасов перевез на левый берег.

В ноябре почти вся Нева покрылась льдом. Полыньи достигали порой десятков метров. Поэтому, отправляясь в путь через Неву, надо было брать с собой шлюпку. Для

ее скольжения по льду стали приспособливать нечто подобное лыжам. На воде они почти не мешали. Так солдатская смекалка помогла найти выход из нового трудного положения.

Однажды ночью, в ноябре Погорелову поручили переправить с левого берега на правый работников штаба. Одно дело перебираться с грузом, другое — с людьми. Но и это задание было выполнено без особых приключений. А когда Тимофей Федорович возвращался обратно, попал под сильный минометный огонь и провалился под разошедшийся лед.

Долго боролся за жизнь в студеной воде.

— Не знаю, каким чудом я выбрался на лед, — вспоминает Погорелов. — Помню только одно: не хотелось умирать. Столько было пережито горя, преодолено трудностей, не погиб от обстрелов и бомбежки, а тут — такой случай. Помогло, видимо, то, что раньше много занимался спортом, хорошо плавал, до глубокой осени купался в Каме. А один год даже всю зиму плавал: был, как теперь говорят, «моржом». Окоченелый, добрался я до землянки. Одежда вся оледенела. Землянка принадлежала не нашей части, люди в ней были незнакомые, но встретили меня по-дружески, по-фронтовому. На войне все мы были как родные братья...

До того, как в конце ноября тяжело ранило осколком снаряда, Тимофей Федорович продолжал опасные рейсы через Неву.

Долго пришлось лечиться. Был в госпиталях в Ленинграде, затем отправили в Вологду и, наконец, в Лысьву.

БОМБЫ СЫПАЛИСЬ КАК ГРАД

Небольшой участок левобережья Невы стал не только первым клочком земли в Ленинградской области, отбитым у врага. Этот крохотный плацдарм, как щитом, прикрыл Ладожскую трассу. Ладога и Нева в сердцах ленинградцев стали неразделимы: надеждой на спасение. «Дорога жизни» помогла выстоять Ленинграду, Невский «пяточок» гасил удары врага, рвавшего на Ладогу. Сражавшихся на Ладоге и на Неве объединяла одна задача: не позволяя фашистам прервать связь Ленингра-

да с Большой землей, накапливать силы для разгрома врага. Корабли Ладожской военной флотилии часто подходили к Неве, огнем своих пушек помогали защитникам Невского плацдарма. Отбивая атаки гитлеровцев и навязывая им бой, гарнизон легендарного «пяточка» уменьшал интенсивность огня противника по «Дороге жизни», способствовал увеличению перевозимых в город грузов. После прорыва блокады лучшие специалисты трассы были направлены на Неву.

Сапер И. В. Игнатов.

С вводом в строй моста через Неву усилился поток грузов в Ленинград, стали интенсивнее накапливаться силы для полного освобождения города от вражеской блокады.

Этот короткий рассказ — об одном из тех, кто осенью 1941 года, а затем еще в течение полутора лет приближал победу на Ладоге и на Неве.

В пригородном пермском колхозе Иван Васильевич Игнатов был плотником. Когда наступала страдная пора, садился на жатку, убирал с поля хлеб. За трудовые успехи не раз получал благодарности и грамоты, портрет его висел на доске Почета.

Во время финской кампании Игнатов был сапером. После демобилизации его избрали председателем колхоза. Но началась Великая Отечественная война, и бывалый красноармеец немедленно пошел на фронт.

Был ранен. Из госпиталя направили под Ленинград. Город Ленина к тому времени оказался окруженным вражескими войсками и был связан с Большой землей только через Ладожскую, сначала водную, потом ледовую трассу. Эту трассу народ мудро окрестил «Дорогой жизни».

В навигацию 1941 года, когда все только осваивалось и налаживалось, Ладога часто и сильно штормила, а противник держал корабли и баржи под непрерывным

огнем. Однако за два месяца этой трассой мужества в Ленинград было доставлено около 45 тысяч тонн продовольствия, 6600 тонн бензина, 508 тысяч снарядов и мин, 114 тысяч ручных гранат, свыше трех миллионов патронов и много других военных грузов*. За это же время на восточный берег озера было эвакуировано 33 479 ленинградцев, часть оборудования Кировского и Ижорского заводов. На судах из Ленинграда переправлялись и дивизии, предназначенные для боев под Тихвином и Волховом.

Игнатов сначала работал на дальних коммуникациях, через которые поезда шли к Ладого. Восстанавливал после бомбежек железнодорожные пути, прокладывал новые ветки, строил и ремонтировал мосты. Потом его послали на Ладогу.

— Морозы тогда доходили до сорока градусов, — вспоминает Иван Васильевич, — но бригада, которую мне довелось возглавлять, работала дружно. Жили мы в бараках, которые построили сами. Вставали, когда в деревне петухи еще спали. Бригаду разбивали на группы: одна рубила и валила деревья, другая очищала их. Когда обработанных деревьев накапливалось много, мы волокли их к берегу. Так продолжалось несколько недель. Потом моей бригаде приказали строить причалы. На озере трудилось много рабочих, и скрыть от противника стройку было невозможно. Каждый день артиллерия обстреливала нас по нескольку раз. Но люди привыкли к этому, продолжали работать.

После прорыва блокады в январе 1943 года Игнатова направляют на строительство моста через Неву под Шлиссельбургом.

— И здесь бригада у меня была хорошая, — вспоминает Иван Васильевич, — бывалая, обстрелянная. Работали дружно. На берегу мы подготавливали сваи для основания моста, а также балки под железнодорожное полотно. На самом мосту делали настил на сваях, крепили балки, укладывали шпалы. Все это — под постоянным обстрелом. Каждый день мы недосчитывались нескольких человек.

---

* На защите Невской твердыни, с. 207.

На смену убитым и раненым приходили новые люди. В тот трагический для меня день к мосту прорвалось несколько десятков «юнкерсов», сопровождаемых «мессершмиттами». Бомбы сыпались, как град из тучи. Мой друг, Петя Скворцов, ярославец, успел лишь крикнуть:

— Васильич, ложись!

Я припал к земле, притаился. Надо бы в щель какую-нибудь залезть, да не привык к этому, к тому же поблизости ничего подобного не обнаружил. Потом, как сейчас помню, словно тысяча громов загрохотала. Сколько продолжался такой кромешный ад, не знаю. Помню только: что-то острое полоснуло меня по всему телу, и я словно провалился в преисподнюю...

Да, строить железнодорожный мост через Неву после прорыва блокады Ленинграда было так же опасно, как ходить в атаки на врага. Фашисты яростно мстили за нанесенный им удар. Они не жалели ни бомб, ни снарядов, ни мин.

Много строителей осталось в тот день на почерневшем от огня и пороха снегу.

Навсегда мог быть погребенным и тяжелораненый Иван Васильевич. Ему оторвало левую руку, раздробило правую ногу, осколком повредило челюсть и сильно контузило. Отброшенный взрывом, он лежал без сознания, и густо валивший после бомбежки снег уже почти засыпал его.

К счастью для раненого бойца, мимо него проходила девушка-медсестра. Услышав стон, она разгребла снег и оказала Ивану Васильевичу первую помощь.

Очнулся он уже на госпитальной койке. В госпиталях пролежал почти полгода. Люди в белых халатах вернули герою жизнь.

900 ДНЕЙ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

— В июне 1941 года, — рассказывает Александр Иванович Мелехов, — я с механизаторами из Серги и других деревень Пермской области оказался в Ленинграде. Нас зачислили в ремонтную базу. Ма-

стерские размещались в Московском районе города. Первое время, когда фронт еще не приблизился, мы не испытывали особых трудностей. Правда, уже тогда работали по 12—14 и более часов в сутки. Каждый понимал, что труд для фронта — это тоже удар по захватчикам.

У нас тогда одна мысль была — сделать все возможное для разгрома фашистов. Ремонтировали разбитые машины, тракторы, бронемшины, артиллерийские орудия, пулеметы. Позднее стали оборудовать «катюши». Работа была сложной, многого не знали. Порой приходила такая техника, которую раньше и видеть-то не доводилось. Но это не пугало. Наоборот, заинтересовывало.

Время бежало быстро. Бывало, как говорится, не успеешь оглянуться, а день пролетел. Зато какая была радость, когда возрожденные механизмы ухитрились снова бить проклятого врага!

Во второй половине августа город стали потрясать разрывы снарядов, бомб. Все ближе слышались глухие раскаты, горизонт по вечерам окрашивался в кроваво-багряный цвет. И вот враг у стен Ленинграда. Наша ремонтная база, как и многие другие предприятия, оказалась под неприятельским огнем. На Пулковских высотах и возле Кировского завода, в районе Колпино и под Красным Селом шли кровавые бои. Оттуда к нам стало поступать очень много разбитой техники. В начале сентября враг замкнул кольцо своих войск вокруг города. Началась блокада...

Глаза Мелехова затуманились, не сразу он смог продолжить рассказ.

— То было страшное время. Рушились стены больших и красивых домов, в щепки разлетались трамваи, автобусы, машины, гибли люди. Я, как и другие, сначала спускался в бомбоубежище, а потом перестал: надо было работать, да и не мог зря расходовать силы — и без того шатало от истощения, еле ноги волочил.

Вскоре все чаще и чаще стали произноситься слова: Невская Дубровка, «пяточок». Туда, на левый берег, переместилась главная тяжесть боев. Мы стали понимать, что от хода сражений на Неве за-

висит многое. Как на поле Куликовом решалась судьба России, так и на Неве — судьба Ленинграда. Слова «Невская Дубровка» рождали надежду и тревогу. Надежду, потому что все мы с нетерпением ждали сообщения о прорыве блокады. И тревога не утихала: уж слишком крохотным был плацдарм на левом берегу...

Мелехов был прав. Вряд ли когда-либо скапливалось такое огромное количество войск на небольшом участке земли.

— Но мы не допускали мысли, — продолжал Александр Иванович, — что наши бойцы и командиры позволят фашистам перейти Неву, захватить правый берег. Мы знали, что дерутся там отчаянно, самоотверженно, за каждый сантиметр земли. К нам часто приезжали представители фронтовых частей. Они пытались уговаривать нас побыстрее отремонтировать пушку, минометы, танк. Но когда мы приводили посланцев фронта в мастерские, они умолкали. Видя обледенелые стены, забитые фанерой окна, голодных, истощенных, но не отходящих от станка людей, военные полпреды больше не доказывали, что им очень трудно на фронте...

Однажды нам довелось ремонтировать танк прямо на Невском «пяточке» под носом у фашистов. Это было в октябре 1941 года. Тогда готовилось большое наступление, требовались танки. Но где их взять в блокированном городе? А на «пяточке» стоял подбитый. Волочить его через плацдарм, потом через реку, затем через весь город — хлопотливо да и опасно. Надо дважды переправлять через Неву — на ремонт и после ремонта. А это, считай, пропащее дело.

— А разве ремонтировать танк под носом у фашистов не гиблое дело? — спросил я Александра Ивановича. — Да и много ли охотников нашлось для выполнения такой работы?

— Желающих идти на левый берег было много больше, чем требовалось, — ответил Мелехов.

— Танк, помню, — продолжал он — стоял метрах в двухстах от неприятельских позиций. Как быть? Мы посоветовались с командирами, поговорили с бойцами и решили: они будут вести огонь по

Понтонер Р. А. Кинцель.

врагу, а мы «под шумок» клепать гусеницы и ликвидировать другие поломки. Решено — сделано. Переправили нас на левый берег ночью, доползли мы до танка, устроились под его могучим брюхом. Там, кстати говоря, уже жили два бойца. И началась работа — по ночам, пока шла перестрелка. В этом деле помогали нам сами фашисты: поднимаемые ими в небо ракеты хорошо подсвечивали и облегчали работу. Так прямо на Невском «пяточке» нам удалось поставить на «ноги», то есть на гусеницы, танк, который потом во время наступления сыграл определенную роль.

В те грозные дни не только воины, но и население города охраняли Ленинград от вражеских лазутчиков и диверсантов.

— Мы, кроме работы, — рассказывает Мелехов, — несли караульную службу. Пойдешь на пост, бывало, ветром шатнет винтовку — еле несешь. Голод не только изнурял, но и косил людей. Получали по 125 граммов черного хлеба — осьмушка, по-нашему, по-крестьянски, — да баланду: 20—30 зерен, разваренных в воде. И это — на целые сутки. Больше дать своим защитникам город не мог. Никогда не забуду тот кусочек хлеба пополам со жмыхом. И если вижу сейчас, как иные беспечные люди обращаются с хлебом, больно становится за них, не знающих, что такое блокадная пайка.

Мне по делам часто приходилось бывать в городе. Раз зимой ехал на отремонтированном тракторе в район Кировского завода. От наших мастерских — шесть километров. Еду вдоль Обводного канала, смотрю и плачу. Подумать только, двести тринадцать трупов ленинградцев за время дороги насчитал. Кто застыл упавшим, кто прямо с ковшом привалился к сугробу, кто вез на санках обессилен-

шего родственника, упал и умер. В разных позах гибли...

Да, погибали, но не отдали город врагу. А уж как ему хотелось покорить нас. Когда не помогали пушки и бомбы, пытался запугать или купить. То сбрасывал на город бочки с дырами, которые ужасно были во время падения, то соблазнял листовками, обещая райскую жизнь. Хотел взять измором, разбивал предприятия, магазины, госпитали. Но мы знали, что Ладога жива, что Невский плацдарм действует, что враг бессилен против воли советских людей. Ежедневные сводки Совинформбюро, постоянные выступления по радио руководителей обороны Ленинграда поднимали дух, укрепляли уверенность в нашей победе.

Ветеран опять замолчал, подумал и снова стал вспоминать былое:

— Как-то проезжал по улице на отремонтированном танке. Гляжу: возле репродуктора небольшая толпа. Заглушил мотор, подхожу и спрашиваю: «Кто говорит?» — «Жданов», — отвечают. Остановился, слушаю. Вот уже сколько лет прошло с тех пор, а кажется, что говорил он вчера. Спокойный, чуть глуховатый голос Андрея Александровича Жданова знал тогда каждый ленинградец. Жданов был душой обороны осажденного Ленинграда, вселял в каждого веру и надежду. «Дорогие товарищи, — говорил по радио Жданов, — соберите последние силы, потерпите, враг будет отбит, разгромлен!».

Посмотрел я на слушающих. Худые, изможденные лица. Еле-еле душа в теле держится, а глаза сверкают. У иных слезы бегут по щекам. Значит, верят, значит, не сломлены, значит, победим. И мы победили!

Александр Иванович с гордостью произнес последние слова. Да и как же иначе, ведь эту победу он, как и миллионы подобных ему людей, выковывал своими руками.

— Я сам видел повседневное мужество людей, — продолжал вспоминать Мелехов, — рабочих Кировского завода, стоявших за станками в подземных цехах, когда наземные были разбиты, женщин-дружинниц, которые клещами сбрасывали с крыш «зажигалки», расчищали завалы, вытаскивали за-

сыпанных людей. Иной сам шатался от голода, а кружку воды нес соседу, который не мог уже вставать. Люди сжигали в своих квартирах все, что могло гореть, ели все, что можно было есть. Но мы знали: наступит и на нашей улице праздник. Помню, сидим в казарме. За стенами глухие разрывы, света нет, холодно, в кишках урчит, а мы представляем себе Родину после войны. Мой земляк Петр Поспелов не раз говаривал: «Хорошо бы дожить до такой житухи, а, Саша!» Размечтаешься, глядь — молча повалится на пол кто-нибудь из нашей братии. Вот так мы теряли товарищей.

Мы несказанно радовались, когда прорвали блокаду. Обнимались, плакали, не стеснялись слез. А через несколько дней пошли дальше: громить до конца проклятого врага. Я покидал Ленинград в составе артиллерийской части. В последний раз с болью взглянул на разоренный, но гордый и непокоренный город, которому отдал важнейшую, главную часть своей жизни.

Праху погибших, но не сломленных сынов города-героя Александр Иванович Мелехов приезжал поклониться после войны. Он был в легендарной Невской Дубровке, переправлялся через Неву, ходил туда, где треть века назад под градом пуль и снарядов ремонтировал танк.

С болью, но и радостью в сердце вспоминал он о трудном времени, которое в истории благодарных потомков будет примером отваги, мужества и самоотверженности во имя Родины.

Люди в белых халатах в годы Великой Отечественной войны, как на фронте, так и в тылу, пользовались особым уважением, завоевали всеобщую любовь.

В условиях блокадного Ленинграда роль медицинских работников была несказанно велика и гуманна. Это прежде всего они вырывали советских людей из костлявых рук голода и смерти, спасали обескровленных ранениями, обмороженных, помогали контуженным, ставили на ноги измученных дистрофией. В славной когорте медиков, самозабвенно исполнявших свое благородное дело на легендарном Невском плацдарме, было много уральцев: М. С. Андриянова (ныне Терехина) из Кизела, С. Семина (ныне Есауленко) из Усолья, Н. Г. Иванова, Е. И. Воронихина и П. П. Казымов из Перми, М. Баркова из Кунгура и другие.

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ

Мария Сергеевна Андриянова свой боевой путь прошла в 168-й стрелковой дивизии. Пятьдесят шесть раненых бойцов и командиров этого соединения вынесла она с поля боя.

Сандружинница Мария Андриянова, — читаем мы в ее боевой характеристике, составленной старшим лейтенантом Гольдерайном, — служила в санитарной роте 402-го Краснознаменного стрелкового полка с 11 октября 1941 года по 30 мая 1943 года. Вместе с бойцами и командирами она находилась на передовой, под огнем оказывала раненым первую помощь, перетаскивала их в безопасное место. Всегда, в каких бы условиях Мария

Сергеевна ни находилась, она безукоризненно выполняла свой долг, была внимательной и заботливой к пострадавшим в бою. Ее медицинские познания с каждым днем расширяются, она вдумчиво учится у бывалых, опытных врачей-фронтовиков. За трудолюбие и доброту бойцы и командиры любят и ценят Марию Сергеевну. Командование объявило ей несколько благодарностей.

Еще до войны райком комсомола послал ее восстанавливать бумажную фабрику в карельском городе Ляскеля. Когда фабрика начала действовать, Машу назначили сортировщицей. Работала она увлеченно, мечтала поступить в институт.

Но грянула война. Враг приближался к городу. Надо было спасти фабричное оборудование. Девчата работали по 18—20 часов в сутки, демонтируя фабрику и погружая станки в железнодорожные составы, помогали многодетным семьям готовить скарб в дорогу.

Выполнив одно задание, взяли в руки лопаты: рыли на окраинах города окопы, противотанковые рвы, устанавливали проволочные заграждения.

Население Ляскеля эвакуировалось. Паровозов и вагонов не хватало, девушки пошли к Ленинграду пешком. Но до города не дошли. Фашистские стервятники безжалостно нападали на безоружных беженцев. Маша Андриянова и ее юные подруги, видя страдания и горе людей, перевязывали раны, приносили воды, кормили детей, ухаживали за стариками.

В пути вместе с девушками оказался раненый лейтенант, переодетый в гражданскую одежду: он выполнял особое поручение командования. Офицер обратил внимание на то, как заботливо и умело ухаживают они за ранеными, и решил, что это — медицинские работники, оставшие от своей части.

Как-то на привале, между делом, лейтенант подошел к Маше.

— Девушка, вы давно служите в армии? — спросил он ее.

— Что вы, — смущенно ответила Маша, понимая, почему попутчик задал такой вопрос. — Я работала на фабрике.

— Но вы, вероятно, кончали курсы медсестер? Нет? Тогда почему же вы так хорошо, просто профессионально, ухаживаете за ранеными?

Маша заволновалась, вспыхнула. Преодолев стеснение, сказала:

— Разве, чтобы делать добро людям, надо курсы проходить? Перевязывая раны пожилой женщине, я думаю, что передо мной моя мама. И хочется сделать так, чтобы было ей не тяжело, а рана зажила быстрее. Если перевязываю рану мужчине — думаю, что это мой братишка.

Лейтенант улыбнулся:

— Вам надо стать сестрой милосердия. Да, да. Видите, как много раненых вокруг нас. И это здесь, за линией фронта. А что делается на передовой! Такие руки, как у вас, очень нужны.

Подошли Машины подруги.

— Девушки! — обратился к ним лейтенант. — Я приглашаю вас в медсанбат дивизии.

Согласились единодушно.

Вскоре они стали сандружинницами 216-го медсанбата 168-й стрелковой дивизии, возглавляемой полковником Бондаревым. Это соединение растянулось по фронту на 62 километра и вело ожесточенные бои с превосходящими силами противника. Часто возникали рукопашные схватки.

Работники медсанбата почти не смыкали глаз. Вместе с бывалыми врачами много трудились сандружинницы: Мария Андриянова, Маша Баркова, санинструкторы Катюша Барышникова, Маша Кузнецова, Дуся Фокина и другие.

Девушки не только заботились о раненых, они подбирали их оружие, боеприпасы. Уже в те горячие летние дни командир дивизии объявил отважным сандружинницам благодарность.

Дивизия с боями отходила к Ладожскому озеру. Мария Андриянова находилась в те дни в эвакуационном отделении. Она перевязывала раненых, вместе с другими девушками (мужчин в эвакуотделении не было) переносила к машинам и отправляла их в тыл. Видя муки бойцов, сандружинницы забывали про отдых, сон, про пищу. Некоторые, не выдерживая такой нагрузки, падали, теряя сознание.

Вот в этом напряженном фронтовом потоке дней Мария однажды почувствовала себя особенно нужной людям.

Она ползла по изрытому воронками полю. Вдруг сбоку, в нескольких метрах от нее, послышался стон. Мария остановилась, прислушалась. Стон вновь донесся. Девушка подползла к бойцу, раненному в ногу. У него был пробит сапог, через который сочилась кровь. Маша разрешила голенище сапога, освободила рану, обработала ее, перевязала. Потом она заговорила с бойцом. Он оказался ее земляком и назвал свое имя: Иван Борисов. Худой он был, грязный, заросший, обескровленный: несколько часов лежал беспомощный, потеряв уже надежду на спасение.

Грозный для врага русский солдат сидел возле хрупкой девочки и... плакал. Это были слезы радости, слезы благодарности. Мария, напрягая силы, поволокла раненого в эвакуационное отделение.

...Прошло тридцать лет. И вот они вновь встретились в знаменитом поселке Невская Дубровка. Здесь собралось несколько тысяч ветеранов. Обнимались, целовались, рассказывали друг другу о былом. К одной из таких групп ветеранов подошел коренастый седой человек, поприветствовал людей, потом, опираясь на посох, спросил:

— Товарищи, вы случайно не знаете, жива ли сандружинница из бондаревской дивизии Мария Андриянова?

Ему ответили, что не знают такой.

Стоявший в соседней группе гостей из Перми Павел Казымов услышал этот короткий разговор. Он хорошо знал Марию Андриянову (теперь Терехину).

— Товарищ, — обратился Казымов к седому ветерану, — сандружинница Мария здесь.

И Казымов повел человека с посохом к женщине, грудь которой украшали ордена и медали.

Ветеран, прихрамывая на правую ногу, подошел к Терехиной, опустился перед ней на колени, взял руку женщины и трижды поцеловал ее.

— Спасибо, Маша, за подаренную мне жизнь, — тихо сказал седой человек.

...Отойдя к Ладожскому озеру, 168-я дивизия оказалась в очень трудных условиях. Из-за угрозы окружения вынужден был отступить 462-й полк. Одновременно 260-й полк был отрезан от основных сил и прижат к Ладоге. Вражеское радио сообщило в своей сводке о полном уни-

чтожении южнее Сартавала русской дивизии полковника Бондарева.

Однако дивизия не только не была разбита, она, ведя неравный бой с противником, наносила ему серьезный ущерб, обескровливая вражеские полки.

21 августа, выполняя приказ командования, дивизия переправилась на остров Валаам, 9700 ее бойцов и командиров были готовы к новым боям за город Ленина. Спустя три дня личный состав соединения вместе с техникой и боеприпасами погрузился на речные суда, шхуны, баржи и направился к Шлиссельбургу.

Никогда раньше Марии Андрияновой не приходилось плавать на большие расстояния. Она тяжело переносила штормовую погоду на капризной Ладоге. Надо было не только самой крепиться, но и помогать раненым. И Мария, сдерживая собственные муки, кормила больных, перевязывала их, умывала, брила, переодевала. Когда причалили к берегу у Шлиссельбурга, кружилась голова, уходила земля из-под ног...

Сандружинниц направили в город Пушкин. Прямо в парке были раскинута палатки для поступающих с фронта раненых. Но близость передовой вынудила командование перевезти раненых в Ленинград. Их вывозили на prospect Обуховской обороны в дом № 110.

Обстановка на фронте резко ухудшалась, противник захватил станцию Мга, перерезав Октябрьскую железную дорогу, овладел поселком и станцией Тосно.

Сотни тысяч ленинградцев выходили на окраины города, рыли окопы, траншеи, ставили проволочные заграждения, противотанковые надолбы.

В те тревожные дни в 168-ю дивизию прибыл командовавший войсками Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он поставил перед командиром дивизии задачу: остановить наступление гитлеровцев, рвущихся к Слуцку и Колпино.

Приказ маршала был с честью выполнен. 168-я дивизия в то время была одной из наиболее стойких, на нее равнялись другие соединения Ленинградского фронта. В одном из сентябрьских номеров фронтовой газеты «На страже Родины» над всей второй полосой крупным шрифтом было напечатано: «Слава отважным воинам части Бондарева! Будьте стойкими и бесстрашными защитниками Ленинграда! Сражайтесь, как бондаревцы! Ни пя-

ди земли врагу! Похороните фашистскую нечисть на подступах к нашему городу!»

В конце сентября фашисты, не выдержав сильных контрударов наших войск, были вынуждены окапываться, зарываться в землю вокруг Ленинграда. Тяжесть боев переместилась на левобережье.

Бондаревцев направили на огненную приневскую землю. 216-й медсанбат разместился недалеко от правого берега. Персонала, особенно сандружинниц, работавших непосредственно под огнем противника, в батальоне не хватало.

На переправе.

Однажды командир медсанбата прибыл на проспект Обуховской обороны, где на излечении находились раненые их дивизии. Он построил медперсонал, коротко поведал о положении на Неве и сказал:

— Мы наносим сильный удар по врагу, рвущемуся на правый берег. Но и наши потери большие. Очень много раненых. Медсанбату нужны люди. Я обращаюсь к вам за помощью: кто добровольно пойдет на передовую?

Мария Андриянова, Мария Баркова и еще несколько девушек сделали шаг вперед. Командир поблагодарил их и повез в Невскую Дубровку.

Маша Андриянова и ее подруги попали в 402-й Краснознаменный стрелковый полк, которым командовал полковник Я. С. Ермаков. Яков Степанович Ермаков за смелость и умелое руководство полком в боях на карельской земле и под Ленинградом был награжден орденом Красного Знамени. Награду прикрепил ему на грудь маршал Ворошилов.

Сразу после прибытия девушки с головой окунулись в работу.

Поток раненых был непрерывным. Медсанчасть — возглавлял ее капитан медицинской службы Абраменко — размещалась в одноэтажном доме барачного типа. В одном конце барака жили врачи, в другом — сандружинницы, в середине — находились помещения, куда принимали раненых.

— В операционной шла вся работа, — рассказывает Мария Сергеевна. — ...Однажды хирург Воскресенский оперировал тяжелораненых бойцов. Ассистировала Антонина Федоровна Анисимова. Вдруг в ответственный момент гаснет свет, в движок попал снаряд. Хирург настоятельно требует: «Свет!» Я вспомнила о фонаре «летучая мышь», хранившемся в кладовой. Работа продолжалась. Жизнь бойца была спасена.

Сутками напролет стояли врачи и сестры у операционного стола, забывая об усталости. «Все во имя спасения раненых!» — таков был девиз людей, с которыми работала Маша Андриянова.

В медсанчасти была так называемая шоковая палатка. В нее помещали тяжелораненых, почти без признаков жизни. Однажды с левого берега доставили сюда офицера Скворцова. Ему нужна была срочно кровь для переливания. Маша Андриянова узнала об этом и предложила взять кровь у нее. Когда сделали переливание, здоровье Скворцова стало улучшаться.

Дежуря часто по двадцать часов в сутки, медсестры и сандружинницы находили время для изучения военного дела, а также для художественной самодеятельности, которую по приказу командира дивизии должны были организовать для бойцов.

Сестра-хозяйка Мария Николаевна Александрова по-

бывала в Ленинграде, раздобыла театральные костюмы, подготовила концерт самодеятельности. В нем принимала участие и Маша.

Разумеется, такие «концерты» были далеко не совершенными, но они подбадривали бойцов, поднимали веру в нашу победу.

В эти трудные дни 402-му Краснознаменному полку удалось добиться небольшого успеха. Его третий батальон в стремительной атаке отбросил врага и отбил у него противотанковый ров. Ров этот был главным препятствием на подступах к роще «Фигурная». Еще усилие — и опорный пункт противника мог пасть. Но такому усилию должна была предшествовать активная артиллерийская подготовка. Для нее же не было снарядов. Очередной рывок бойцов без артподготовки захлебнулся, на поле боя осталось много убитых и раненых.

Находившиеся на левом берегу медработники не успевали вытаскивать их из-под огня. Командир медсанчасти по указанию комдива направил на Невский «пяточок» несколько медсестер и сандружинниц, среди которых была и Андриянова.

Пришли к указанному месту, а лодки не оказалось, ее разбило снарядом. Пришлось ждать, пока придет другая, с «пяточка». В нее сели Мария, ее подруга Шура Голубева и три бойца. Лодка медленно отходила от правого берега. Зажатая льдами, она потеряла управление. И хотя гребцы изо всех сил старались веслами отодвинуть льдины, выйти на чистую воду не удалось. А над Невой на парашютах висели ракеты, вырывая из тьмы шлюпку и сидевших в ней людей.

Заметив ее, фашисты открыли пулеметный и минометный огонь. У одного из бойцов осколком мины оторвало палец на левой руке. Маша быстро обработала рану, забинтовала.

А лодка, затертая льдинами, плыла по воле волн. Мины и пули свистели вокруг. У старшины лодки почему-то была продырявлена вся спина шинели, хотя он был цел и невредим. Маша так и не поняла, произошло это сейчас или шинель на спине изодралась раньше. Наконец шлюпку прибило к берегу, от которого они так неудачно отчалили.

Когда Маша и ее подруга выбрались на берег, они нагнулись на раненого красноармейца. Его голова была

забинтована, лица не видно. Боец стонал. Маша и Шура Голубева перебинтовали раненому голову. Он кивком поблагодарил их и указал на ногу. Девушки стащили с бойца сапог, забинтовали рану. Потом Маша сняла с себя шинель, положила на нее красноармейца и вместе с подругой понесла его в санбат.

Вечер был морозный. Холод пробирался под гимнастерку. Но тяжелая ноша согревала. Маша и Шура добрались до двухэтажного деревянного дома, скрытого деревьями. Это был медсанбат. Девушки не знали, к какой дивизии он относился, им не были известны имя и фамилия бойца. Однако раненого приняли без возражений. Сдав бойца, девушки пошли в свою медсанчасть, где их уже считали погибшими.

На рассвете сандружинницы вновь отправились в опасное путешествие через Неву. На этот раз обошлось без особых приключений, если не считать рвущуюся в воздухе шрапнель и мины, дробящие вокруг лед.

Девушкам показали на левом берегу воронку от бомбы, перекрытую сверху досками. Эта воронка заменяла им «землянку». О каких-либо даже элементарных удобствах здесь не могло быть речи.

Единственное отличие такой «землянки» от обычных траншей и окопов состояло в том, что она была глубже, а ее стена, противоположная невокому берегу, была отвесной. Такое положение «землянки» делало ее менее уязвимой для горизонтально летящих со стороны врага снарядов.

Маша по несколько раз в сутки ползала по гудящему от разрывов полю Невского «пяточка», оказывала на месте первую помощь раненым, затем оттаскивала их к берегу, к шлюпкам.

Вместе с Марией Андрияновой здесь, на Невском «пяточке», действовали Р. Грибанова, М. Баркова, А. Никифорова, М. Кузнецова, Т. Калмыкова и другие бесстрашные сандружинницы.

Вот как оценивает ратный труд девчат генерал-лейтенант С. Н. Борщев:

«Нам приходилось не идти, а ползти в подразделения, чтобы узнать на месте, как идет эвакуация раненых, какая нужна помощь медицинским работникам.

Нельзя было не восхищаться их героизмом. Они с самого начала наступления находились в роте и, ежеминут-

но рискуя жизнью, под сильным огнем противника оказывали первую помощь раненым, выносили их с поля боя и укрывали в ближайших воронках, оврагах, рвах, траншеях.

Затем девушки вместе с бойцами-санструкторами переносили раненых к берегу и помогали понтонерам погружать их в лодки*.

В конце ноября Мария по приказу командира вернулась в Невскую Дубровку. Она пришла к тому месту, где раньше располагался медсанбат. Но дома уже не было. Его разрушил большой снаряд, погребя под обломками медиков и раненых. Стационар и его сотрудники размещались теперь в лесу, в большой землянке, приспособленной под медсанчасть и под жилье обслуживающего персонала.

Долго еще Марии Андрияновой пришлось видеть кровь и раны героев сражения за город Ильича, смерть ленинградцев от голода, обстрела и бомбежек.

— С великим городом на Неве я связана на всю жизнь, — говорит Мария Сергеевна Терехина. — Память о годах, прожитых в блокадном Ленинграде, о верных фронтовых друзьях, с которыми приходилось пить из одной кружки, делить поровну крохотный кусочек хлеба, никогда не изгладится.

НЕ ДУМАЯ О СЕБЕ

Защитникам «пяточка» помогали не только артиллеристы Ладужской флотилии и батарей, охранявших ледовую трассу, но и летчики, шоферы, саперы, зенитчики соседних участков фронта. Медики, работавшие в навигацию с моряками, а зимой — с автомобилистами и дорожниками ледовой трассы, часто приходили на помощь бойцам, дравшимся на Неве.

Среди бойцов 434-го зенитного дивизиона была и комсомолка Сима Семина (впоследствии Есауленко). Она родилась и до войны жила в городе Усолье, еще перед войной окончила школу медсестер. В артдивизионе она выполняла обязанности санструктора, но когда требовалось, становилась связистом, дальномерщиком, поднос-

---

* Борцев С. Н. От Невы до Эльбы. Лениздат, 1973, с. 107—108.

чиком снарядов — делала все, на что вынуждали условия военного времени.

Летом зенитные орудия устанавливались на берегу Ладожского озера, недалеко от пирсов, где разгружали баржи и транспорты.

Зимой орудия стояли на льду. Зенитчики все время находились около них. Спали на хвойных ветках, в ледяных укрытиях возле артиллерийских батарей, ели мороженые консервы, сухари размачивали в прорубях, в холодной ладожской воде. Обувь примерзала к ногам.

Но, несмотря на лютые холода, частые бомбежки и обстрелы, скудный паек, непрерывные бессонные дни и ночи, люди держались, моральный дух бойцов был высоким. Батарея, в которой служила Сима, сбила двенадцать самолетов.

Особенно памятным был для Семиной воздушный бой в декабре 1943 года. Небо над озером словно тучей закрыли вражеские самолеты. Наших машин в воздухе было значительно меньше. Но советские летчики отчаянно вели неравную борьбу.

Вот высоко в небе загорелся и пошел вниз самолет. Но чей он? Рассмотреть в дыму разрывов было невозможно. Самолет рухнул на ничейной полосе, рядом с горящими обломками упал с пробитым парашютом и летчик. Девушка подумала: «А что, если это наш самолет? Пилот попадет в руки врага».

С двумя санитарями Семина бросилась к самолету. С противоположной стороны к нему уже бежали немцы.

— Наш! — кричит Сима, подбегая к потерявшему сознание пилоту.

Быстро уложив раненого на носилки, бойцы, прячась за ледяные торосы, бегут обратно. Опоздавшие к месту катастрофы фашисты открывают бешеный огонь из автоматов. Но пули пролетают мимо. Жизнь советского летчика Виктора Власова (Сима хорошо запомнила его фамилию) спасена.

Однажды во время сильного артналета многих зенитчиков ранило. Сима, не обращая внимания на то, что и сама ранена осколками, продолжала делать перевязки бойцам и офицерам. И только когда привезла в госпиталь последнего раненого, упала без сознания от потери крови.

В один из январских дней 1944 года Сима находилась около радиостанции. Внезапно появились самолеты про-

Старшина
передвижной мастерской
боеприпасов В. М. Голубева.

И врачи помогли, зрение вернулось.

Через полгода Сима снова была в строю защитников Ленинграда, но уже в другой части — связистом, в полку аэростатного заграждения.

В ночь на 9 мая 1945 года Семина дежурила на радиостанции и первой приняла сообщение о полной, безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Сердце наполнилось бурной радостью. Захотелось немедленно рассказать всем, какое большое счастье наступило для людей.

— Победа! — кричала она, врываясь в помещение, где спали ее фронтовые подруги.

Произошло что-то невероятное. Все поздравляли друг друга, обнимались, целовались, многие плакали от радости.

Трудные дни жестокой войны навсегда остались в сердце скромной уральской женщины.

— Хочется, — говорит она, — чтобы наша молодежь не испытала и одного дня, подобного тем 1418, которые пережило мое поколение.

тивника. Взрыв бомбы. Девушка почувствовала сильный удар, в глазах потемнело...

Очнулась от контузии в Ленинградском госпитале. Не говорила, не слышала, не видела. Ей дали карандаш, помогли вывести на бумаге слова. Так она сообщила свою фамилию, имя, воинскую часть, где служила.

Ленинградские медики много сделали для восстановления здоровья уральской девушки. Постепенно к ней возвращался слух, дар речи.

— Помогите мне, чтобы я видела, — просила Сима врачей.

**«СЕСТРИЧКА,
ПОБЕРЕГИСЬ РАДИ НАС!»**

Эти строчки пишу под впечатлением небольшого, но трогательного рассказа работника Пермского городского ремонтно-строительного треста А. Карпова.

К одному из дней Победы готовились фотовитрина и стенгазета о работниках треста — фронтовиках. Карпов по заданию парткома подбирал фотографии. В отделе кадров ему дали список участников Великой Отечественной войны. В списке была фамилия женщины — Иванова.

То, что женщина фронтовичка — явление нередкое. Взволновало другое. Решив написать статью в стенгазету, Карпов завел разговор с Надеждой Григорьевной. Но Иванова была скупа на слова, рассказывала о себе мало и сдержанно.

— Возможно, у вас есть документы военных лет? — спросил ее Карпов.

И Надежда Григорьевна принесла газеты военного времени. Статьи из них и разговор с Ивановой помогли понять, что пережила фронтовичка, защищавшая Ленинград.

Окончив десятилетку, Надя думала поступать в институт. Она днями просиживала за книгами, перечитывала конспекты. А вечером ее приглашал в театр, на танцы или в кино молодой стройный лейтенант — летчик Иванов.

Девушка и летчик полюбили друг друга, каждую свободную минуту были вместе. Потом они поженились. Но счастье было недолгим. Началась война. Мужа Нади направили в действующую армию. На фронт вскоре ушла и Надя. Ничего друг о друге они не знали.

Осенью Надя прибыла санитаркой в 281-й госпитальный батальон. Он располагался на самом горячем участке — между Невой и Ладожским озером.

Невский «пяточок», словно щит, надежно прикрывал «Дорогу жизни». Работники госпиталя часто выезжали на передовую, оказывали там раненым первую помощь, а затем эвакуировали их через Неву.

Однажды, в конце ноября 1941 года, после очередной вылазки на левый берег Невы, Надя Иванова, измученная, голодная, возвратилась в госпиталь с партией раненых. В стороне стояла группа офицеров, среди которых был главный врач госпиталя.

Надя услышала разговор о том, что недалеко от Ладоги сбит самолет-бомбардировщик. Экипаж, за исключением одного человека, погиб.

Увидев Надю, главврач шагнул к ней, окликнул и спросил:

— Надюша, кто из ваших родных на фронте?

Холодея от страшной догадки, она ответила:

— На фронте мой муж, он летчик.

— Его фамилия?

— Иванов.

— Петр Николаевич?

Словно пружиной подбросило Надю. Она бросилась туда, где снимали с машины раненых.

Какое-то внутреннее чувство заставило ее остановиться у носилок, только что поставленных на землю. На них лежал человек, прикрытый простреленной, окровавленной шинелью. Его руки и голова были забинтованы, видны были лишь глаза и рот, через бинты во многих местах просачивалась кровь.

Надя со стоном опустилась к изголовью раненого.

— Надюша, — чуть слышно прошептал он, — вот видишь, отлетелся твой сокол.

...Умер Петр Николаевич Иванов на руках у жены. Несколько дней и ночей она не ела, не спала, никого не замечала.

Подруги ее не успокаивали. Они дали время перекипеть Надиному горю, затянуться душевным ранам...

А вокруг свирепствовала смерть. Каждый день в госпиталь привозили сотни раненых, десятки из которых, несмотря на усилия врачей, умирали.

Сознание необходимости своего дела вернулось к Ивановой. Снова и снова шла она на передовую, в гущу боя, спасти тех, кто, как и ее Петр, не щадил жизни, защищая родную землю. Каждый раз, как удавалось вызволить очередного бойца из цепких лап фронтовой смерти, ей становилось легче, она чувствовала, что прибывают силы, растет желание жить, действовать.

Доводилось Наде участвовать с бойцами в атаках. Она без страха бросалась в бой, забрасывала противника гранатами.

Бойцы, видя рядом женщину с санитарной сумкой, уговаривали ее не лезть в пекло.

— Сестричка, милая, — говорили они, — если тебе не

жалко себя, то поберегись ради нас. Что будет с нами после ранения, если случится с тобой беда? Кто перевяжет нас, поможет отползти к берегу?

В одной из атак наша рота отбила у гитлеровцев противотанковый ров, устремилась дальше. Дорогой ценой заплатили за этот успех, много раненых осталось на дне рва.

Обработав несколько человек и потратив материалы, Надя решила пополнить израсходованный запас медикаментов и бинтов и потащила с собой на плащ-палатке раненого.

Выползая с ним из рва, Надя сорвалась и, падая, зацепила ногой за мину. Взрывной волной медсестру опрокинуло в воронку. Двое суток лежала, засыпанная землей. На третьи ее нашли наши санитары. О том, что Надя где-то здесь, они догадались по лежащей рядом санитарной сумке, сгребли с Ивановой землю, привели в сознание.

Восемь месяцев была прикована к постели Надежда Григорьевна. Вечно в движении, в действии, всегда с людьми, охваченная заботой о них, она с трудом переносила неподвижность.

Фронтвые подруги не забыли ее. К ней часто приезжали сестры, врачи. Однажды навестил главврач батальона.

— Мы помним о тебе, — сказал он, — никого не берем на твоё место. Когда поправишься и сможешь работать, вернешься к нам.

Возвращение к старым боевым друзьям стало для нее праздником.словно в родную семью пришла она.

Много фронтовых дорог выпало на долю когда-то хрупкой медсестрички, как называли ее бойцы. Но трудности не сломили ее духа и сил.

В январе 1945 года Надежда Григорьевна попала под огонь фашистского автоматчика. И вновь несколько часов, истекая кровью, пролежала она на поле боя. Потом друзья-медработники нашли Надежду Григорьевну, перевязали ей раны, помогли добраться до медсанбата, откуда направили в госпиталь.

Выписали ее оттуда в День Победы. Вскоре она демобилизовалась, вернулась в родную Пермь.

Как только силы позволили ей, Надежда Григорьевна пошла работать.

ОДНОПОЛЧАНКА

Когда человек увлеченно трудится, интересно отдыхает, чувствует, что живет полной жизнью, годы летят, словно быстрые птицы. Такими счастливыми нам, ветеранам Великой Отечественной, кажутся прошедшие со Дня Победы три десятилетия, хотя достаточно было за эти годы забот, труда и волнений.

Военное же время — это 1418 дней, умноженных на сто, тысячу возможностей в сутки быть тяжело раненым, контуженым, убитым. Для фронтовика каждая секунда войны таила в себе смерть. Вот почему при встрече с боевыми друзьями ветераны полны былого задора.

Особое уважение мы, фронтовики, храним к женщинам, которые были рядом с нами в огневых шквалах, бомбовых и артиллерийских штормах. Их мы называем почетным и ласковым словом: наша однополчанка!

Многие защитники Невского плацдарма с благодарностью вспоминают Елизавету Ивановну Ворончихину, проживающую ныне в Перми.

Летом 1941 года Елизавета Ивановна была стереоскопистом 591-й батареи 59-го зенитного дивизиона береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота.

В конце августа фашистские войска рвались к городу особенно осатанело. Дни были горячими, ночи беспокойными. Воздушные и артиллерийские налеты продолжались по несколько часов подряд.

Лиза не проходила специальных медицинских курсов, не готовилась стать медсестрой или санитаркой. Однако во время отражения авиационных налетов на батарею часто ранило осколками бойцов и командиров, и Елизавета наскоро обрабатывала их раны. А когда кончался налет, перебинтовывали раненых уже по всем правилам.

За горячее, доброе сердце, за золотые, неутомимые руки моряки по-братски любили Елизавету. Она действительно была им как родная сестра. Успевала приготовить горячую пищу, держала в чистоте посуду, место для питания.

Бойцы и командиры батареи равнялись на девушку, старались быть такими же подтянутыми и аккуратными, как она.

В то время многие корабли Краснознаменной Балти-

ки вошли в Неву. Они стояли как в черте города, так и за пределами Ленинграда возле поселка Рыбацкий, у Ивановских порогов. Их артиллерия помогала отбивать фашистские атаки в районе поселка Ивановского и Невского «пяточка». Артиллеристы прямой наводкой расстреливали танки, подавляли минометные и пулеметные точки фашистов, сбивали самолеты.

Зима застала значительную часть Балтийского флота на Неве, сковала его льдом, лишила важного преимущества — возможности маневрировать. Тогда-то гитлеровское командование и задумало операцию под кодовым названием «Ледовый удар», имевшую целью уничтожение наших боевых кораблей, вмерзших в невский лед. Но моряки-балтийцы дали клятву Родине, ленинградцам выстоять в трудных условиях блокадной зимы. Они добились того, чтобы каждый снаряд точно достигал цели. Большую роль в зимнем единоборстве играла зенитная артиллерия. Ее прицельный, страшный для врага огонь заставлял гитлеровских асов отклоняться от цели, безрезультатно сбрасывать бомбовый груз.

Потеряв более 60 самолетов, фашисты были вынуждены прекратить операцию «Ледовый удар».

Среди тех многих бойцов, что сорвали эту операцию, была и Елизавета Ворончихина.

...Поймав в оптический прибор вражеский самолет, Елизавета давала данные для стрельбы. От ее быстроты и точности зависел результат первого, наиболее решающего залпа.

И так все месяцы обороны — на каждый обстреливаемый самолет Елизавета Ворончихина давала свое дальномерное «добро», от которого было худо фашистским стервятникам.

Много их оказалось на счету 591-й зенитной батареи. Десятки благодарностей получили моряки, и в том числе Елизавета, от командования Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота.

Но самой большой благодарностью для нее было флотское «спасибо» от раненых бойцов и командиров батареи, на которой она одновременно выполняла обязанности медсестры.

Свою боевую деятельность Елизавета Ивановна Ворончихина закончила в звании старшины 1-й статьи. Ее грудь украшают многие фронтовые награды.

А ПОТОМ ШТУРМОВАЛИ БЕРЛИН

В начале ноября 1941 года Павла Петровича выписали из госпиталя — попал он туда летом, после ранения под Лугой. И уже 6 ноября санинструктор Казымов был на формировочном пункте, размещавшемся в Ленинграде на Фонтанке. Здесь из 120 человек создали отряд, который на следующее утро двинулся к поселку Невская Дубровка.

Шли пешком. Трамваи по Ленинграду тогда уже не ходили.

Отшагали более 40 километров и поздно вечером были в небольшую деревушку, расположенную недалеко от Колтушей. Здесь переночевали. И на следующее утро к девяти часам были в штабе армии.

Лишь вечером, когда стемнело, в штаб прибыл представитель автотомоуполка, дислоцировавшегося под Невской Дубровкой. Бойцы обрадовались, повеселели. Наконец-то определяют в часть, поставят на довольствие, накормят, дадут боевое задание. Шли недолго. В лесу около поселка отряд тепло встретили, накормили, дали по две пачки папирос «Звездочка», спички.

— Теперь и воевать можно, — сказал кто-то.

Ночлег искали сами. Разошлись по землянкам, вырытым в лесу. Старожилы части, ставшие с этого вечера однополчанами, встретили прибывших доброжелательно. Да и могло ли быть иначе, ведь завтра бок о бок идти в бой.

С утра Павел Казымов пошел искать санчасть полка. Здесь уже знали о прибывшем отряде. Казымову выдали вместительную санитарную сумку, 120 индивидуальных перевязочных пакетов, медикаменты. Павел Петрович положил все полученное на плащ-палатку, сделал узел, перекинул его через плечо и пошел в свой отряд.

Проходя по лесу, Казымов увидел группу бойцов. Это были его прежние фронтовые товарищи по санчасти из 177-й стрелковой дивизии.

Разговорились. Павел узнал, что дивизия недавно переброшена под Невскую Дубровку, ей поручено вместе с другими соединениями 8-й армии пробивать вражескую блокаду. Товарищи накормили Казымова, рассказали,

где и как воевали после Лужского рубежа, расспросили о его жизни.

Не хотелось Павлу уходить от старых, проверенных в боях друзей. Однако служба требовала возвращаться в часть. Казымов пришел в отряд, когда бойцы уже получили зимнее обмундирование — теплое белье и теплые портянки.

Отряд готовился к броску на левый берег, над которым днем, словно густой туман, поднималась вздыбленная снарядами и бомбами земля, а ночью горело зловещее зарево.

Чуть рассвело, пошли на седьмую переправу. Противник держал ее под постоянным огнем.

Бросок на левый берег в этот день не состоялся. Получили приказ вернуться на прежнее место.

На обратном пути с переправы отряд был передан в распоряжение другого соединения — 265-й стрелковой дивизии, командование которой принял бывший командир 402-го полка 168-й стрелковой дивизии полковник Я. С. Ермаков. Безграничной смелостью он завоевал горячую любовь командиров и бойцов. Солдаты рассказывали друг другу о том, как в одном из боев на Невском «пяточке» Яков Степанович был контужен, но отказался покинуть поле боя. Получив очередной приказ о наступлении своего полка, Ермаков обнял за плечи одного из помощников и сказал:

— Помоги мне дойти до рубежа атаки, пойдем в бой, покажем гадам-фашистам, как умеют умирать советские командиры*.

И вот теперь Павел Казымов оказался в той самой дивизии, которой командовал Я. С. Ермаков.

В соединении этом высоко ценились крепкая боевая дружба, взаимопонимание, забота о товарище. Казымов это почувствовал сразу, когда после несостоявшейся переправы искал свой новый, 941-й полк. У штабной землянки его остановила женщина в военной форме. Небольшая, с виду хрупкая, очень подвижная, с веселыми, добрыми глазами, она поздоровалась с Казымовым и спросила, куда он идет.

— Загорать, в землянку, — недовольно ответил Павел.

---

* Борщев С. Н. От Невы до Эльбы, с. 92.

— Ты что такой сердитый?

— А чему радоваться? Там, на «пяточке», люди погибают, а мы здесь баклуши бьем.

— Не спеши, милый, будешь и ты там. А пока, — приветливо улыбаясь, сказала женщина, — зайдем в землянку, у меня есть горячий чай.

Павел недоуменно посмотрел на «малышку», как он ее позже назвал в разговоре с друзьями, и последовал за ней.

Всего десять минут пробыл в землянке Казымов, но эта встреча запомнилась навсегда. То ли горячий чай, то ли теплое, душевное отношение работницы штаба Варвары Владимировны Алексеевой отогрели душу солдата.

Вечером отряд получил боеприпасы. Рано утром, ежась от холода и спотыкаясь на обледенелых дорогах, бойцы добрались до переправы. Большие хлопья снега, сыпавшиеся на землю, создавали естественное прикрытие от глаз противника. И хотя над Невой свистели мины и лаяли автоматные очереди, они не были опасными. Враг вел «дежурный» огонь, бил без прицела.

Отряду на этот раз удалось благополучно переправиться на «пяточок».

Казымов, не теряя времени, нашел на склоне берега санитарную эвакуационную. Здесь размещались врач — капитан медслужбы, фельдшер, два санинструктора, четыре санитарно-носильщика.

Капитан, хмурясь, стал упрекать Павла за то, что он задержался на правом берегу:

— Долго же вы, однако, там копались.

Павел промолчал.

Санинструкторы, кроме своих обязанностей, выполняли и дополнительные: посменно несли дежурство у штаба полка. Казымова как новичка сразу назначили дежурить у штаба. Не объяснив обязанности дежурного, капитан медсанслужбы лишь сказал:

— Смотри, чтобы порядок был!

Павел понял, что ему надо быть внимательным и готовым к любым случайностям, которые могли здесь произойти каждую секунду.

После бессонной ночи хотелось спать, мучил голод. Но когда возле эвакуационной разорвался снаряд, а затем одна за другой засвистели мины, затрещали автоматные

очереди, сон как рукой сняло. Через несколько часов Казымова сменили. Он пришел на отдых в ячейку. Однако отдохнуть не удалось. Капитану доложили, что после обстрела и фашистской атаки в полку большие потери. Казымов, не дожидаясь приказа, пополз к окопам. Хотя, по словам связного, «обстрел кончился», кругом ухало, рвалось, свистело.

«Что же бывает во время обстрела?» — подумал Павел.

На Невском «пяточке». Осень 1941 г.

Не успели Казымов и его товарищи из санчасти перевязать раненых, как вновь начался ураганный обстрел. Такого Павел еще не видел. На Лужском рубеже тоже было «весело», но то, что происходило здесь, на Невском «пяточке», просто не поддавалось фантазии.

Безумство это продолжалось более получаса. Потом появились фашистские солдаты. Они не шли, как раньше, когда их атаки нередко напоминали психические. Теперь фашисты приближались ползком.

Расчет, вероятно, был на то, что после интенсивного обстрела в полку многие уничтожены. Но оставшиеся в живых бойцы приготовились к встрече противника. Едва тот приблизился, пошли в ход гранаты.

Павел с товарищами перевязывали раненых, отправляли их в эвакуячейку. Когда Казымов вернулся туда, капитан вновь назначил его дежурить около штаба.

Гудело в голове, хотелось есть, мучила жажда. Но он ничего не сказал капитану, принял как должное распоряжение командира.

Внимательность к людям, дисциплинированность и выдержка Казымова понравились начальнику штаба полка, и он дал начальнику эвакуосанитарной ячейки указание закрепить Павла Казымова при штабе, зачислить его на довольствие в роте связи.

Каждая рота полка ежедневно несла большие потери. Павел и его товарищи работали много, напряженно, с большой опасностью для жизни. Десятки бойцов, своевременно получив необходимую медицинскую помощь, оставались в строю. Лишь тяжелораненых отправляли в тыл. Перетаскивали их обычно ночью, в те короткие промежутки, когда осветительные ракеты падали, а новые еще не успевали подняться.

Полоски ночной тьмы, окутывающие землю туман и густой снег, были хорошими союзниками тяжелораненых бойцов.

Гитлеровцы это понимали. Поэтому во время тумана или снегопада они повышали интенсивность огня. Но одно дело — прицельные артиллерийские залпы и автоматные очереди, другое — пальба вслепую...

Те, кто был на Невском «пяточке», считали каждый день, каждый час вечностью. И все же в этом аду бывали особо трудные периоды. Это время, когда фашисты приводили в действие все огневые средства от стрелкового оружия до авиации. Свинцовый вихрь вскипал на земле. Казалось, само небо разверзлось и с грохотом выливает на землю из гигантской печи расплавленный металл.

Глубокие снарядные воронки, огромные ямы от бомб и вырытые бойцами окопы становились тем убежищем, куда люди забивались, спасаясь.

Враг в это время не может пойти в атаку: ему мешают его же свинец и огонь. Но как только обстрел и бомбежка утихают, фашисты устремляются на позиции советских бойцов. Так было и 18 ноября 1941 года.

Утром, часов в десять, загрохотало все вокруг. Насыщенность и сила огня были настолько мощными, что

их хватило бы, пожалуй, для разрушения крепости, огражденной железобетонной стеной.

Наша артиллерия, расположенная на правом берегу, ответила контрударом. Зенитки открыли огонь по фашистским самолетам. Однако этот огонь в виду жесткого лимита снарядов был редким и непродолжительным.

В тот день погибло много боевых товарищей Казымова. Только командиров выбыло из строя около двадцати. Ранило и Павла. Правда, на сей раз легко, и он имел возможность оказывать помощь товарищам.

С Невского «пяточка» 265-я дивизия была направлена на Волховский фронт. Павел Казымов воевал в ней до 1943 года, был тяжело ранен. Из госпиталя выписался инвалидом третьей группы.

А дивизия продолжала идти на Запад. За освобождение города Выборга ей было присвоено звание «Выборгской». Затем она освобождала многие другие города нашей Родины, Варшаву.

Фашисты, долго и безуспешно штурмовавшие узкую полосу приневской земли, были отброшены к своему логову. Сотни бойцов, выстоявших на Невском «пяточке», в составе славного соединения добивали гитлеровцев в их столице — Берлине. Это были фронтовые друзья Павла Казымова, многим из которых он вернул жизнь после тяжелого ранения на левом невском берегу осенью 1941 года.

ИЗ КОГТЕЙ СМЕРТИ

В годы Великой Отечественной войны всякое бывало. И все же то, о чем мы расскажем, — случай редчайший, возможно — небывалый до сего времени в истории медицины.

Произошло это осенью 1941 года на Невском «пяточке».

Наступили сумерки. «Пяточок» окутывала ночная тьма. Санитары, дождавшись своего часа, поползли в окопы.

Уже перевязали сотни ран. Вдруг в одном из окопов санитары обнаружили человека, распластанного на земле, с раскинутыми в стороны руками.

Боец был без памяти, недвижим. У него оказалось переломлено бедро, а из правой руки у самого плеча... торчал стабилизатор мины. Мина не взорвалась, но это могло произойти в любое мгновение, особенно если бойца шевелить, сдвинуть с места и, тем более, нести к берегу.

Проверили пульс бойца. Он бился, значит, человек жив, значит, надо сделать все, чтобы спасти его.

Рядом с раскрытой ладонью бойца лежала граната. Увидев ее, санитары пришли к выводу, что раненый решил подорвать себя. Он понимал, в каком критическом положении находится: неосторожное движение — и взрыватель сработает, погубив тех товарищей, которые могут оказаться вблизи.

Но солдату не хватило сил выдернуть из гранаты кольцо. При попытке сделать это страшная боль лишила его сознания.

Сколько времени продолжалось такое состояние, никто не знал. Можно было лишь предполагать, что несколько часов.

Сделать что-либо здесь, на передовой, было невозможно. Санитары поставили рядом носилки и стали осторожно поднимать бойца. Солдат пришел в себя.

— Братцы, не надо, не трогайте меня, — тихим голосом произнес он. — Не надо, не хочу, чтобы из-за меня погибли...

Но разве может советский человек, какой бы опасности сам он ни подвергался, оставить товарища умирать!

Двигаться по изрытому снарядами и бомбами полю было не просто, ведь каждое мгновение мог произойти роковой толчок. До пункта первой помощи, находившегося у Невы, добирались более двух часов.

Однако и на медпункте облегчить страдания раненому не удалось, не говоря уж об операции, — о ней в условиях непрерывного сотрясения земли нельзя было и думать.

Оставалось одно: переправлять солдата на правый берег.

Сгустившиеся осенние сумерки скрыли от глаз противника баркас с необыкновенным раненым, уложенным на капковые бушлаты.

Наконец больного доставили в приемную палатку,

из которой по телефону сообщили о необычайном случае в операционное отделение.

— Сперва мы подумали, — рассказывает дежуривший в то время по медсанбату военврач третьего ранга Б. М. Пехман, — что сообщение искажено или это шутка. В темноте, да еще под непрерывным обстрелом, санитары могли ошибиться и принять за мину большой осколок снаряда.

Но медлить нельзя. Из сортировочной раненого сразу же на носилках перенесли в предоперационную.

Когда хирург Пехман вошел в приемную, он на мгновение растерялся, не поверил своим глазам. Темный, обгаренный кровью металлический корпус мины злоеще высовывался из-под плеча солдата. Выше плеча верою расходились в стороны острые крылья стабилизатора.

На носилках лежал крупный мужчина, с хорошо развитыми мышцами и широкой грудью. Внешний вид, крепкое телосложение говорили о том, что солдат занимался физическим трудом.

По документам определили фамилию: Быстриков. Точного его местожительства в той обстановке не записали, только отметили, что перед войной он работал трактористом на Урале*.

Прием такого необычного, исключительного больного не предусмотрен санитарной техникой. Более-менее аналогичного случая не встречалось ни на практике, ни в литературе. Таким образом, никто не мог подсказать, что и как надо делать. Решение следовало принимать самому и безотлагательно.

Взрыв мины мог принести значительные бедствия большому коллективу медиков и находившимся в медсанбате раненым. Поэтому о случившемся доложили руководству. Немедленно прибыли комиссар медсанбата М. Мордвинов и главный хирург И. Колодкин.

Сначала намеревались обезопасить злосчастную мину. Но в штабе батальона саперов не было. Позвали оказавшегося поблизости молодого лейтенанта-артиллериста. На него возлагали большие надежды. Однако лейтенант вскоре вышел из приемной смущенный и растерянный.

---

* «Красная звезда», 1973, 1 ноября.

— Устройство мины, — тихо сказал он, — какое-то особое, мне не знакомое. К тому же у меня нет ключей для разминирования.

Наступило гробовое молчание. Все понимали, насколько критическим было положение. Днем еще можно было провести операцию и извлечь мину где-либо в стороне от палаток. А как быть сейчас? Давно стемнело. Нельзя было разглядеть человека даже в двух-трех метрах.

Поняв, что мину разрядить некому, комиссар и главный хирург приняли решение: дежурному врачу Пехману немедленно приступить к операции.

К месту ее вызвали врачей и медицинских сестер. Объяснили сложившееся положение, особые трудности операции, риск, опасность. Все это медработники видели своими глазами. И все же никто не заколебался, не отказался принять участие в операции.

Еще раз посоветовались, решили сфотографировать необычного раненого, пригласили политбойца — доцента института имени Герцена, у которого был фотоаппарат. Он сфотографировал раненого с миной на операционном столе.

В трудной и опасной работе Пехману помогали военврач А. Войно и медсестры Нина Зверькова и Мария Пехман (супруга хирурга).

Под местной новокаиновой анестезией, обезболив руку, хирург осторожно расширил входное и выходное отверстия все еще кровоточащей раны. После этого мина 50-миллиметрового калибра была благополучно извлечена и аккуратно передана из рук в руки комиссару медсанбата. Мордвинов, словно хрупкого ребенка, вынес опасный груз за пределы медсанбата.

Все облегченно вздохнули. Главная опасность миновала.

Теперь медработники задумались, как облегчить страдания больного, спасти его жизнь. При проверке расширенной раны оказалось, что сосуды и нервы разорваны, плечевая кость раздроблена, из раны уже исходил зловонный запах. Стали искать пульс, но он не прощупывался. В виду явных признаков начинающейся гангрены был сделан общий эфирный наркоз, после чего удалена рука.

Вскоре раненый пришел в себя, стал поправляться

и на десятый день, находясь в удовлетворительном состоянии, был эвакуирован в тыл, на родной Урал. Его проводжали врачи и медицинские сестры, принимавшие участие в необычной операции.

Редчайший случай в хирургии, о котором мы рассказывали, был коротко описан в газете «Красная звезда» от 13 марта 1942 года. Там же была помещена фотография раненого, с миной в плече, солдата Николая Быстрикова. Рассказ о необычайном происшествии, мужестве и мастерстве военврача Пехмана и его коллег передавался по Всесоюзному радио*.

В конце статьи «Редчайший случай в хирургии» «Красная звезда» писала: «Пожалуй, это пока единственный раненый, пытавшийся разминировать себя смертью, чтобы не подвести товарищей, и единственный хирург, операция которого войдет в историю под рубрикой «Разминирование».

Так было сказано треть века назад.

Однако эти слова мы полностью можем повторить и сегодня. Можем потому, что подобного еще не происходило.

Спасение Николая Быстрикова — образец самоотверженности, великого гуманизма и блестящего мастерства людей в белых халатах.

---

* Мне обо всем подробно рассказал в 1966 году ветеран 115-й стрелковой дивизии майор медицинской службы в отставке Б. М. Пехман. Ныне он проживает в Ленинграде, имеет связь с советом ветеранов Невского плацдарма Ленинградского фронта (А. Б.).

УДАРНЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

В трудные для Ленинграда осенние дни 1941 года обком и горком партии посылают своих лучших сынов в действующую армию.

7—9 ноября по решению военного совета фронта создается отдельный ударный коммунистический полк. Кроме ленинградцев, в него вошли коммунисты и комсомольцы других городов и областей страны, в том числе и уральцы. К сожалению, нет возможности назвать большинство людей, сражавшихся в этой легендарной части. Полк был сформирован буквально за сутки, и документации на него (даже списков по фамилиям) нет.

Люди здесь были рабочей, большевистской закалки, железного характера, до последнего дыхания преданные Родине, партии, народу. Их непродолжительное пребывание на Невском «пяточке», смелые и решительные боевые действия, заставившие фашистов усилить свою оборону, имели важное значение в общем ходе битвы за Ленинград.

Командиром ударного комполка был назначен заместитель командующего фронтом по укрепрайону генерал-майор Пантелеймон Александрович Зайцев, прослуживший в предвоенное время немало лет в Уральском военном округе. Комиссаром — Николай Дмитриевич Афанасьев, помощник начальника политуправления Ленинградского фронта по комсомолу. Армейским политработником он стал за два года перед войной, а до призыва в армию был инженером-строителем, работал на Уралмашзаводе и в Пермской области.

Инженером полка назначили добровольно вступившего в него В. В. Филиппова, тоже строителя. Виктор Васильевич возводил промышленные объекты в бухте

Находка на Дальнем Востоке, участвовал в строительстве крупных предприятий в Свердловске, Перми, Челябинске.

В восьмую роту ударного полка попали Николай Михайлович Пузанов, проживающий ныне в городе Алапаевске Свердловской области, и кунгуряк, работающий сейчас начальником торгсектора городского управления внутренних дел, Николай Иосифович Балыкин. Оба они были рядовыми бойцами.

Весь личный состав полка составляли добровольцы. Каждый из трех батальонов имел 800 активных штыков, роту автоматчиков, роту связи, разведроту. Роту автоматчиков имел в своем распоряжении и командир полка.

Во главе батальонов были поставлены опытные, смелые коммунисты, до этого — кадровые командиры полков, прошедшие суровую школу начального периода войны.

Командир и комиссар лично познакомились со всеми бойцами и офицерами полка.

— Генерал, — рассказывает Н. И. Балыкин, — беседовал с каждым бойцом. Его разговор был душевным, обращение с людьми простым, поистине отцовским. Когда генерал подошел ко мне, то спросил, как меня зовут. Я назвал свое имя и отчество.

— А ты, Коля, — спросил генерал полупшепотом, наклонившись к моему уху, — не боишься? — И тут же быстро добавил: — Только говори правду, дело трудное, враг сильный. Если не уверен в себе, лучше не ходи на левый берег, там жарко.

— Я сначала даже растерялся, — продолжает вспоминать Н. Балыкин, — не знал, что ответить.

— Ну, что, — улыбнулся генерал, — выходит, не уверен.

— Нет, товарищ генерал, — ответил я, — не боюсь! Я уралец, а на Урале принято быть там, где труднее. У меня была бронь, я работал на военном заводе, мог не ходить на фронт. Но не смог в тылу усидеть...

— Молодец! — твердо сказал генерал, пожал мне руку и пошел дальше. Он на минуту-две остано-

ливался и возле других бойцов, разговаривал с ними. О чем говорил генерал с другими, не знаю, только разговор оканчивался рукопожатием, и генерал шел к следующему бойцу.

— А вечером с нами беседовал комиссар полка, — вспоминает Н. М. Пузанов. — Мы стояли в деревне Новая, возле Колтушей. Я был в восьмой роте. Еще не наступил вечер, как в роту пришел полковой комиссар. Молодой, лет тридцати, стройный, подтянутый, с искрящейся улыбкой. Когда он снял шинель, мы увидели на его груди орден Красного Знамени. Тогда этот орден не часто встречался, его имели, как правило, те, кто сражался в годы гражданской войны. Наш комиссар родился в 1908 году, он не мог быть ее ветераном. И мы, конечно, заинтересовались, за что получил орден молодой комиссар нашего полка. Пока тот беседовал с другой группой бойцов, адъютант сказал нам, что в финскую кампанию Афанасьев был заместителем начальника Политического управления фронта по комсомолу. В боях с финнами Николай Дмитриевич всегда находился там, где становилось особенно трудно, где решалась ответственная боевая задача. При взятии Выборга комсомольский вожак фронта первым поднялся во весь рост и бросился вперед. Его порыв подхватили бойцы. За этот подвиг и получил Афанасьев орден Красного Знамени.

Вскоре комиссар полка был возле нас.

— Ну как, орлы, — спросил он, улыбаясь, — готовы в большой полет?

Простые манеры, дружелюбный, открытый взгляд — все это вместе с задорным вопросом комиссара сразу расположило нас к нему.

— Готовы, товарищ полковой комиссар, — неожиданно для себя ответил я.

— А ты откуда, такой храбрый? — подходя вплотную ко мне, поинтересовался Афанасьев.

— С Урала.

— То-то и видно, бравый парень, — он взял меня за руку выше локтя. Я почувствовал его крепкую кисть и напряг мышцы.

— А ты не только бравый, а, видать, и крепкий?

Комиссар ударного
коммунистического полка
Н. Д. Афанасьев.

«При исполнении всего вышеизложенного помнить, что звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию, бесстрашно идти на врага».

Об этих словах из листка, выдававшегося коммунистам, мобилизованным на фронт гражданской войны, не раз напоминал своим бойцам комиссар Афанасьев.

— Молотобойцем работал, да и спортом не пренебрегал.

— Это хорошо. Сила при умной голове никогда не повредит, а поможет делу.

Афанасьев на миг замолчал, словно что-то вспоминая, и, вздохнув, сказал:

— Люблю Урал. Работал я в ваших краях около двух лет, а запомнились они мне навечно. Если мороз — то настоящий, русский, а зима — снежная. Коль лето — тепло, солнечно. А дожди какие? — будто задал он мне вопрос, но тут же сам ответил: — Сильные, проливные. А из рек мне больше всех нравятся Волга, Кама и Нева. Широкие, полноводные.

Упоминание о реках, видимо, навело комиссара на какие-то прежние размышления. Он нахмурился, потом спросил:

— Ну, как, ребята, перемахнем Неву?

— Перемахнем, обязательно! — дружно ответили ему, как по команде, десятки голосов.

Таким было первое, неофициальное знакомство командира и комиссара полка с личным составом.

Утром комбаты построили свои подразделения. Командование полка было представлено личному составу, заслушало доклады командиров батальонов и рот о готовности выступить в район боевых действий.

Затем выступил член военного совета Ленинградского фронта первый секретарь горкома партии А. А. Кузнецов. Он коротко сказал о создавшейся обстановке, о трудностях, выпавших на долю ленинградцев, защищающих город, армейских соединений и экипажей балтийских кораблей.

— Но коммунисты тем и отличаются, — сказал член военного совета, — что в трудностях, в пламени огня, как сталь, крепче закаляются, становятся прочней и выносливей.

Кузнецов зачитал личному составу ударного коммунистического полка короткое и вдохновенное письмо военного совета Ленинградского фронта. Оно заканчивалось выражением уверенности в том, что коммунисты-добровольцы, верные боевым большевистским традициям, до последней капли крови будут драться за свободу, честь и независимость Родины, за город первой в мире социалистической революции — Ленинград.

Генерал Зайцев еще раз подчеркнул трудное положение города и важность предстоящего сражения.

— Я дал обещание товарищу Жданову, — сказал командир ударного, — что полк не дрогнет в бою, делает все, что в силах человеческих.

Коммунисты сделали все, что могли.

Перед полком стояла задача: прорвать линию окружения с Невского «пяточка» и развивать наступление в направлении 1-го и 2-го городков 8-й ГЭС на станцию Мга.

Дни стояли студеные. Ледяной ветер поднимал полы шинелей бойцов, забирался под гимнастерки. По дорогам густыми, длинными змеями гуляла снежная поземка.

Получив сухой паек и сухой спирт в коробочках, предназначенный для подогрева пищи в полевых условиях, полк рассредоточенно двинулся по направлению к поднимавшемуся над горизонтом, видимому за десятки километров вокруг багровому зареву.

От села Манушкино двигались лесом и полями по замерзшим тропам. В воздухе часто появлялись вражеские самолеты. Наши зенитные батареи, а иногда и самолеты, встречали их редким, но прицельным огнем, не давая «разгуляться» на правом побережье.

Первой к Невской Дубровке подошла саперная рота. Ее возглавил старший лейтенант Сергей Нестерович Бондаренко, хорошо знавший свое дело молодой, смелый командир. В эту роту прибыл и полковой инженер В. В. Филиппов.

Остановились метрах в 300—500 от Невы. Стояла ночь, но было светло, как будто сияло солнце. Горели деревянные двухэтажные дома, в воздухе висели на парашютах множество осветительных ракет. И только огромным черным силуэтом виднелась на противоположном берегу Невы железобетонная громада корпуса 8-й ГЭС, в создании которой Филиппов принимал участие как инженер-конструктор.

На берегу и у спуска к Неве то тут, то там темнели исковерканные автомашины, повозки, танки.

Пулеметные трассирующие очереди, мины, снаряды и бомбы непрерывно разрывались вокруг. Сплошной огонь. И это — на правом берегу Невы. А что было там, на левом!

Справа от причала, с которого саперной роте предписывалось переправляться через Неву, стоял сплошной шум машин, говор людей, команды. Все это мешалось с разрывами снарядов.

— Стало жутковато, — вспоминает Филиппов. — Но должен сказать, что было и какое-то чувство задора, боевого подъема. Наконец окунулись в настоящую войну, пойдем вперед.

Почти три месяца наши войска хотя и с жестокими боями, но отходили к Ленинграду, к Москве... Больше советские бойцы не отойдут ни на шаг.

Нева уже покрылась толстым льдом, в котором зияли огромные полыньи.

Вместе с понтонной бригадой саперы ударного коммунистического ремонтировали пристань, сколачивали плоты.

Филиппова и Бондаренко вызвал командир полка. Землянка, куда они прибыли, была тесной и душной. Генерал приказал немедленно приступить к строительству

укрытий для личного состава, потом произвести разведку льда для создания своей, полковой переправы.

— Фронтальная переправа, — сказал Зайцев, — находится все время под сильным обстрелом. К тому же она занята обеспечением частей, находящихся на левом берегу, боепитанием, продовольствием, людьми.

В разговор вступил начальник штаба подполковник Данилюк.

— На «пяточке», — сказал он, — надо сделать хороший, крепкий блиндаж для капе и ходы сообщения к нему. Надо также быть готовыми проделать проходы в минных полях и заграждениях противника в тех местах, где будем наступать. Эти места станут известны нам позже, когда выявятся менее укрепленные участки вражеской обороны.

Данные штаба полка о боевой обстановке инженер и командир саперной роты нанесли на свои карты. Но по картам можно было получить только общую ориентировку. Поэтому Филиппов и Бондаренко быстро создали кроки «пяточка» в более-менее крупном масштабе, нанесли на них обстановку и боевые задачи для рот, взводов и отделений.

Взводу лейтенанта Новожилова поручили сделать блиндаж на левом берегу Невы, взводу старшего лейтенанта Михалева — организовать переправу, взводу лейтенанта Петрова — смастерить укрытия и обеспечить работу первых двух взводов.

Утром Филиппов со старшим лейтенантом Михалевым и двумя бойцами пошел в разведку. Ползком, укрываясь в складках земли и воронках, они добрались до невского берега. Неподалеку болтались провода разрушенной линии электропередачи. Осмотрев местность, Филиппов решил организовать переправу около нашего подбитого танка, на 200—300 метров левее понтонного моста.

Разведка убедила, что подготовить переправу очень трудно. Противник полностью просматривал это место со стороны 8-й ГЭС. Но другого выхода не было.

Командир роты Бондаренко со взводом саперов перебрался на левый берег и поставил в известность стрелков о предстоящей ночной вылазке группы во главе с инженером полка.

Как только стемнело, Виктор Васильевич, Михалев

и несколько саперов, одевшись в белые халаты, поползли к месту заранее выбранной трассы.

Погода благоприятствовала разведчикам: дул небольшой ветер, и по льду змейками перемещался наметенный снег.

Чем дальше группа пробиралась к середине Невы, тем слабее становился лед, чувствовалась его вибрация. Люди стали продвигаться осторожнее, расстояние между ними увеличилось. Вот уже стали слышны доносившиеся с левого берега разговоры наших бойцов — они размещались в «пещерах» и «лисьих норах», сделанных в крутом склоне. Стало веселее. Но... дальше ползти было опасно. Лед слабый, к тому же совсем близко разорвались мины, образовав большие воронки.

На этом разведка закончилась, и группа повернула обратно.

Противник, словно предчувствуя то, что произойдет через несколько дней, вел обстрел ледяной поверхности Невы трассирующими пулеметными очередями. Зрелище было красивым, «как в кино». Но так продолжалось, пока огненные трассы расчерчивали воздух в стороне. А когда светящиеся нити приближались, становилось не по себе, по коже пробегала дрожь, и люди замирали, готовые, казалось, вдавиться в лед.

У самого правого берега одна из огненных нитей прошла старшего лейтенанта Михалева. Опасность усилилась для всех: тяжелораненого надо было вытащить, а противник, вероятно, заметил передвигающиеся крупные белые точки и усилил огонь.

Но все обошлось благополучно. Михалева доставили в медсанбат.

Так, уже в ходе подготовки полка к предстоящей

Главный инженер
ударного коммунистиче-
ского полка
В. В. Филиппов.

боевой операции, несмотря на повышенную осторожность и предусмотрительность, из строя выходили бойцы и командиры.

Тем временем мороз крепчал. Было принято решение: переправу укрепить намораживанием льда. Узнав, что соседние инженерные части укрепляют лед тросами, Филиппов тоже решил использовать болтающиеся электропровода. О своем плане он доложил только что вернувшемуся с «пяточка» генералу Зайцеву и начальнику инженерных войск фронта Б. В. Бычевскому. Они одобрили идею.

Вскоре с левого берега вернулся Бондаренко. Он прибыл за противотанковыми минами, которые решили дополнительно установить на переднем крае «пяточка» в особо опасных местах. Но доставленных под Невскую Дубровку мин для этого явно не хватало, и Филиппов получил от начальника штаба указание срочно привезти из Ленинграда побольше как противотанковых, так и противопехотных мин. Они находились на фронтовом складе, размещавшемся на Митрофановском кладбище Ленинграда.

В ОБЛЕДЕНЕЛОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Виктор Васильевич Филиппов решил воспользоваться пребыванием в Ленинграде, для того чтобы получить консультации у видных специалистов.

Инженер доложил о своем намерении генералу Зайцеву. Командир полка хорошо знал многих специалистов этого профиля. Он назвал Филиппову несколько фамилий ученых и написал письмо академику Галеркину, занимавшемуся по заданию военного совета оборонными сооружениями.

Быстро собравшись в дорогу, Филиппов сел на попутный грузовик.

Но не успели далеко отъехать от Невской Дубровки, как осколком разорвавшегося в стороне снаряда повредило камеру, спустил баллон. Неприятная задержка. А разрешение дано только до вечера. Виктор Васильевич надеялся улучшить минутку для встречи с родными, находившимися в блокадном городе, потом повидаться

с профессорами, с которыми долго сотрудничал в институте инженеров промышленного строительства...

Дефект, к счастью, был устранен быстро. До Пороховых ехали благополучно. Затем — тревога, воздушный налет. Пришлось опять останавливаться. Шофер быстро отвел машину в сторону, прижал ее к забору. Люди спрятались в кювете. Появились самолеты. Пролетев на бреющем, они дали очереди по машинам и повозкам, по людям, укрывшимся кто где мог. Несколько машин загорелось, послышались крики, стоны...

Ленинград. Зима 1941/42 г.

Вскоре машина Филиппова снова отправилась в путь. Но вдруг шофер остановил ее возле группы бойцов. Они разделявали только что убитую лошадь. Виктор Васильевич и шофер приняли участие в этой операции и, сделав запас «подарков», отправились дальше.

Кусок конины и кое-что из вещмешка были большой радостью для голодавших в Ленинграде родственников. Мать и отец Виктора Васильевича от дистрофии еле держались на ногах, просили его побыть с ними хотя бы полчаса. Но он не мог выполнить эту святую просьбу: его ждали в Дубровке тысячи боевых друзей.

Это была последняя встреча Филиппова с родителями. Вскоре они умерли в Ленинграде от голода...

Мины Виктор Васильевич получил быстро, без задержки, с профессорами института встреча была также короткой и тяжелой. Голод и холод не щадили и их, хотя одеты они были в полковничьи и генеральские мундиры.

Так как переправа полка рассчитывалась только для повозок и машин с боеприпасами, минами и ранеными, то решение уложить настил на замороженные провода и тросы ученые одобрили.

С поручением руководства полка Виктор Васильевич справился. Но возвращался он сильно удрученный. То, что он увидел в Ленинграде, взволновало до глубины души. Дома стояли мрачные и обледенелые, улицы засыпаны снегом, трамваи и автобусы остановились там, где их когда-то застала бомбежка или обстрел, людей на улицах почти не было, а те, кто появлялся, еле передвигались. На площадях и улицах было много трупов, хотя специальные команды убирали и свозили их на Пискаревское кладбище.

Город, казалось, вымер и был погружен в ледяной мрак. Только на заводах теплилась жизнь. Там, несмотря на голод и нечеловеческую усталость, напрягая последние силы, люди делали танки, орудия, снаряды для разгрома врага.

С тоской в сердце покидал Виктор Васильевич Ленинград, бывший до войны кипучим от труда, радостным от счастья, светлым от больших творческих успехов.

— Нет, — шептал сквозь зубы Филиппов, — в городе намного труднее, чем нам на фронте...

КЛЯТВА ПЕРЕД БОЕМ

Пока полковой инженер ездил в Ленинград, Бондаренко подготовил все для укладки тросов и настила. Это обрадовало Виктора Васильевича. Но когда он узнал, что почти треть роты уже погибла при выполнении инженерных работ, боль снова стиснула его сердце.

И все же переправа оправдала себя. По ней на санках, повозках и машинах перевозили снаряды, мины, продовольствие — все необходимое для наступления

полка на Невском «пяточке». А с левого берега перебрасывались раненые. И хотя противник обстреливал переправу, разрушая ее, саперы вновь приводили трассу в должное состояние. Их помощником был мороз.

Тем временем в ротах и батальонах ударного коммунистического полка проходили беседы, собрания, выпускались «молнии». Командиры и бойцы давали клятву Родине, Коммунистической партии, ленинградцам биться с врагом не щадя ни сил, ни крови, ни самой жизни.

Комсомолец Николай Пузанов решил идти в бой коммунистом. Он написал короткое заявление, в котором говорилось: «В эти трудные для Ленинграда дни хочу быть коммунистом. Мы, уральцы, любили Ленинград. Этот город многое сделал для развития уральской промышленности, а теперь, когда он оказался во вражеской блокаде, мы сделаем все для его освобождения от фашистского терзания».

10 ноября Н. М. Пузанов был принят в партию.

В одной из батальонных «молний» были слова кунгурияка Николая Балыкина: «Я не могу оставаться спокойным в эти дни. Варвары терзают самый красивый город мира, город, где Ленин создал нашу партию, где победила пролетарская революция. В бою сделаю все, что в моих силах. Умру, но ни на шаг не отступлю. Уральцы, как и их боевые товарищи по Невскому плацдарму из других городов и республик нашей страны, с честью выполняют свою боевую клятву».

ПРИВИЛЕГИЯ КОММУНИСТА

В ночь с 11 на 12 ноября через Неву на «пяточок» переправился первый батальон. С ним на левый берег прибыли командир, комиссар и начальник штаба ударного коммунистического полка. Они все время были с бойцами, вдохновляли их своим бесстрашием.

Переправа закончилась около семи часов утра, а в десять часов батальон пошел в атаку. Фашисты не выдержали напора и откатились в район 1-го городка и 8-й ГЭС.

Генерал Зайцев дал указание инженеру полка создать блок-группы. Они обеспечивали наступление, блокировали доты и дзоты противника зарядами тола, про-

бывали проходы в минных полях, рвали проволочные заграждения. Генерал руководил боем, находясь рядом с бойцами. Его наблюдательные пункты отделялись от линии противника всего десятками метров. Но и здесь Зайцев не задерживался. Он успевал появляться повсюду, сразу оценивая обстановку, оперативно давал задание командирам. Присутствие командира полка поднимало дух сражающихся, и они еще решительнее шли в атаку.

Храбрым, находчивым руководителем проявил себя полковой комиссар Н. Д. Афанасьев.

Еще при переправе он упорно добивался, чтобы бойцы как можно быстрее, ни на минуту не задерживаясь, перемахнули широкую, насквозь простреливаемую противником Неву. И, несмотря на сильный артиллерийский и минометный огонь, потери были сравнительно невелики. А потом начался штурм вражеских укреплений. И комиссар вел бойцов в наступление, зажигал их своим боевым азартом и презрением к смерти.

В первых рядах атакующих бежали Пузанов и Балыкин. Увлеченные боем, оба потеряли шапки, их шинели были порваны. Но уральцы, не замечая этого, преследовали противника, забрасывали его гранатами, косили из автоматов.

Враг понял, что главное сейчас — не дать возможности нашим свежим силам прийти на помощь атакующим. Из глубины расположения фашистских войск по Неве и правому берегу била артиллерия. А с флангов — от Арбузова и 8-й ГЭС — перекрестным огнем хлестали пулеметы, летели мины.

В этих условиях переправа двух оставшихся у Невской Дубровки батальонов ударного коммунистического полка в дневное время оказалась невозможной, бессмысленной. Таким образом, первый батальон, достигший заметных успехов, поддержки не получил. Из-за большой потери личного состава занятые позиции не удалось закрепить.

Ночью на «пяточок» перебросили второй батальон полка. Фашисты, несколько потеснившие накануне сильно поредевший первый батальон, опять были отброшены. Была отбита деревня Арбузово — крепкий опорный пункт противника на нашем правом фланге. Здесь у гитлеровцев густой сетью по берегу Невы стояли пулеме-

ты, минометы, артиллерия, зарытые в землю танки. Все укрепления были обложены бетонными плитами.

Роты комполка вышли также к железнодорожной линии и своим огнем наносили неприятелю большой урон.

Комиссар полка в это напряженное время ни на минуту не смыкал глаз, постоянно был среди людей. Устал улыбаясь, он говорил:

— В годы гражданской войны мобилизованные на фронт коммунисты получали листок. В нем перечислялись обязанности, среди которых было сказано: «При исполнении всего вышеизложенного помнить, что звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию, бесстрашно идти на врага».

17 ноября осколок снаряда оборвал жизнь верного сына большевистской партии Николая Дмитриевича Афанасьева. Героические действия комиссара на Невском «пяточке» были отмечены посмертно орденом Ленина.

Мы не имели возможности перебросить на левый берег нужное количество войск и подкрепить наступление серьезной поддержкой артиллерии и авиации. Враг же находился в гораздо более выгодных условиях. Его тылы свободно связывались с передней линией. Никто не препятствовал подходу войск и артиллерии на помощь потрепанным частям, отброшенным с обвода «пяточка».

Бойцы и командиры ударного коммунистического полка, несмотря на чрезвычайно трудные условия, успешно справились с поставленной перед ними боевой задачей. Они нанесли врагу значительный урон и так же, как их боевые соседи по «пяточку», способствовали тому, что командование группы армий «Север» перебросило сюда несколько дивизий, вместо того чтобы направить их к Волхову.

Сражения на Невском плацдарме в это время имели не только большое местное значение, но оказали определенное влияние и на ход битвы под Москвой. «Гитлеровское командование не сумело взять в ноябре и декабре из состава группы армий «Север» ни одной дивизии. И, наоборот, вынуждено было перебрасывать сюда подкрепления»*.

---

* На защите Невской твердыни, с. 262.

Оставшиеся в живых командиры и бойцы ударного коммунистического полка впоследствии были влиты в 168-ю стрелковую дивизию, командиром которой был назначен генерал-майор П. А. Зайцев.

Пантелеймон Александрович Зайцев с честью прошел через многие фронтовые испытания. Погиб он в боях под городом Нарвой в июне 1944 года, командуя стрелковым корпусом. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Имя генерала Зайцева сегодня носит одна из улиц Кировского района Ленинграда.

ТРИСТА ТРИДЦАТЫЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Тяжело было всем, кто дрался на «пяточке». Каждый сражавшийся там совершил подвиг. «Кажется, даже мертвые ведут бой за этот «пяточок», потому что и мертвые лежат с оружием в руках, обращенные в сторону, лицом к противнику. Все там герои. Нет, не то слово. Бессмертные!»*. Если кто-либо возвращался оттуда, то был ранен или контужен. Поэтому бойцы горько шутили, что с левого берега Невы можно вернуться в двух случаях: в «Наркомзем» или в «Наркомздрав».

И все же особые трудности выпали на долю бойцов, командиров и политработников 330-го полка 86-й стрелковой дивизии. Они проявили подлинный былинный героизм. В составе этого полка были и пермяки: братья Иван и Алексей Девяткины и П. Кудрявцев, М. Михайлов, Н. Кустов из Лысьвы, П. Ульянов из деревни Шляпники Ординского района, Н. Шляпников, А. Неволин — из поселка Майкор, и другие.

Автору этих строк довелось встретиться с командиром полка майором в отставке Александром Сергеевичем Блохиным. Воспоминания его вместе с другими материалами позволили, в некоторой степени, показать дела бойцов этой воинской части.

Осенью 1941 года 86-я дивизия вела ожесточенные бои в районе Московской Дубровки.

330-й полк наступал на левом фланге. Группа бойцов в количестве примерно взвода получила задание: отбросить противника, укрепиться на отвоеванном участке и фланговым огнем помогать полку, действовавшему справа.

* *Духанов М.* В сердце и в памяти, с. 222.

П. В. Кудрявцев.

Недалеко от расположения противника группа разделилась на три части. Пермяк Петр Кудрявцев попал в центральную. Условились, что бойцы на левом и правом крыле открывают огонь по противнику, а когда тот ответит, центральная подгруппа кинется с гранатами на окопы. Замысел удался.

В отвоеванном окопе установили пулемет «максим». Фашисты, застигнутые врасплох, откатились. Гранатами их выбили еще из одного блиндажа.

Но для дальнейшего наступления сил не было. У противника здесь оказалась мощная укрепленная полоса, насыщенная огневыми средствами. Он решил не только вернуть потерянные огневые точки, но и, отрезав огнем отход нашим солдатам, захватить их в плен. В атаку на смельчаков было брошено до роты гитлеровцев. Бойцы подпустили противника поближе и, когда он оказался в 30—40 метрах, забросали гранатами, оставшихся добила из «максима».

Так повторялось четырежды. Когда стали сгущаться сумерки, а у наших бойцов кончился запас гранат и патронов для пулемета, они были вынуждены оставить отвоеванный клочок земли.

— Мы, — рассказывал Петр Васильевич Кудрявцев, — получили приказ вернуться на прежние рубежи. И вынуждены были отойти к той точке, с которой делали бросок на противника. У командования не было возможности подбросить нам подкрепление и боеприпасы. А в темноте, да еще без патронов и гранат, противник мог нас окружить и уничтожить.

После нескольких недель напряженных, изнурительных боев полк получил приказ передать участок другой части и переправиться на правый берег. Небольшая передышка давала возможность личному составу привести себя в порядок. Бойцы и командиры были усталые, гряз-

К переправе. 1941 г.

ные, небритые. Чистили оружие, мылись в бане, чинили обувь и одежду. Но отдохали недолго. Левый берег, словно ненасытный людоед, требовал новые и новые батальоны.

Полк получил приказ: занять оборону на всем плацдарме.

— Людей и пулеметов,—рассказывает А. С. Блохин, — было мало. Оставалось одно: расположить батальоны в линию. Часть окопов приходилось занимать трем-четырем бойцам с винтовками, чтобы иметь огневую связь. В некоторых местах отсутствовала даже зрительная связь.

Перед передним краем у нас не было никаких заграждений. Мы пытались заложить по линии фронта мины. Но это можно было сделать лишь незаметно для противника, а он и ночью просматривал весь район с помощью осветительных ракет, каждый наш боец, замеченный фашистами, немедленно обстреливался из пулеметов трассирующими пулями. Второго эшелона в полку не было, его составляли штабные подразделения.

Полк вел активную оборону. Перед командным пунктом вырыли окоп. Передвигаться по плацдарму можно было только ползком, а ночью — перебежками.

Мы многого не знали о противнике, поэтому командир дивизии полковник А. М. Андреев* приказал захватить «языка». Но ночные вылазки не увенчались успехом. Разведчиков обнаруживали и обстреливали из пулеметов.

Командование продолжало настойчиво требовать «языка». Как выполнить приказ в столь сложных условиях?

Решили рыть подкоп. Наш план полковник одобрил. Копать начали от берега на правом фланге. Там за колючей проволокой находились неприятельские блиндажи и окоп с пулеметом.

Рыли по ночам. Упорно долбили промерзший грунт. Землю относили к берегу. На рытье подкопа затратили примерно месяц. Когда доложили о готовности, стали думать, как выходить наверх. Ведь каждый квадратный сантиметр круглые сутки враг держит под неослабным наблюдением. Поэтому открывать люк нельзя: фашистские наблюдатели сразу засекут и обстреляют. Решили осуществить выход из подкопа путем взрыва. Так надежнее, нем-

---

* А. М. Андреев ныне Герой Советского Союза, генерал-полковник в отставке.

цы подумают, что разорвался снаряд, не придадут значения.

Взорвали. Все спокойно. Но когда разведчики выбежали из образовавшейся воронки, их обстреляли вражеские пулеметы. Выяснилось, что ошиблись в расчетах: не дорыли до проволоки несколько метров.

После этого случая фашисты стали следить за нашими позициями еще настороженнее. В тот день они несколько раз атаковали передний край первого стрелкового батальона. Ничего не добившись, стали усиленно обстреливать командный пункт полка. Один снаряд разорвался у входа в землянку. От взрыва осел потолок, разрушился вход, погибло несколько человек. Люди какое-то время были оглушены. Первым пришел в себя помощник начальника штаба старший лейтенант Делев. Вслед за ним выбрались остальные уцелевшие.

Трудно было с обеспечением бойцов боеприпасами и питанием. Иногда по несколько дней оставались без горячей пищи. Огня на «пяточке» разводить не было возможности: враг сразу засекал это место и подвергал ураганному обстрелу. Поэтому горячую пищу старались доставить с правого берега в термосах. Но это дорого нам обходилось. С наблюдательного пункта возле деревни Арбузово фашисты замечали и обстреливали даже одиночек. Для переброски гранат и патронов решили протянуть тросы с правого берега Невы на левый. С помощью такого троса кое-что удавалось по льду перетянуть на плацдарм. Но мешало большое количество ледяных торосов на поверхности реки.

Особенно трудно было доставлять продовольствие и все остальное в первый батальон. Проползти туда невредимым удавалось далеко не каждому подноснику.

Решили ночами рыть ход сообщения. Услышав стук кирок и лопат, гитлеровцы открывали огонь. Но солдаты продолжали работать. Тогда фашисты пускали в ход артиллерию и сравнивали траншеи с землей...

Стали собирать трупы, которых на «пяточке» было много. Мерзлые тела убитых врагов и погиб-

ших товарищей клали штабелями вдоль бровки. Враг вел огонь и по этим необычным штабелям, но разрушались они не сразу.

Тяжело было и тем бойцам, которые держали оборону в окопах. Противник был совсем рядом, он видел все, что у нас делается, и не жалел боеприпасов, которых имел вдосталь. Мы исправляли разрушенные окопы по ночам. Это была изнурительная работа. Мерзлая земля не поддавалась лопате, да и люди были сильно ослаблены бессонными ночами и голодом, наступившими морозами.

Строительного материала на левом берегу Невы не было. Поэтому землянок с перекрытием не делали. В окопах рыли ниши, в них укрывались от обстрелов, отдыхали, лежа на холодной земле. Умывались снегом. Но грязь снегом не отмоешь. Людей надо мыть. Было решено устроить на берегу, под кручей, землянку под баню.

На правом берегу, в Невской Дубровке, нашли котел, перетащили его через Неву. Пригодился.

Баню топили днем. Противник видел поднимающийся дым, открывал артиллерийский и минометный огонь по берегу. Но баня, прикрываемая крутым берегом, была почти неуязвимой.

А ночью, как ни светили ракеты, как ни плясали вокруг трассирующие разрывные пули, бойцы по очереди, группами добирались до столь желанной каждому бани.

У человека есть спасительное свойство привыкать ко всему. Это свойство усиливается, крепнет, когда человек испытывает трудности во имя святого долга.

Наши бойцы и командиры дрались за Родину, за Ленинград, во имя победы над коричневой фашистской чумой. И это их вдохновляло, удесятряло силы.

Петр Васильевич Кудрявцев провел на «пяточке» несколько недель.

Ночью 29 декабря он вместе с товарищами поднялся в очередную атаку. Противник не прекращал ураганный огонь более четырех часов. Но бойцы не отошли ни на шаг. А когда стальной шквал спадал, вновь ползком и перебежками приближались к противнику.

Много людей полегло на поле боя. Тогда Петр Кудрявцев возглавил оставшихся, и они, добравшись до вражеских окопов, забросали фашистов гранатами.

Когда кончились патроны и гранаты, бойцы собрали их с убитых советских и вражеских солдат.

В тот день Петр Васильевич был ранен у самого переднего края противника. Он истекал кровью, думал: все, погиб. Но товарищи спасли.

Когда наступили сумерки, был получен приказ отойти к своим позициям. Те, кто мог двигаться, напрягая последние силы, возвращались в расположение полка сами и помогали обессилевшим.

Позже, вспоминая адовые дни на Невском «пяточке», Петр Васильевич говорил:

— Мы шли на врага с самым сильным оружием — с верой в победу!

С верой в правду, в нашу победу шли в бой с лютым врагом миллионы наших бойцов и командиров. Эта вера наполняла их сердца отвагой, помогала переносить все невзгоды.

ВОЛЯ ПРОТИВ СТАЛИ

Находясь на левом берегу, 330-й полк не только осуществлял активную оборону, но вел и наступательные операции.

Участок, занимаемый полком, составлял в это время примерно четыре километра по фронту с глубиной от кромки Невы: 130 метров на правом фланге (овраги севернее деревни Арбузово), 690 метров в центре и 70 метров на левом фланге (Пильные мельницы). Передний край противника от переднего края полка находился местами на расстоянии 30 метров.

Полк выполнял труднейшую задачу. Он отвлекал на себя силы противника и тем самым облегчал положение наших войск на других участках Ленинградского фронта. На Невский плацдарм противник бросал свои отборные силы: батальоны парашютистов, саперные батальоны и части СС.

Учтя опыт боев, рельеф местности и оборону противника, командование приняло решение вести наступательные бои вдоль берега Невы вверх по течению.

Однажды, прорвав укрепленную полосу на узком участке, небольшая группа наших бойцов заняла 8-ю ГЭС. В этом здании засели вражеские минометчики и пулеметчики, а главное, артиллерийские наблюдатели. Заметив малейшее движение через Неву, они немедленно сообщили об этом артиллеристам, у которых местность была разбита на квадраты и хорошо пристреляна.

Терять такой удобный пункт фашисты, разумеется, не захотели. Они обрушили на здание ураган огня. В течение дня наши бойцы отбили несколько атак. А вечером, когда боеприпасы кончились, пришел приказ оставить такую кровью завоеванное здание 8-й ГЭС.

Вскоре после этого гитлеровцы подтянули к плацдарму свежие силы и предприняли попытки сбросить полк в Неву.

Особенно трудным был день 12 февраля 1942 года. Фашистам удалось занять так называемый «участок танков» (там стояли наши подбитые, недееспособные машины). Враг сразу же начал минировать обвод этого участка и устанавливать рогатки, чтобы отгородить захваченное пространство от второго эшелона нашей обороны.

В этот момент в одном из подбитых танков дежурил у ручного пулемета уралец санинструктор Александр Иванович Пугин. Он исполнял обязанности командира взвода. Вместе с ним были Василий Евдокимов и Героргий Елесин.

Окруженные со всех сторон, боевые друзья умело отбивались. Они истребили 22 фашиста, в том числе одного офицера, а сами не были даже ранены.

На помощь второму батальону командование полка направило отряд во главе с майором Соколовым и политруком Беспаловым.

В этой операции участвовали только добровольцы. Когда политрук обратился к бойцам и предложил пойти на выручку товарищам, попавшим в окружение, все как один потребовали, чтобы взяли их. Соколов и Беспалов отобрали 36 человек.

Фашисты были отброшены на прежний рубеж. Радостные бойцы крепко обнимали своих стойко продержавшихся товарищей.

Однако гитлеровцы не унимались. 16 марта шквал огня обрушился на участок первого батальона. Разры-

вы не стихали в течение нескольких часов. Казалось, что все живое здесь уничтожено. Но когда враг бросился в атаку, его снова встретил дружный отпор.

Сражавшиеся на Невском «пяточке» проявляли находчивость и выдержку. Они, например, придумали хитрый способ укрываться от огня противника: стали рыть траншеи как можно ближе к немецким окопам. И от снарядов укрывались, и противника беспокоили.

Так, имея большое превосходство в личном составе, практически безграничное количество боеприпасов, фашисты оказались бессильны выполнить приказ своего командования о захвате Невского плацдарма. Сила духа бойцов и командиров 330-го полка была крепче вражеской стали и огня.

ВЕСНА ПРИНОСИТ НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Конец 1941-го и начало 1942 года ознаменовались определенным успехом под Ленинградом. Разгромив в декабре тихвинско-волховскую группировку противника, войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвались на линию Назия — Кириши и далее по реке Волхов до Новгорода. Бои шли напряженные, кровопролитные, нашим войскам была поставлена задача расширить плацдарм на левом берегу Волхова, а для этого требовалось усилить действующие там соединения.

При сложившихся обстоятельствах не было возможности пополнить воинские части, сражавшиеся на Невском плацдарме.

Невский «пяточок» по-прежнему удерживал 330-й полк, который к этому времени был сильно обескровлен. Но дух бойцов и командиров оставался боевым, они были полны решимости до конца выполнить приказ.

На «пяточок» прибыл начальник политотдела дивизии бывший секретарь Дзержинского райкома партии Ленинграда Александр Васильевич Щуров.

Когда над израненной землей сгустились сумерки, в землянке собрались политработники.

Исхудалые, изнуренные непрерывными боями и постоянным физическим напряжением, люди едва держались на ногах. Большинству из них было немногим бо-

лее двадцати лет. Однако виски, а у многих и всю голову, покрывала седина.

— Товарищи коммунисты, — обратился к собравшимся старший батальонный комиссар А. В. Щуров. — Вы вместе с бойцами и командирами своей несгибаемой отвагой завоевали любовь ленинградцев. Люди осажденного города с тревогой и гордостью следят за боями на Невском плацдарме. Товарищ Жданов, у которого я был перед тем, как прибыть к вам, просил меня передать вам его благодарность и большевистское спасибо за вашу стойкость и мужество, за верное служение Родине.

— В городе, — продолжал Щуров, — пока очень трудно. Не хватает топлива, электроэнергии, люди голодают, мерзнут, умирают. Но Ленинград, которому вся наша страна помогает через Ладогу, накапливает силы. Наша стойкость позволяет приблизить час возмездия фашистским варварам.

Всем было ясно, что предстонт впереди. Каждый понимал: другого выхода нет.

Разошлись так же молча, как и собирались.

Александр Васильевич переползал по ночам от окопа к окопу, побывал в землянках и траншеях, откровенно и просто разговаривал с людьми о судьбе полка, который отбивал натиск многократно превосходящего в силах противника.

В эти дни среди бойцов и командиров находились также начальник штаба дивизии подполковник Козлов, комиссар полка А. В. Красиков, начальник штаба полка А. М. Соколов и другие руководители-коммунисты.

Полк был готов к любым испытаниям.

До ледохода из дивизии пришло приказание переправить кухни, продовольствие, боеприпасы. На левый берег прибыло также несколько врачей.

Вместе с теплыми, ласковыми лучами апрельского солнца пришли и новые заботы, неприятности: плавился снег, оттаивали и многочисленные трупы, которые стали разлагаться, наполнять плацдарм тяжелым запахом. Надо было копать траншеи, укладывать в них погибших, засыпать землей...

Зимой через Неву был проложен настил из бревен, скрепленный стальным тросом. Когда через невский лед пролегла первая небольшая проталина и по ней вниз

по течению началось движение льда, настил был сорван.

В эти дни пришел приказ из дивизии: направить на учебу помощника начальника штаба полка старшего лейтенанта Делева.

Возникла проблема, как доставить его на Большую землю. На левом берегу оставалась одна-единственная лодка. Ее подтащили ночью к водной полосе. Делев сел в лодку и с трудом добрался до противоположной кромки льда.

С уходом этой лодки никаких средств связи через Неву с правым берегом не осталось, полк был полностью отрезан от Большой земли, от родной 86-й дивизии.

Весна принесла новые, более трудные испытания личному составу 330-го полка.

КАЖДЫЙ ДРАЛСЯ ЗА ДЕСЯТЕРЫХ

24 апреля Нева зашевелилась, по всей ее ледяной поверхности, словно прорезанные гигантским алмазом, появились темные извилистые линии. А сверху, от Шлисельбурга, будто под напором огромного пресса, надвигались и громоздились одна на другую льдины.

Нева вздыбилась, зашумела, наполнила окрестность лязгом и треском, слепой, неукротимой силой.

На Невском плацдарме в это время находилось 357 бойцов и командиров. Они имели 23 ручных и 14 станковых пулеметов и держали оборону на участке длиной по фронту 3,8 километра*.

Девяносто четыре человека на километр!

В то же время фашисты на этом участке имели на каждый километр не менее 1000 активных штыков. Более десятка фашистов против одного советского бойца! Таково фантастически неравное соотношение на поле боя.

К численному превосходству в людях необходимо добавить все усиливающееся превосходство в технике. Разбушевавшаяся Нева полностью закрыла доступ к левому берегу. И без того скудные резервы полка катастрофически быстро истощались.

---

* Архив МО СССР, ф. 265, оп. 1517, д. 122, л. 124.

Фашисты понимали это. Они боялись возобновления какой-либо связи левого берега с правым и спешили закончить с горсточкой защитников плацдарма. На полк обрушился огонь из всех видов орудий. Огромная черная стена земли и песка, перемешанных со снегом и корнями травы, поднялась над окопами. В воздух летели оторванные от зарытых в земле трупов ноги, головы, руки. Не успело все это упасть на кипящую от разрывов снарядов землю, как фашисты бросились в атаку. Они захотели застать наш гарнизон врасплох, расчленив его и уничтожить по частям. Но просчитались.

В эти тяжелые дни и часы все командиры и политработники полка находились вместе с бойцами. Трусов в полку не было.

Горы трупов оставляли фашисты на поле боя, но вновь и вновь шли в атаки.

— Их действия часто напоминали психическую атаку, — рассказывает А. М. Соколов. — Они шли сплошной стеной: по несколько цепей в ряд. Мы уничтожали их, но они лезли и лезли. Вероятно, командование не пожалело на сей раз шнапса, вливало его в солдат до тех пор, пока они не очумели...

Батальоны (они были меньше рот по штатному расписанию) возглавляли командир полка А. Блохин, начальник политотдела дивизии А. Щуров, начальник штаба полка А. Соколов. В ротах и взводах были оставшиеся в живых комбаты, комиссар полка А. Красиков и другие.

Полк не только отражал атаки, но и сам бросался в ответные. Так, третий батальон под командой Щурова и подразделение штаба во главе с начальником штаба дивизии Козловым четыре раза поднимались в контрнаступление, выбирая удачный момент, смятение в рядах противника при больших потерях.

Вражеские трупы покрывали землю, отделявшую передний край фашистов от наших рубежей. Они стали служить нашим бойцам прикрытием, как брустверы. Из них укладывали штабеля, за которыми укрывались во время артобстрела и бомбежки.

Только за три дня — с 25 по 27 апреля — защитники Невского плацдарма уничтожили более полутора тысяч солдат и офицеров противника, вывели из строя восемь

наблюдательных пунктов, четыре дзота, восемь минометов, одно орудие, взорвали погреб с боеприпасами*.

Гитлеровцы бросали в бой все новые силы. Их командование требовало быстрее, пока не возобновлена связь с правым берегом, разделаться с остатками гарнизона «пяточка». Но «остатки» продолжали оказывать стойкое сопротивление.

Тогда несколько десятков бомбардировщиков последовательно, метр за метром, стали бомбить «пяточок». Зенитчики с правого берега сбили несколько стервятников. Однако бомбовые удары по плацдарму продолжались. Силы защитников плацдарма с каждым днем и часом резко убавлялись.

27 апреля с «пяточка» в штаб 86-й стрелковой дивизии пришла радиограмма: «Как один, бойцы и командиры до последней капли крови будут бить врага. Участок возьмут, только пройдя через наши трупы. Козлов, Соколов, Красников».

Спустя два дня на левом берегу фашисты временно торжествовали победу. Дорогой ценой досталась она им, за жизнь каждого советского бойца они заплатили 8—10 своими солдатами.

Бойцы и командиры 330-го стрелкового полка, погибшие на легендарном Невском «пяточке», своим бесстрашием и безграничной верностью Отчизне вписали яркую страницу в историю битвы за город первой в мире социалистической революции.

Среди героев, павших на левом берегу Невы, были люди разных национальностей, посланцы многих республик и областей.

Были там и уральцы — пермяки, свердловчане, челябинцы. О большинстве героев мы, к сожалению, пока мало что знаем, о некоторых — ничего.

Кое-какие факты известны из тех сообщений, которые до поры до времени поступали с «пяточка» на правый берег по радию. Много автору поведал оставшийся в живых командир полка Александр Сергеевич Блохин. Его, тяжело раненного, находившегося в беспмятном состоянии, фашисты взяли в плен. Немало рассказал и Александр Михайлович Соколов. Ему, трижды раненно-

---

* Архив МО СССР, ф. 265, оп. 1517, д. 93, л. 21—22.

му на «пяточке», было приказано в те последние дни переправиться на правый берег.

В человеческих ли силах было выполнить такое приказание? Ведь даже раньше, в навигацию и в период ледостава, при переправе от вражеского огня погибло до 80 процентов личного состава и плавсредств.

Теперь же, когда у фашистов появилась реальная возможность захватить левобережный плацдарм, они еще больше повысили наблюдение за Невой, готовы были обрушить тонны металла буквально на все живое, что решилось бы появиться в реке.

Все это Соколов понимал. Но он был, пожалуй, самым сведущим в обстановке человеком. В руках начальника штаба сосредоточивались сведения о всем личном составе части, к нему стекались все данные о ходе боев за плацдарм.

Он должен был добраться до правого берега во что бы то ни стало.

ПОЕДИНОК СО СТИХИЕЙ

Кто же он, этот смельчак, не уstraшившийся шестисотметровой ширины озверевшей реки, густого града вражеских пуль, снарядов и мин?

В 1933 году, как и многие комсомольцы тридцатых годов, Александр пошел добровольцем в Красную Армию. Служил на Урале, в том числе и в Перми.

— До глубокой осени почти не было дня, — рассказывает Соколов, — чтобы я не плавал на Каме. Я мог находиться в ней часами, переплывал ее по нескольку раз.

На камском раздолье он неплохо изучил стили брасс, баттерфляй, хорошо нырял, стараясь больше находиться под водой, в этом положении преодолевать большие водные расстояния.

Великую Отечественную войну Соколов начал начальником штаба стрелкового полка, принявшего бой на старой Эстонско-Литовской границе, сражался на Лужском оборонительном рубеже, сыгравшем важную роль в битве за Ленинград.

Осенью Александра Михайловича перевели в 177-ю

Полковник А. М. Соколов.

— До глубокой осени почти не было дня, — рассказывает Соколов, — чтобы я не плавал на Каме. Я мог находиться в ней часами, переплывал ее по нескольку раз.

Эта закалка помогла ему, раненному, преодолеть с донесением простреливаемую, разбушевавшуюся от ледохода Неву.

стрелковую дивизию, а в декабре назначили начальником штаба 330-го полка 86-й дивизии.

Более 200 суток провел Александр Михайлович на левом берегу Невы. 27 апреля 1942 года во время последней контратаки его ранило. До наступления темноты Соколов оставался на поле боя. Вечером он пришел в землянку, где находились тяжелораненые Щуров, Козлов, Красиков и помощник начальника штаба полка по связи старший лейтенант М. Кукушкин.

Майор Блохин, у которого были перебиты обе ноги, лежал в землянке командира первого батальона, куда пройти берегом было невозможно.

Положение создавалось очень тяжелое. Встал вопрос, как установить связь с командиром дивизии и доложить ему обстановку. Лодок к этому времени на левом берегу не было.

— Единственный выход — послать кого-то вплавь через Неву, — подумал вслух начальник штаба дивизии майор Козлов. — Но кого?

Наступило тягостное молчание.

После некоторого раздумья комиссар полка сказал:

— Есть такой человек. Майор Соколов. До войны занимался плаванием на длинные дистанции, до самых заморозков Каму переплывал.

— Как, Александр Михайлович, — спросил Козлов, — одолеешь Неву?

— Раз необходимо, — ответил Соколов, — постараюсь переплыть.

Тут же было составлено донесение. В нем сообщалось: подразделения полка ведут бой разрозненными группами почти у самого берега реки, оставшийся личный состав будет сопротивляться до конца, о подробностях доложит майор Соколов.

Некоторые наиболее важные документы и полковую печать Соколов положил в карман кожаных брюк, а в другой сунул металлические жетоны, снятые с убитых вражеских солдат и офицеров, — по ним можно было установить, какие части противника вели бой с 330-м полком в последние дни на плацдарме.

Провожали Александра Михайловича боевые друзья с надеждой и тревогой. Они, да и сам Соколов, понимали, что переплыть разбушевавшуюся Неву, да еще будучи раненым, это значит перешагнуть через смерть.

Едва успел Соколов отплыть от берега, как совсем неподалеку вспыхнула осветительная ракета. «Между льдами не заметят», — подумал майор и продолжал плыть. Позади уже метров пятьдесят. И вдруг совсем рядом зачмокали по воде пули. Вначале Соколов посчитал, что это случайная автоматная очередь, но фашисты все били и били короткими очередями. Значит, заметили.

Когда одна ракета над Соколовым погасла, а другая еще не разгорелась, он, сорвав с себя шапку-ушанку и бросив ее на воду, перевернулся на спину и стал отплывать в сторону. Из воды виднелось только лицо. Хитрость удалась, вскоре по шапке вели огонь из пулеметов и нескольких автоматов.

С каждой минутой продвигаться становилось все тяжелее. По реке плыл не только мелкий лед, но и крупные льдины. Их надо было обходить, пробиваться против течения, постоянно рискуя оказаться под одной из этих льдин.

Был момент, когда Соколову показалось, что гибель неизбежна. Огибая очередную льдину, он в последний момент каким-то чудом заметил, что на него идет другая большая глыба. Вот-вот она ударит по той, что слева от пловца, тогда они раздавят его, как букашку...

Набрав в легкие побольше воздуха, Александр Михайлович нырнул. Это было сделано вовремя, через несколько секунд он услышал удар сомкнувшихся мощных льдин.

Вынырнув, Соколов осмотрелся. Над Невой ракет больше не было. Зато много их было на левом берегу — там шел бой...

До правого берега еще далеко, не меньше половины, а усталость давала о себе знать.

Хуже всего было то, что одну ногу начало сводить судорогой, а затем она совсем онемела.

У изнуренного пловца не раз появлялось отчаянное желание: уцепиться за какую-нибудь льдину, взобраться на нее и плыть по течению. Но там были Ивановские пороги. Соколов тут же отгонял соблазн, продолжая пробиваться сквозь льды к противоположному берегу.

Наконец, какое-то внутреннее чувство подсказало Соколову, что берег близко. У него чаще забилося сердце и словно прибавилось сил.

Вскоре Александр Михайлович подплыл к стоявшему в нескольких метрах от берега плотуку. С большим трудом забрался на него и потерял сознание. Очнувшись, вновь спустился в воду и теперь уже, собрав все силы, доплыл до мелководья.

Здесь тоже пришлось решать ребус: правый берег в свое время заминировали, и продвигаться по нему нужно было очень осторожно.

Майор приглядывался, где больше воронок и черных пятен: там рвались снаряды — значит, безопасно, и он пополз по рытвинам. Так Соколов преодолел несколько метров, потом попробовал встать на ноги, но тут же упал: силы иссякли, левая нога оказалась совершенно непослушной. До дороги, идущей по берегу у бумажного комбината, майор добрался ползком.

Заметив с вечера большое оживление на левом берегу, командир 86-й дивизии полковник А. М. Андреев выслал несколько офицеров на правый берег для наблюдения.

В тот момент, когда Соколов выполз на дорогу, по ней проходил адъютант командира дивизии старший лейтенант И. М. Айзенштадт. Он-то и помог Александру Михайловичу добраться до штаба дивизии.

Донесение было доставлено. Из него командованию дивизии стала известна трагедия полка, обороняюще-

гося на Невском «пяточке». К сожалению, ничем помочь обреченным на гибель товарищам дивизия не могла.

Широка Нева в этом месте, и Соколову потребовалось тогда более двух часов, чтобы преодолеть ее.

После этого «заплыва» Александр Михайлович два с половиной месяца пролежал на госпитальной койке со сквозным ранением бедра и пневмонией легких.

Мы благодарны ему за то, что он дал нам возможность подробнее узнать о великом мужестве героев 330-го стрелкового полка, навсегда вошедшего в сердца потомков. Их подвиг бессмертен.

После выздоровления А. М. Соколов вновь громил фашистов. Он закончил войну далеко от Родины, на Юго-Западном побережье Балтийского моря.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТУРМ СОРВАН

Захват противником Невского «пяточка» был расценен геббельсовской пропагандой как «серьезный шаг группы армий «Север» на пути к покорению большевистского Ленинграда». Немецко-фашистское командование приступило к тщательной подготовке генерального штурма города. План операции неоднократно обсуждался в ставке Гитлера. На усиление войск 18-й армии предполагалось перебросить несколько соединений из Западной Европы.

Враг сосредоточил под Ленинградом крупные силы артиллерии. По данным нашей разведки, здесь появились 24, 28, 132 и 170-я пехотные дивизии 11-й армии, переброшенные из Крыма после эвакуации советскими войсками Севастополя*.

Все это вынудило принять соответствующие меры с нашей стороны. За счет ослабления других участков Ленинградского и Волховского фронтов усиливается Мгинско-Синявинское направление. Советское командование решает упредить удар противника, проведя здесь наступательную операцию. Общий замысел ее сводился к нанесению двух встречных ударов войсками Ленинградского и Волховского фронтов при содействии Краснознаменного Балтийского флота и Ладожской военной флотилии с целью разгрома шлиссельбургской и мгинской группировок противника и ликвидации блокады с суши.

Ставка также имела в виду, что нашим наступлением под Ленинградом будут прочно скованы сосредото-

* Битва за Ленинград. 1941—1944. М., Воениздат, 1964, с. 161.

ченные здесь немецко-фашистские войска и гитлеровское командование не сможет перебросить их под Сталинград, где летом и осенью 1942 года развернулись главные события.

К Неве во второй половине сентября были подтянуты части 70-й и 86-й стрелковых дивизий, а также 11-й отдельной стрелковой бригады.

В рядах этих соединений, которым в жестоких условиях предстояло форсировать Неву, зацепиться снова за левый берег и наносить удар по противнику, было немало уральцев.

Так, в составе 11-й стрелковой бригады сражались Михаил Александрович Шевелев (проживает в Березниках) и Иван Евгеньевич Гаврилов из Кизела. В 86-й дивизии воевали пермяки Яков Григорьевич Нечаев и Алексей Николаевич Мякотников.

Много посланцев Пермской области было в прославленной 70-й стрелковой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор Анатолий Андреевич Краснов. В этом соединении били фашистов проживающий ныне в Уинске Михаил Антипович Бахмутов, его земляки А. Ф. Пряхин, Т. Завьялов, В. Злыгостев и М. Кашин, А. Кузнецов из Оханска и другие.

В живых остался только М. Бахмутов.

ИЗ ШЛЮПКИ В БОИ

В историческом очерке «Ордена Ленина Ленинградский военный округ» есть такой абзац:

«После мощной артиллерийской и авиационной подготовки двинулись через реку головные роты 169-го стрелкового полка 86-й дивизии и 252-го стрелкового полка 70-й дивизии. На корме одной из шлюпок стоял коммунист, старший сержант Павлов, высоко поднимая развевающийся на ветру алый стяг. Едва днище лодки коснулось песчаной отмели, как Павлов спрыгнул в воду и с громким «ура» повел взвод в атаку»*. Эти слова

---

* Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Ист. очерк. Лениздат, 1968, с. 309.

отлично характеризуют обстановку на Неве в осенние дни, когда наши воины кипели от гнева к фашистским кровопийцам, принесшим ленинградцам неисчислимыя бедствия.

— Мы, — вспоминает Алексей Мякотников, обеспечивавший в те дни переправу через Неву подразделений 86-й дивизии, — не замечали ни разрывов вражеских мин, ни пулеметной трескотни, ни рвущихся бомб. У всех было одно стремление: скорее туда, к занятому фашистами левому берегу.

Алексей Николаевич, как и другие воины его части, прошел «огни и воды» грозного 1941 года, участвовал в эвакуации героического гарнизона с полуострова Ханко, был награжден за это медалью «За отвагу». И вот теперь — Нева.

— Наша задача, — продолжает Мякотников, — заключалась в том, чтобы быстрее и больше переправить на левый берег бойцов и командиров. Дело нелегкое: большая шлюпка была до предела нагружена людьми, пулеметами и боекомплектами. Но гребцам помогали десантники, они гребли прикладами винтовок, автоматов, касками — каждому хотелось быстрее вступить в схватку с фашистами. Теперь мы не отходили и даже не оборонялись как прежде, а наступали, отбивали у врага нашу землю. Это поднимало дух, вело нас на неукротимый штурм.

В ту ночь Мякотников несколько раз переправился через Неву. Сотни бойцов благополучно доставил он на левый берег, где опять все клокотало от огня. Во время одного из рейсов шлюпку изрешетило минометными осколками. Алексей Николаевич помог людям выбраться на берег. Посмотрев на полузатонувшую шлюпку, он решил вместе с бойцами 169-го стрелкового полка идти в бой. Здесь же, на берегу, ему дали гранаты, автомат и диски с патронами, и Алексей Николаевич стал десантником.

М. А. Бахмутов.

...Еще не забрезжил рассвет, как фашистские ракеты одна за другой взмыли в небо. Пространство «пяточка» на сотни метров озарилось тусклым светом. Наши бойцы поняли, что гитлеровцы раньше обычного пойдут в атаку. Следом за ракетами прогремели артиллерийские раскаты, затем засвистели мины. Когда огонь батарей поутих, раздался глухой рокот моторов.

Появились танки. Они открыли огонь с дальнего расстояния. Вместе с ними шла фашистская пехота. Давно не видел такого грозного зрелища Алексей Николаевич.

Мякотников положил рядом противотанковые гранаты. Потом зачем-то пощупал диск автомата, осмотрелся. Кругом были бойцы из его 86-й дивизии. Он знал — это бывшие народные ополченцы, зарекомендовавшие себя отменно.

Автоматы застрочили, когда танки приблизились метров на сто. Выдержка помогла солдатам бить прицельно, без промаха. Цепи противника поредели. Потом Мякотников схватил большие гранаты и пополз навстречу врагу. Он уже слышал ляг гусениц. Метнул одну гранату. Ему показалось, что танк осел, скособочился. Рядом слышались взрывы таких же гранат. Потом застучали автоматы, раздалось лихое русское «ура!». Фашисты повернули назад.

В одном из боев Мякотникова ранило. Обратно, на правый берег, он возвращался «пассажиром».

Так закончилось участие А. Н. Мякотникова в битве за Невский «пяточок» осенью 1942 года. После выздоровления он снова попал на Краснознаменный Балтийский флот. Освобождал от оккупантов острова Выборгского и Рижского заливов. За мужество и отвагу его наградили орденом Красной Звезды и несколькими медалями. Ныне герой битвы на Невском плацдарме трудится на одном из заводов Перми.

СПАСИБО ЗА ДОБЛЕСТЬ!

По военной специальности Иван Евгеньевич Гаврилов был связистом. Осенью 1941 года он в составе 11-й отдельной бригады уже находился в районе Невской Дубровки, был там ранен. Спустя год снова участвовал в захвате Невского «пяточка».

Связь в те дни имела очень важное значение. На плечи связистов в бою ложилась огромная ответственность. Нелегко под обстрелом переправить на «пяточок» аккумуляторы, телефонные аппараты, катушки с проводами. Но еще труднее было на левом берегу. Здесь, под непрерывным огнем, как шпулочные нитки, рвались и горели телефонные провода, рассыпались рации.

— Мы не знали, что такое отдых, — вспоминает Иван Евгеньевич, — надо было успевать повсюду. Укладывали линию по дну Невы, искали обрывы проводов, восстанавливали связь, чинили аппаратуру. Размеры «пяточка» были настолько малы,

Клавдия Шульженко (вторая справа) среди воинов
Невского плацдарма. Осень 1942 г.

что враг мог следить за всеми бугорками, за брустверами. И как только фашисты замечалидвигающуюся точку, сразу же открывали огонь.

Работу связистов усложняло и то, что тогда применяли провода только одного цвета. Связисты часто сбивались, если в некоторых местах лежало по несколько нитей. Иная из них была уже оставле-

на без аппарата, но не смотана. На то, чтобы найти нужную линию и устранить разрыв, приходилось терять время. А ведь бой идет, бой не ждет, где-то надо усилить огонь, куда-то послать подкрепление... Не будет четко работать связь — бойцы останутся без управления.

Поэтому мы старались убирать бездействующие линии, делалось это обычно одновременно с поиском разрыва. Придумали и такую хитрость: нарезали ленты из бинтов, готовили из них клочки сантиметров по восемь-десять, а затем, через метр примерно, завязывали на проводах узелки. В одном случае тянули чистый провод, в другом — с белыми узелками. Потом легко было определить, к чему какой провод относится. Хотя этот способ и примитивен, но в условиях сплошного огня он давал возможность сократить время на поиск дефекта, а значит, — уменьшить смертельную опасность, улучшить связь.

Кто знает, возможно какая-то из этих сбереженных секунд и спасла мне жизнь.

Обязанности связистов не ограничивались перечисленными действиями. Приходилось, выполняя приказы командования, переправляться под ураганным огнем с особо секретными документами с одного берега на другой, доставлять важные пакеты с командных пунктов в расположение рот и взводов.

Однажды вечером Ивана Евгеньевича вызвал командир батальона связи. Связист пришел в «лисью нору» (так называли землянки, вырытые в крутом берегу). На стене висела консервная банка с чадящим в ней резиновым проводом. Едва разобрав в полутьме погоны комбата, Гаврилов доложил о прибытии.

— Товарищ Гаврилов, — сказал комбат, — необходимо немедленно переправить на правый берег важный пакет и доставить обратно ответ.

Гаврилов забрал перевязанный шпагатом и скрепленный чем-то вроде сургуча пакет, положив его за пазуху. Капитан первым вышел из помещения. Недалеко от кромки берега, на небольшой волне качалась лодка, в ней сидели два моряка. Капитан пожал Ивану Евгеньевичу руку, пожелал успеха. Гаврилов сел в лодку. Моряки навалились на весла, и лодка быстро засколь-

зила. Трудно сказать, заметил противник ее или нет, но в небо поднялось сразу несколько новых осветительных ракет. Со стороны деревни Арбузово и от здания 8-й ГЭС на Неву посыпались мины.

— Под огнем везде страшно, — вспоминает Иван Евгеньевич, — но на воде как-то особенно жутко. Ведь если ранят, на земле спастись легче.

В опасности особенно неприятно быть не у дел. Иван Евгеньевич огляделся, увидел на дне доску, взял ее и начал грести. До заветного правого берега оставалось метров двести, не больше. Гребцы еще сильнее навалились на весла. Старался и Гаврилов, нажимая на всю «железку». Мины теперь рвались позади.

И вдруг лодка накренилась, один из краснофлотцев вывалился за борт и сразу исчез под водой. Лодка зачерпнула воду и опрокинулась. Иван Евгеньевич сообразил быстро сбросить с ног тяжелые сапоги и поплыл к берегу. Рядом с ним плыл гребец. Быстрое течение Невы сносило их вниз, и неизвестно чем окончилось бы единоборство с рекой, если бы от берега не подоспела на помощь шлюпка.

Ивана Евгеньевича доставили к командиру, которому предназначался пакет. Потом переодели в сухое, обогрели, дали чарку.

Еще до рассвета Гаврилов вернулся на левый берег и передал комбату засургученный пакет.

— Поздравляю тебя с успехом, — хлопая по плечу, сказал комбат. — Не всякий так может: баню принять и два важных приказа за одну ночь выполнить. Спасибо тебе за доблесть.

ОНИ СТАЛИ ГВАРДЕЙЦАМИ

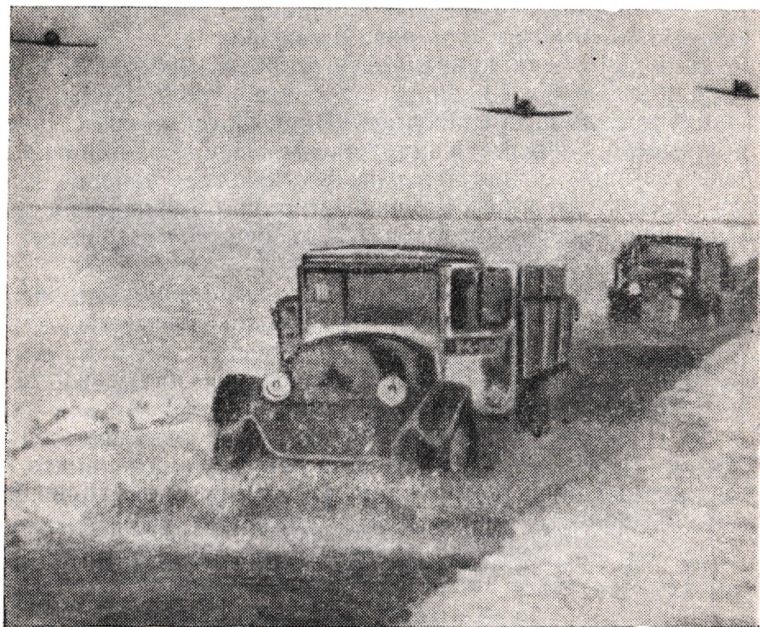
Батальон капитана А. Н. Строилова, захватив небольшой плацдарм, стоял насмерть. Подкреплений не ждали, так как с рассветом переправа приостановилась. Фашисты, подтянув два моторизованных полка, стремились сбросить строиловцев в Неву. Блиндажи и окопы по несколько раз переходили из рук в руки.

— Когда кончились гранаты и патроны, — вспоминает Михал Антипович Бахмутов, — комбат Строилов

поднял нас в атаку. В короткой схватке отбросили противника и разжились там немецкими гранатами, автоматами, боеприпасами к ним. В тот день мы потеряли счет гитлеровским атакам. Словно обалделые, фашисты лезли на нас. Трудно сказать, сколько мы их тогда положили, но знаю, что очень много.

В этот день большую помощь смельчакам, форсировавшим Неву, оказывал артиллерийский полк подполковника С. З. Кадацкого. Артиллеристы понимали, как трудно приходится тем, кто на левобережье.

«Дорога жизни»

Когда машина, груженная снарядами, шла к артскладу, один из осколков попал в нее. Вспыхнул пожар. Пламя вот-вот могло переброситься на снаряды, и тогда — взрыв. Капитан С. М. Ошанин, сопровождавший этот ценный и опасный груз, бросился к кузову машины и быстро стал разгружать ее. Примеру его последовали все

находившиеся рядом. Взрыв предотвратили, снаряды, предназначенные для разгрома фашистов, полетели в цель.

До наступления темноты гитлеровцам так и не удалось восстановить положение. Чуть стусутились сумерки, через Неву снова начали переправляться наши стрелки, артиллеристы, саперы, медики, связисты.

Почти неделю пробыл Бахмутов на левом берегу. От разрыва бомб, гула снарядов и мин он потерял слух. Потом его ранило. Лечился Михаил Антипович в родных прикамских местах.

Среди героев легендарного Невского плацдарма широко известно имя уроженца Оханска, моряка-балтийца Александра Ивановича Кузнецова. Только за одну ночь понтонер Кузнецов совершил более десятка рейсов, перевез на левый берег свыше двухсот ящиков боеприпасов и переправил с «пяточка» более тридцати тяжело-раненых бойцов.

Уже рассветало, когда недалеко от берега прямо в шлюпку попала мина. Ее осколки пробили борт, ранили краснофлотца в спину. Моряк оказался в воде. Только бы не потерять сознание! Если бы не флотская выдержка да былые заплывы на Каме и Балтике, вряд ли бы смог он преодолеть течение.

Он дотянул-таки до берега. Покачиваясь от слабости, добрал до кручи, кое-как перевязал рану и решил пробираться к переправе. Он знал, как сейчас там дорог каждый человек.

Перед глазами крутились желтые, фиолетовые, красные круги. Вдруг Кузнецов увидел несколько наших бойцов. Они сидели под кручей, изнуренные, продрогшие, хмурые.

«Вероятно, раненые или отстали от своих», — подумал Александр и крикнул:

— Здорово, молодцы! Что приуныли, кого ждете?

Его бледное, обескровленное лицо не могло вселить бодрость в бойцов. Но голос, сильный и решительный, привлек их внимание.

— Зябко, — ответил один из десантников.

— Да и подвыдохлись изрядно, — добавил другой, — голодные.

— Голод от безделья, — напрягая усилия, сказал Александр. — А согреешься в бою, они здесь — жар-

кие. А ну, ребята, вставайте! — бодро скомандовал моряк.

Взобрались на обрыв. Впереди то и дело поднимались взметенные пулями фонтанчики земли, слышалась автоматически-пулеметная трескотня. Там шел бой, десантники отбивали натиск гитлеровцев.

Кузнецов не имел четкого представления о расположении на «пяточке» наших войск. Он шел вперед наугад. Неожиданно наткнулись на вражеских автоматчиков.

Увидев наших, фашисты быстро оценили свой количественный перевес, стали атаковать.

— Ложись! — приказал Александр. — Зря патронов не расходовать, подпустим гадов ближе и ударим наверняка. Гранаты пускать в ход только по моей команде.

Фашисты, уверенные в успехе, бросились в атаку без подготовки. Но, получив отпор, откатились.

— Приготовиться! — скомандовал балтиец товарищам. — Сейчас они опять полезут.

Отбили один, второй, третий натиск. Теперь роли поменялись, силы стали почти равными. С криком: «Полундра!» Александр поднял свою группу. Фашистов отбросили за шоссе на дорогу.

Но в этом бою уралец был ранен вторично. Очнулся в окопе, куда его на шинели принесли товарищи, предварительно перевязав, как могли.

Моряк поднял голову, огляделся. Вокруг были тяжелораненные. Все они ждали эвакуации на правый берег.

«Да-а, — подумал Кузнецов, — быстро я отвоевался. Не зря говорили ребята: пробыть на «пяточке» один час — все равно что целую неделю на другом участке войны...»

Размышления прервал грубый лязг металла. Александр насторожился. «Танки!» — понял он и, преодолевая резкую боль, поднялся, выглянул из окопа. Три танка с белыми крестами на черных бортах шли прямо к окопу. Следом за ними, пригибаясь по-разбойничьи, двигались автоматчики.

— Ребята, — обратился Александр к раненым, — встретим гадов по-русски! Готовьте связки гранат!

Сам взял несколько противотанковых гранат, пополз к брустверу.

Танки двигались, непрерывно стреляя. Александр перевалил через бруствер, пополз навстречу им. Ранские бойцы, приготовив гранаты, следили за моряком. Вот они увидели, как пулеметная очередь взметнула над ним брызги земли.

— Конец... — выдохнул кто-то из солдат.

— Ползет! — восторженно крикнул другой.

Упираясь локтями в землю, превозмогая страшную боль от ран, Кузнецов упрямо двигался навстречу стальным чудовищам.

Казалось, головной танк вот-вот раздавит ползущего к нему человека. Но Кузнецов рассчитал все. Собрав силы, он бросил гранату.

Раздался взрыв. Стальная машина продолжала двигаться. Вторая граната. Ее разрыв совсем рядом. Неизвестно, кто больше пострадает от него — танк или смельчак.

Танк остановился.

Кузнецов подполз к подбитой машине и стал ждать, когда подойдет вторая. Едва она поравнялась с ним, метнул одну за другой две гранаты. И вновь взрывы, от которых еще сильнее загудело в голове.

Кузнецов готовился к схватке с третьим танком. Но что это? Возбужденный азартом боя, Александр не поверил своим глазам. Круто развернувшись, тот набирал скорость и быстро удалялся восвояси. Но и его ожидало возмездие. Меткие выстрелы бронебойщиков завершили расправу над фашистскими машинами.

К месту схватки подоспели тем временем наши десантники. С криками: «Полундра!» «За Ленинград!» они бросились в атаку.

Друзья вынесли истекавшего кровью героя с поля боя, переправили через Неву, в медсанбат. Когда раненого проносили возле командного пункта 70-й стрелковой дивизии, подошли член военного совета Ленинградского фронта генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков и комдив А. А. Краснов. Они остановили санитаров.

— Сильно ранило, орел? — спросил Штыков Кузнецова.

— Ничего, товарищ генерал, — ответил уралец. — Мы им сильнее всыпали, надолго запомнят Балтику.

— Молодец! — похвалил Александра генерал-лейтенант и, обернувшись к комдиву, сказал:

— Наградить героя орденом Красного Знамени!

— Спасибо, товарищ генерал, — ответил Кузнецов. И чуть слышно добавил: — Служу Советскому Союзу!

Спасти Александра не удалось, он умер в госпитале. Но подвиг героя-уральца стал известен на Невском плацдарме, а вскоре и всей стране. О нем писала газета «Правда»*.

В тот же день, вечером, подвиг Александра Кузнецова повторили раненые мичман Яков Чугунов и краснофлотец Андрей Ткачев.

Ратные дела этих и тысяч других героев обеспечили выполнение приказа командования. Невский «пяточок» вновь стал нашим, задуманный фашистами генеральный штурм Ленинграда был сорван.

В лесу, на небольшой поляне, стояли солдаты и офицеры дивизии полковника А. А. Краснова. Закаленные в жестоких боях, они крепко держали в руках свое оружие.

— Смирно! — послышалась громкая команда. Перед строем проходят член военного совета Ленинградского фронта Жданов и другие товарищи. А. А. Жданов зачитывает приказ Верховного Главнокомандующего. За проявленное мужество и героизм в боях против немецко-фашистских захватчиков 70-я ордена Ленина стрелковая дивизия переименовывается в 45-ю гвардейскую.

И хотя среди воинов-гвардейцев уже не было одного из первых героев сентябрьского сражения за Невский «пяточок» Александра Кузнецова, имя уральца стояло в списках бойцов дивизии.

Несмотря на то что осенняя операция 1942 года не привела к прорыву блокады, она имела важное значение. Бои в конце сентября и в начале октября существенно изменили обстановку под Ленинградом. Наступательные действия наших войск не только сорвали планы гитлеровцев, но и нанесли им значительный урон. В ходе боев на Синявинском направлении фашисты потеряли около 60 тысяч человек убитыми и пленными, 200 тан-

---

* «Правда», 1942, 13 окт.

ков, более 200 орудий, 400 минометов, 710 пулеметов, 260 самолетов*.

Изрядно измотав противника в районе Невского плацдарма, наши войска обрели еще большую уверенность в неизбежности полного разгрома захватчиков под Ленинградом.

Ленинградский фронт, поддерживаемый всем советским народом, готовился к прорыву блокады.

Эту операцию намечалось осуществить с берегов Невы.

---

* История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 2. М., Воениздат, 1962, с. 471.

«ИСКРА» ПРОЖИГАЕТ ФАШИСТСКОЕ КОЛЬЦО

Уже почти полтора года, преодолевая суровые лишения и небывалые испытания, советский народ сражался один на один с фашизмом. На серьезную помощь союзников рассчитывать не приходилось: все понимали — пока мы не обескровим гитлеровцев, второго фронта не будет.

Вся страна превратилась в единый лагерь, кующий

Атакуют 2-я ударная армия.

победу. Труженики тыла непрерывно повышали производительность труда, наращивали мощь нашей армии, которая все крепче и уверенней была фашистских бандитов.

Время работало на утверждение справедливости.

Ставка Верховного Главнокомандования 8 декабря

1942 года издает директиву по прорыву блокады Ленинграда. «Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов..., — говорилось в этой директиве, — разбить осаду Ленинграда...»*.

Операция по прорыву блокады получила кодовое название «Искра».

Удар намечался южнее Ладожского озера, где проходил Шлиссельбургско - Синявинский выступ. Здесь Ленинградский и Волховский фронты разделяло всего лишь 12—15 километров.

Это была самая узкая вражеская полоса между блокированным Ленинградом и Большой землей.

Понимая уязвимость этого места, фашистское командование всемерно его укрепляло. По всему краю и в глубине гитлеровцы создали густую сеть траншей, насыщенных множеством огневых точек. В дотах, дзотах, под броневыми и железобетонными колпаками затаились пулеметные и минометные расчеты. Местность была перекопана рвами, опутана колючей проволокой, заминирована.

Передний край вражеской обороны проходил вдоль высокого, часто достигающего 12 и более метров, обрывистого берега Невы. Он шел от Кировской железной дороги до Шлиссельбурга, далее — по южному берегу Ладожского озера до поселка Липки. Там линия фронта изгибалась на юг через Рабочий поселок № 8, восточнее Гейтолова и Воронова.

Вдоль левого берега Невы проходили две-три линии траншей, соединявшиеся ходами сообщения. Здесь имелось множество долговременных огневых точек. Каждый километр фронта простреливали 10—12 артиллерийских

Зенитчица
В. С. Фатьянова
(Сероштан).

* История Великой Отечественной войны Советского Союза..., т. 3, с. 126.

сложный и крепкий комплекс сооружений, требовались немалая огневая мощь, неукротимый порыв к победе наших бойцов и командиров.

Со стороны Ленинграда осуществление прорыва блокады возлагалось на 67-ю армию, созданную в октябре 1942 года на базе Невской оперативной группы. Командующим этой армией был назначен генерал-майор М. П. Духанов. Первый ее эшелон состоял из следующих дивизий: 45-я гвардейская генерала А. А. Краснова действовала с Невского «пяточка»; слева от нее шла 268-я стрелковая полковника С. Н. Борщева; далее, вверх по Неве, — 136-я стрелковая генерала Н. П. Симоняка (костяком ее были герои обороны полуострова Ханко); еще выше по течению Невы, против Шлиссельбурга, — 86-я стрелковая, которой к тому времени командовал Герой Советского Союза полковник В. А. Трубачев.

Фронт наступления с Невы составлял 13 километров. Он начинался у истока Невы, а правый фланг армий располагался в районе Невской Дубровки. Для усиления войск Ленинградского фронта командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц выделил 23 батареи стационарной и железнодорожной артиллерии, отдельные морские полигонные орудия и артиллерию группы кораблей (лидер, 4 эскадренных миноносца и 3 канонерские лодки), стоявших на Неве, — всего 88 дальнобойных орудий калибра 130—356 мм и крупнее*.

Операция готовилась тщательно, скрытно. Войска 67-й армии учились форсировать открытую местность, штурмовать крутые обледенелые берега. Эти тренировки проводили вдаль от Невы, в районе Токсово.

Накануне наступления во всех партийных и комсомольских организациях частей и подразделений состоялись собрания с повесткой дня «Задачи коммунистов и комсомольцев в бою».

В дни, предшествующие началу операции «Искра», только в трех дивизиях было подано 2380 заявлений с просьбой о приеме в партию и комсомол**.

---

* Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 3421, л. 24.

** Там же, ф. 67-й арм., оп. 33659, д. 2, л. 4.

НАТИСК БЫЛ НЕУДЕРЖИМ

Незабываемое утро 12 января 1943 года выдалось морозным, хмурым. Термометр показывал 23 градуса ниже нуля. Снежный покров многокилометровым одеялом заботливо укрыл землю.

Ночью в частях был зачитан приказ военного совета Ленинградского фронта: «Войскам 67-й армии перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими к нам навстречу, и тем самым разбить осаду Ленинграда. ...Держайте в бою, равняйтесь только по передним, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку. Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе! Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверены жизнь и свобода Ленинграда!

Пусть победа над врагом овеет неуязвимой славой ваши боевые знамена!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!» *

Большая и вдумчивая партийно-организаторская работа, встречи с трудящимися Ленинграда, с руководителями областной и городской парторганизации, горячий призыв военного совета всколыхнули сердца воинов. Они с нетерпением ждали начала атаки.

Ровно в 9 часов 30 минут ураганный грохот разорвал утреннюю тишину. Четыре с половиной тысячи орудий и минометов обрушили лавину стали и огня на вражеские позиции **.

Девяносто минут продолжалась могучая канонада. В 11 часов над Невой засверкали ракеты, и мощный огневой залп «катюш» возвестил о всеобщей атаке. На лед хлынули передовые штурмовые группы. За ними следом, через пять минут, устремились главные силы армии. Основной удар в направлении деревни Марьино наносила 136-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. П. Симоняка. Бойцы этого соединения пошли в атаку под звуки «Интернационала», который исполнял сводный духовой оркестр дивизии.

---

* Архив МО СССР, ф. 67-й арм., оп. 33659, д. 2, л. 4.

** Очерки истории Ленинграда, т. 5, с. 366.

...Добьемся мы освобождения
Своею собственной рукой, —

подпевали оркестру тысячи воинов.

Через Неву, от Московской Дубровки до Шлиссельбурга, стремительным, могучим потоком шли атакующие войска.

Враг оказывал бешеное сопротивление. Но натиск советских войск был неудержим. Гитлеровцам на этот раз не помогали ни рвы, ни минные поля, ни проволочные заграждения.

Командир отделения 134-го стрелкового полка 45-й гвардейской дивизии старший сержант уралец Н. Лещенко первым в роте ворвался в траншею и гранатами истребил более десяти гитлеровцев. Захватив 8 автоматов, 2 пулемета, 2 склада боеприпасов*, его отделение стало продвигаться дальше. Неожиданно с левого фланга появилось около трех десятков автоматчиков, которые решили взять наших воинов в плен. Лещенко заметил врагов. Он развернул в их сторону пулемет, приготовил гранаты. Охватив наших кольцом, фашисты закричали:

— Рус, сдавайся!

Ответа не последовало. Приблизившись еще на несколько метров, фашисты вновь повторили предложение сдаться. Один из них крикнул:

— Иваны, если сдадитесь, будете жить, иначе — капут!

Лещенко ответил пулеметной очередью. Примеру командира последовали и другие бойцы. В сторону врага полетели гранаты. Куда девалась спесь фашистов, они бросились наутек. В этом бою было уничтожено до взвода противника**.

Разведгруппа коммуниста младшего лейтенанта Дороница из того же полка захватила в плен офицера и много документов. Отважно и хладнокровно вели бой уральцы Дмитриев, Поляков, Гулимов.

Смело действовали гвардейцы и на других участках.

Во время боев 12 января и утром 13 января противник потерял более 2,5 тысячи солдат и офицеров. Под-

---

* Архив МО, СССР, ф. 424, оп. 10253, д. 37, л. 31.

** Там же.

разделения 45-й гвардейской захватили следующие трофеи: 200 винтовок, 49 ручных пулеметов, 20 станковых пулеметов, 3 орудия и 35 минометов, много мин, патронов*.

Воины 67-й армии, с ходу преодолевая преграды, шли вперед. «Падали убитые, а раненые, те, кто не мог стоять на ногах, ползком, напрягая последние силы, старались помочь товарищам подталкивать пушки вперед. Казалось, вся боль Ленинграда, вся его ненависть к врагу клокочет в сердцах этих героев, и нет той силы, которая смогла бы их остановить»**.

Артиллеристы, находясь недалеко от вражеских позиций, вели огонь прямой наводкой. Много ущерб врагу нанесла пушка, в расчет которой входил сталевар с Урала Иван Царев. Все его товарищи выбыли из строя, у пушки остался один Царев. Но работал за целый расчет, и орудие продолжало бить фашистов.

И вот наша пехота ушла вперед.

«Как быть? — подумал Царев. — Ведь ей необходим мой огонь».

И он, выбиваясь из сил, перетаскивает пушку на новую огневую позицию.

Иван Царев уничтожил еще три огневые точки противника и обеспечил продвижение нашей пехоте***.

Бывший командир 268-й стрелковой дивизии С. Н. Борщев пишет:

«Я видел со своего наблюдательного пункта общую картину боя. Естественно, что деталей и подробностей я тогда не знал. Много позже я спросил комбата 942-го полка В. Гусева:

— Почему пехота с первыми залпами «катюш» бросилась на лед?

— Это получилось внезапно, в один миг, — ответил Гусев. — И не было никакой возможности остановить людей, приказать им ждать условленного сигнала атаки.

Я на фронте с первых дней. Но такого массового героизма еще не видел»****.

Мы, ленинградцы, и те товарищи, которые были с нами в блокированном, холодном и голодном городе,

---

* Архив МО СССР, ф. 424, оп. 10253, д. 37, л. 33—34.

** Борщев С. Н. От Невы до Эльбы, с. 130.

*** «Вперед, за Родину!», 1943, 14 янв.

**** Борщев С. Н. От Невы до Эльбы, с. 132.

кто испытал варварские обстрелы и бомбежки, горечь утраты родных и близких, долго ждали дня возмездия врагу. И этот день наступил. Поэт-фронтовик, ныне Герой Социалистического Труда Михаил Дудин, воевавший в те дни в составе 136-й ханковской дивизии, писал в газете 67-й армии:

Во имя Родины и долга
На бой! Сегодня наш черед,
Мы ждали молча, ждали долго,
И слово сказано — В П Е Р Е Д!
Вперед, налево и направо,
Метет свинцовая пурга,
И через лед на переправу
Пехота рвется на врага.
Вперед! И, мужество утроив,
Сквозь гром и грохот огневой
Идут орлы, идут герои
Несокрушимою стеной.
Пусть ветер свищет, хлещет вьюга,
В дыму и гари синева,
Вслед за победной вестью с юга
Встает военная Нева.
И, как всегда, у Ленинграда
Простое, строгое лицо.
Вперед, орлы! Ломай блокаду,
Ее железное кольцо!

Схватки повсюду были неукротимыми, бескомпромиссными.

Получив приказ любой ценой задержать продвижение наших войск, фашисты встретили наступающие подразделения 136-й дивизии сильным пулеметным и минометным огнем. Сержант Алексей Коршунов, прибывший в Ленинград с Северного Урала, принял отчаянно-дерзкое решение: он пробрался в тыл немцев и стал косить их из автомата. Это было неожиданно для фашистов, они заметались в панике, пытаясь спастись. Когда в диске кончились патроны и Коршунов стал перезаряжать автомат, гитлеровцы догадались, что против них действует только один человек. Они стали окружать Коршунова. Алексей вступил в единоборство с целым взводом, поворачиваясь то направо, то налево и поливая наседавшего противника огнем из автомата.

Алексей ранен, но продолжает вести огонь. Потом выхватывает гранаты, и на вражеские головы обрушивается «карманная артиллерия». Фашисты теряют на-

дежду взять живым советского воина. Они залегли и открыли огонь по сержанту...

Когда наши пехотинцы их отогнали, смертельно раненный коммунист произнес холодеющими губами:

— Вперед, товарищи, за Ленинград!..

Вокруг умирающего лежали 45 убитых им солдат и офицеров*. Такой ценой гитлеровцы заплатили за жизнь одного советского воина.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Глубокие чувства любви к городу на Неве и ненависти к врагам многие воины-пермяки выражали перед боем в обращениях, напечатанных дивизионной газетой.

«Шесть лет проработал я в старом Петрограде, — писал А. Григорьев. — Был среди тех, кто под руководством великого Ленина устанавливал здесь власть рабочих и крестьян. Последний раз побывал в Ленинграде в 1939 году и не узнал родных мест. За годы пятилетки город на Неве стал еще прекраснее. И вот теперь фашисты приносят Ленинграду и ленинградцам столько страданий! На днях мне вручили карточку кандидата в члены ВКП(б). Получая ее, я поклялся, не жалея жизни, беспощадно мстить фашистским захватчикам за раны и муки, нанесенные городу Ленина».

С гневом и ненавистью писал о гитлеровских бандах и сержант Г. Синаев:

«...Фашист... В этом слове для каждого русского сосредоточено понятие о самом гнусном, самом преступном, самом ненавистном в мире. Велик гнев русского народа. Священной ненавистью наполнены наши сердца. С особой яростью мы будем громить врага у стен родного Ленинграда. Сотрем с лица нашей земли фашистское племя»*.

Это были слова клятвы Родине, Ленинграду не только Григорьева и Синаева, но и всех уральцев. И святая клятва выполнялась с честью.

Фронтная газета «На защиту Отечества», как и многие другие органы печати, 1 Мая 1945 года поместила

* «Вперед, за Родину!», 1943, 15 февр.

* Иванов К. Шла дивизия на запад. Пермь, Кн. изд-во, 1972, с. 22.

приказ Верховного Главнокомандующего. В приказе, наполненном оптимизмом, были такие слова: «Блестящие победы, одержанные советскими войсками в Великой Отечественной войне, показали богатырскую мощь Красной Армии и ее высокое воинское мастерство. Наша Родина в ходе войны получила первоклассную кадровую армию, способную отстоять великие социалистические завоевания нашего народа и обеспечить государственные интересы Советского Союза».

К тому времени здесь мало осталось в живых из тех, кто начал войну кадровым солдатом или офицером. На их место уже с первых дней Великой Отечественной войны вставали люди от мартенов и станков, с полей, из лабораторий. Беззаветно любя Отчизну, они быстро постигали непростую воинскую науку.

Был среди них и столяр Пермского судостроительного завода Михаил Павлович Меньшиков.

Люди, верные долгу, остаются такими всегда и везде. Михаил Павлович был стахановцем на заводе, он стал отличным бойцом, а затем командиром в рядах Советской Армии. В том же номере газеты «На защиту Отечества», где был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего, на второй странице помещена статья «Победитель». Она рассказывает о славных ратных делах бывшего столяра-стахановца, освобождавшего от фашистского ига города Краков, Катовицы, Лодзь, прошедшего через Польшу, Чехословакию, Венгрию, Германию, победоносно закончившего войну на Эльбе.

Михаил Павлович был три раза ранен, контужен, пять месяцев находился в госпиталях. Он неоднократно имел возможность демобилизоваться, вернуться в Пермь, где его ждала семья, родной завод. Но вновь и вновь шел на фронт.

Крепко бил врага уралец. Со своим расчетом он уничтожил 4 самоходных орудия, 1 танк, 1 бронетранспортер, 16 пушек, 24 пулемета, 5 автомашин, 18 дзотов и блиндажей. Три боевых ордена и множество медалей украсили его грудь.

Трудно рассказать обо всех подвигах этого спокойного, душевного, сильного человека. Вот лишь один из них, относящийся к битве за Ленинград.

Артиллерийский полк огнем своих батарей расчищал дорогу идущей вперед пехоте. Разведчики сообщали

Артиллерист
М. П. Меньшиков.

пункты, которые наводчики брали под прицел и посылали гитлеровцам уральские свинцовые «гостинцы». Но и противник сопротивлялся упорно.

Особенно ожесточенным был бой 15 января 1943 года. Фашисты сосредоточили на опушке леса несколько орудий и открыли сильный огонь. Наши артиллеристы ответили еще более дружным залпом. Потери были немалые с обеих сторон.

Орудие, которым командовал старший сержант Меньшиков, сильно повредило, почти весь расчет вывело из строя. Оставшись с одним заряжающим, Меньшиков не прекращал стрельбу.

Так продолжалось несколько часов. Несмотря на сильный мороз, Михаил Павлович и заряжающий были в одних гимнастерках, их лица прокоптились пороховыми газами, руки обморозились, по лбу и щекам стекали струйки крови. Но в азарте боя старший сержант и солдат ничего этого не замечали. Они вдвоем вели огонь из своей пушки с такой же скорострельностью, как и при полном расчете.

Когда Меньшикову позвонили по телефону и спросили: «Как обстановка?», он ответил:

— Порядок, снаряды кладем в цель, боевой приказ выполним!

Ночью, когда утихла артиллерийская дуэль, к Меньшикову прибыл командир батареи. Герои-артиллеристы еле держались на ногах. Их одежда была изодрана в клочья, лица и руки почернели, виднелись лишь белые зубы да поблескивали в темноте счастливые глаза.

ПРАВО БЫТЬ КОММУНИСТОМ

Подвиги в годы Великой Отечественной войны стали нормой жизни для сотен тысяч, миллионов рядовых

бойцов, старшин и офицеров. Примером для всех были коммунисты.

Перед самым прорывом блокады приняли в партию Федю Мясникова. Когда ему вручили партийный документ и поздравили с высоким званием, он коротко ответил:

— Право быть коммунистом докажу в бою!

Батальон получил приказ выбить фашистов из населенного пункта. Засевшие в укрытиях гитлеровцы вели по наступающей роте сильный огонь. Рота залегла. Старший сержант А. Ройтман дал команду пустить в ход гранаты. На какой-то миг огонь ослаб. Командир роты встал во весь рост и со словами: «За мной, вперед!» кинулся на вражеские укрепления.

Мясников был рядом с командиром. Когда приблизились к окопам, в наших бойцов полетели гранаты с длинными деревянными ручками. Одна из них упала возле старшего лейтенанта. Федя стремительно бросился к нему, схватил гранату и накрыл ее своим телом. Ценой собственной жизни он спас командира.

Лучшая агитация в труде и в бою — честное отношение коммуниста к своим обязанностям.

Потомственный мотовилихинский рабочий Константин Александрович Дугин стал комиссаром артиллерийского дивизиона.

За неутомимость в делах, принципиальность, требовательность и внимательность к людям Дугина уважали партийные работники, командиры и рядовые бойцы. Он умел подбодрить человека, помочь ему с честью выполнить воинский долг. Люди знали: если их комиссар сказал что-либо — это правда до последней мелочи. И они всегда были готовы встретиться с любыми трудностями, насмерть биться за выполнение приказа командования.

Связист-локаторщик
бригады
противовоздушной
обороны
К. В. Ренева.

Политрук батальона
М. П. Черанев.

О боевых результатах подразделения, в котором Дугин был заместителем командира по политчасти, свидетельствует, например, то, что за один месяц под Ленинградом дивизион уничтожил 9 танков, 15 минометов и артиллерийских батарей противника, разрушил 167 блиндажей, дзотов и пулеметных гнезд.

Константин Александрович погиб смертью героя в марте 1943 года.

О своем политруке Николае Владимировиче Боброве через треть века после прорыва блокады тепло и сердечно вспоминает старшина Л. В. Смирнов (до войны он работал молотобойцем на пермском заводе им. Ф. Э. Дзержинского).

— В батальон, — рассказывает Смирнов, — Бобров пришел летом 1942 года. Мы тогда все еще находились в трудных условиях. Фашисты были недалеко от Волги, рвались на Кавказ. А тут, в охваченном кольцом Ленинграде, недостаток ощущался буквально во всем — в продовольствии, боевой технике, снарядах, патронах.

Чтобы уменьшить потери и сберечь батареи, мы постоянно укрепляли доты и дзоты, углубляли ходы сообщения. Люди трудились до изнеможения. Некоторые, не выдерживая, засыпали, оперевшись на лопату или кирку. В таких условиях, казалось, не до политработы. Но Бобров, бывало, подойдет к уставшему бойцу, остановится и, словно не замечая, что тот обессилел, подбадривает:

— Молодец, хорошо поработал! Только вот бруствер надо повыше поднять, надежнее будет.

И боец, работу которого похвалил политрук, забывал про усталость, продолжал энергично действовать лопатой. А Бобров тем временем шел к другому бойцу, разговаривал с ним, давал советы.

Прошло мало времени, а политрук уже знал весь личный состав. Николай Владимирович как-то сразу завоевал наши сердца.

Накануне прорыва блокады к нам пришло много необстрелянной молодежи, которой надо было срочно овладеть нелегким солдатским искусством. Да, искусством, ибо от умения стрелять, ползать, окапываться, и главное, от умения стойко вести себя на поле боя зависит успех и количество жертв в бою.

И вот тут талант политрука Боброва раскрылся в полную меру. Скромный и добрый в обыденной обстановке, Бобров становился в боевых условиях твердым, настойчивым. В этом мы убедились, когда однажды перед самым боем к нам прибыло пополнение. Некоторые из бойцов, впервые оказавшись под огнем, спасовали.

Снаряды и мины ложились все ближе к нашим окопам. Вдруг из одной траншеи выскочил человек и бросился бежать в сторону тыла. Политрук, увидев беглеца, выпустил над его головой автоматную очередь и крикнул:

— Назад или сейчас же пристрелю!

Растерявшийся парень не двигался.

— Немедленно назад! — повторил приказ политрук и дал еще автоматную очередь. От свиста пуль над головой парень немного пришел в чувство и, озираясь, пополз к своему окопу.

Когда началась атака, наши бойцы дружно встретили противника огнем. Лишь парень, пытавшийся сбежать с передовой, спрятался на дно окопа и дрожал от страха.

— Почему не стреляешь? — грозно крикнул политрук.

— Не могу убивать людей, — пролепетал тот.

— Здесь они не люди, а дикие варвары, кроважидные звери! — ответил политрук.

Его грозный вид и бескомпромиссный приказ заставили паренька взять винтовку. Он открыл огонь по врагу. Вскоре он стал хорошим солдатом.

— Храбрость и душевность политрука, — про-

должает вспоминать Смирнов, — сделали его самым авторитетным человеком в нашем батальоне.

Во время атак Бобров становился горяч и порывист. Он был одержим одним стремлением: сломить противника, уничтожить его. Зато в обороне мы видели совершенно непохожего политрука: хладнокровного, расчетливого.

Однажды батальону поступило приказание: выбить фашистов из деревни Тортолово и в случае успешного развития операции наступать в направлении узловой железнодорожной станции Мга.

Бойцы лежали в неглубоких траншеях, изготавившись к атаке. В зыбких песках, где даже в лютые морозы просачивается вода, не выроешь глубоких окопов, тем более не сделаешь так необходимых на фронте ходов сообщения. Стужа сводила руки, коченели ноги. Холод усилился перед рассветом. Мглистый, наполненный влагой воздух забирался под одежду, леденил тело. Политрук Бобров переползал от отделения к отделению, на ходу беседовал с бойцами. Многие в то утро написали заявления о приеме в партию.

Через час, когда свет оттеснил тьму, батальон рванулся в атаку. Впереди шел политрук Бобров.

В ошеломительной схватке враг был опрокинут. Но для многих бойцов, командиров и политработников этот бой стал последним. Смертью храбрых пал и политрук батальона.

«Я горжусь, — пишет Л. В. Смирнов, — что в годы Великой Отечественной войны мне довелось сражаться рядом с настоящим комиссаром Николаем Владимировичем Бобровым. Я никогда не забуду этого преданного делу партии и справедливого человека. И когда мне бывает трудно, я задаю себе вопрос: а как поступил бы в таком случае политрук Бобров?».

БРАТЬЯ ДЕВЯТКИНЫ

Писать о людях, которые не только были братьями по оружию, но и братьями по крови, судьбы которых необыкновенно схожи, нелегко.

Земляки из Осинского района Алексей Девяткин (слева) и Павел Соколов. Друзья вместе проходили срочную армейскую службу, оба пошли добровольцами на фронт, погибли в одном бою.

«В районный комитет партии

Прошу меня направить на фронт для защиты нашей Родины. Когда над Родиной нависла серьезная опасность, мое место как коммуниста там, где решается судьба нашей Родины. Я буду драться с захватчиками, не жалея своих сил, и если потребуется, отдам свою жизнь.

Прошу направить меня на фронт в числе первых добровольцев г. Перми.
23 июня 1941 года.

А. Девяткин»

Иван и Алексей Девяткины, крестьяне из деревни Симаково Осинского района Пермской области, пролили кровь на приневской земле, закалились в самое суровое время.

Они, как и тысячи их сверстников, испытали горечь поражения и потерю фронтовых друзей, видели пылающие русские хаты и развалины городских домов. Но ничто не сломало их духа, воли к победе. Пройдя сквозь грозное лихолетье первого периода войны, братья окрепли и возмужали.

Алексей родился в 1917 году. Хозяйство у родителей было бедняцким. Отец и мать большее время суток проводили в поле, оставляя детей без присмотра.

Уже в раннем детстве Алексей стал трудиться, помогать родителям по хозяйству. А когда ему исполнилось 12 лет, пошел работать в машинно-тракторные мастерские, потом на завод. Там вступил в комсомол, потом в партию.

На фронте он быстро завоевал уважение товарищей. Видя смелость и воинскую смекалку пермяка, командование поручает ему ответственные и трудные задания. И Алексей оправдывает доверие. О его боевых делах рассказывали армейская и фронтовая газеты, на родину Девяткина приходили благодарственные письма, которые публиковались в районной газете «Красное Приуралье».

Первый свой подвиг Девяткин совершил в августе 1941 года. Вот как об этом рассказывает политрук части Файман в письме отцу Алексея:

«Сергей Николаевич! Ваш сын Алексей первым в нашей части открыл счет мести фашистским захватчикам... 28 августа с группой товарищей, получив боевую задачу, он бесстрашно подполз к немецкому блиндажу, меткой очередью из автомата убил фашистского унтер-офицера и, прикрывая огнем товарищей, дал им возможность достать у немцев ценные сведения для командования. Потом он благополучно вывел свою группу разведчиков из-под жестокого обстрела врага. За эту операцию Алексей был награжден орденом Красной Звезды» *.

Авторитет Девяткина рос. Вскоре его назначили заместителем политрука взвода разведки.

Часть подполковника Барабанова, в которой он служил, получила важное задание. Для его выполнения тре-

---

* «Красное Приуралье», 1943, № 111.

бовались сведения о противнике. Разведчикам группы Девяткина поручается добыть «языка».

Подобравшись незаметно к передовой, Алексей приказал одному бойцу отползти в сторону и открыть огонь по направлению замаскированного дзота. В ответ — пулеметная очередь. Группа засекла расположение дзота, подползла к нему, затаилась. Считая, что с советским бойцом покончено, фашисты успокоились. Наши разведчики воспользовались беспечностью врага и бросились на него. В короткой схватке расчет дзота был уничтожен, одного фашистского солдата и ценные документы доставили командованию.

В районной газете рассказано еще об одном подвиге, совершенном разведчиками во главе с Девяткиным.

Во время выполнения боевой задачи группа неожиданно натолкнулась на фашистов. Их было 60—70, а советских разведчиков — семеро. В результате получасового боя вражеская группа понесла серьезный урон.

«...Гитлеровцы были уверены в своей победе, — писал об этом бое заместитель политрука Воронин. — Два обнаглевших фашиста подползли к Алексею Девяткину и прокричали: «Хенде хох!» Отважный воин в упор расстрелял обих. Справа подбежали еще два. В Девяткина полетели гранаты. Одна ударила Алексея по голове, но он успел схватить ее и бросить обратно, в сторону врага. Две гранаты Девяткин поймал на лету и швырнул их в гитлеровцев. Несколько раз бросались немцы на горсточку храбрецов, но всякий раз, встреченные огнем разведчиков, откатывались назад. Град пуль осыпал бойцов, десятки гранат летели на них. Но не дрогнуло русское сердце... Ни разрывы гранат, ни свист пуль, ни дикий вопль фашистов не смогли сломить железного упорства наших разведчиков»*.

О мужестве Алексея Девяткина сообщили его жене командир полка и заместитель по политической части.

«Алексей Сергеевич, — писали командир части и батальонный комиссар Ганайчук, — наша гордость, и вы, Ирина Николаевна, можете гордиться своим другом, бесстрашным воином, замечательным героем. Он заслуживает не только вашей любви, его любим мы все, все бойцы, его любит наш народ».

---

* «Красное Приуралье», 1943, № 111.

Такие замечательные письма шли в годы Великой Отечественной войны на родину уральского героя. Они согревали теплом его близких, подбадривали их, наполняли их сердца гордостью. Письма с фронта о Девяткине вдохновляли и его земляков — тружеников завода, с которого Алексей ушел на фронт. Рабочие и служащие этого предприятия, получая вести о героях-земляках, брали повышенные трудовые обязательства, успешно выполняли их.

Осенью 1942 года Алексей стал снайпером. И уже через несколько недель командир и комиссар дивизии направили на родину война такое письмо:

«Здравствуйте, уважаемые товарищи! Командование и воины нашего соединения горячо, по-фронтовому, поздравляют вас с 25-й годовщиной Великого Октября! Этот праздник мы отмечаем в трудных условиях, когда фашистские орды Гитлера топчут кровавыми сапогами нашу землю. Слезы и горе невинных советских людей, находящихся в оккупации, вызывают к священной мести. Среди воинов, как на предприятиях и в колхозах, разгорелось соревнование. Личный состав обязуется беспощадно истреблять вражескую технику, живую силу, приближая тем самым день грядущей Победы. В нашем соединении, как и у вас на заводе, много людей, с честью выполняющих клятву. Нам приятно, что в первых рядах воинов, искусно и смело уничтожающих фашистов, и ваш земляк Алексей Девяткин. Он стал снайпером. Эту профессию Алексей освоил быстро. Он сутками находится в засаде, на передовой, выслеживает врага и разит его наповал. Он также изымает у противника документы, доставляет их командованию. Недавно, в октябре, Алексей в один день снайперскими выстрелами убил четверых фашистов и принес в штаб ценные документы. В этот день счет уничтоженных им варваров достиг дюжины.

Мы гордимся Алексеем. Он молод, но жажда святой мести придает ему силы, делает его смелым, находчивым, неутомимым. За время пребывания на фронте он был четыре раза ранен, но дважды отказывался оставлять свой боевой пост.

Дело Алексея, его боевой опыт, помогает воинам в их повседневных фронтовых буднях. Мы уверены, что

он и впредь останется примером отваги и находчивости, будет всех нас радовать боевыми подвигами. Твердая рука и меткий глаз Алексея не раз еще пошлют верную пулю в черное сердце врага, приближая тем самым день полного изгнания оккупантов с родной земли.

Желаем вам новых успехов в труде, бодрости, здоровья и удач!»*.

Наступил день прорыва блокады. В составе первых штурмовых отрядов утром 12 января Алексей Девяткин со своей группой разведчиков форсировал ледяную Неву, ворвался во вражеские окопы. Изнуренные боями, не спавшие несколько суток, бойцы словно не замечали свирепствовавшей вокруг свинцовой пурги. За первый день наступления отряд, в котором сражался Девяткин, углубился в расположение противника до двух километров. Для Ленинградского фронта, где фашисты почти полтора года закапывались в землю и совершенствовали оборону, это было большим успехом.

Потом Девяткину вновь поручили ходить в разведку. И ночью, когда накал боя спадал, Алексей с товарищами ползком пробирался через фронтовую полосу, узнавал расположение артиллерии, танков и дотов противника.

Как-то, объясняя очередное задание, начальник разведки 45-й дивизии заметил: слушавший его Алексей Девяткин покачнулся и, цепляясь за бревна землянки, опустился на пол. Майор вызвал врача, попросил разобраться, в чем дело. Выслушав Девяткина, врач сказал:

— Ничего особенного, ему надо отоспаться...

Алексей действительно спал крепким, непробудным сном. Он держался несколько суток и — наступил предел.

А потом новые ночные вылазки в расположение противника, состязание со смертью, добывание ценных сведений.

Однажды, пересекая линию фронта, Алексей напоролся на засаду. Один — против нескольких десятков фашистов. Когда кончились патроны и гранаты, он вынул нож. Во всю мощь легких крикнул: «Смерть фа-

---

* «Красное Приуралье», 1943, № 111.

шизму, за Ленинград!» и бросился на врага. Автоматчики не ожидали такой дерзости и на какое-то время застыли в своих позах. Еще несколько минут — и Алексей Девяткин мог бы оторваться от вражеских солдат, а там недалеко свои. Но гитлеровцы опомнились. Сотни пуль прошли тело отважного русского разведчика.

Незадолго перед смертью, в одном из писем брату Ивану, Алексей писал: «Дорогой мой брат Ваня, я знаю, что ты тоже разведчик. Наша работа трудная, опасная. Но помни одно, я не пожалею своей жизни в боях за нашу Родину, и ты можешь смело на меня положиться. Буду драться до последнего дыхания. Если я погибну, помни обо мне, не забывай дочурку».

Ивана Девяткина рано начали считать бывалым человеком, ведь он так же, как брат, пошел трудиться с 12 лет. Ему доверяли, несмотря на молодость, выдвигали на ответственные трудовые посты.

В 1938 году Ивана Сергеевича принимают в ряды ленинской партии.

22 июня 1941 года Иван Сергеевич дежурил по Дзержинскому райкому партии. Одним из первых в Перми он узнал о вероломном нападении фашистских орд. Вскоре Девяткин добивается отправки на фронт добровольцем.

Воевал солдатом-разведчиком в 330-м полку, затем — в 284-м. Когда наши войска с жестокими боями отходили в глубь страны, он неоднократно выполнял особые задания командования на занимаемой противником территории и добывал ценные сведения.

Труднее было вести разведку на Невском плацдарме.

Смертельная опасность начиналась уже далеко на подступах к Невской Дубровке, увеличивалась при подходе к берегу. А во время переправы через Неву погибала обычно половина и больше людей. Невский «пяточок» находился как на тарелке, и продвижение по его территории требовало большой отваги.

В 1942 году, когда мы снова отвоевывали «пяточок», разведчик Девяткин переправился на левый берег одним из первых в батальоне старшего лейтенанта

П. И. Захаревского. Первые две лодки с бойцами этого батальона враг разбил. Тогда попросил пустить свою группу Девяткин. Он перетащил лодку вниз по Неве, укрыл ее в зарослях. Сквозь заросли и добрались до нее бойцы. Затем, пользуясь тем, что ракеты хорошо освещали другой участок реки, разведчики быстро и бесшумно стали пересекать Неву. Позади уже было больше половины пути, когда мина все-таки разбила лодку. Но оставшиеся в живых доплыли до левого берега, цепляясь за прибитые к нему течения бревна.

Разведчик И. С. Девяткин.

На плацдарме Девяткин занял со своими бойцами первую траншею. Оставаясь незамеченными, они засекли огневые точки врага. По радиации кодом передавали сведения на правый берег — артиллеристам.

Чтобы сохранить в тайне удобное для наблюдения за врагом место, разведчики периодически отползали от него, а затем вместе с десантниками шли на противника или отбивали его атаки.

От батальона осталось всего человек 30, а фашисты не унимались. И тогда выручила находчивость разведчиков Ивана Девяткина. Они дали координаты отсечного огня. Меткими залпами артиллеристы отражали натиск гитлеровцев.

Утром Девяткин с бойцами прибывшего пополнения отбили очередную атаку. Удалось потеснить фашистов на 250—300 метров. Захватили трофеи: автоматы, винтовки, минометы, боеприпасы к ним. Одного гитлеровца взяли в плен. Иван Сергеевич с бойцом ночью доставили его на правый берег и сразу же вернулись на «пятачок».

В одной из атак Ивана Сергеевича тяжело контузило. Сильной взрывной волной его отбросило в сторону. Товарищи подобрали Девяткина и ночью по «пробитой» им трассе отправили на правый берег в медсанбат.

Вскоре Иван Сергеевич вернулся в свою часть. Его 284-й полк получил задание держать оборону правого берега от поселка имени Морозова до Черной речки. В атаки в это время не ходили, но все же потери несли ежедневно.

К концу 1942 года 86-я стрелковая дивизия полностью укомплектовалась и стала готовиться к новому броску через Неву. Однако если раньше переправа осуществлялась в районе поселка Невская Дубровка, то

Блокада прорвана!

теперь дивизия находилась на позициях против Шлиссельбурга. Значит, догадывались бойцы и командиры, предстоит что-то более серьезное и значительное. Они еще не знали тогда, что готовится могучий удар по левому берегу 67-й армией, а их дивизии, вошедшей в первый эшелон этой армии, предстояло выступить на одном из труднейших участков полосы прорыва блокады — Шлиссельбургском. Этот город фашисты с сентября 1941 года тщательно опутали колючей проволокой, подходы к нему густо заминировали, окружили сплошной сетью дотов и дзотов, пулеметных и минометных точек.

Но 86-я стрелковая закалилась в предыдущих боях и готова была идти на штурм Шлиссельбурга.

— Помню, — рассказывает Иван Сергеевич, — как в расположении дивизии появились два человека. Их окружили офицеры, генералы. Небольшой, коренастый мужчина широко шагал и на ходу спрашивал о готовности к броску через Неву, о том, достаточно ли боеприпасов, как с питанием, одеждой, пишут ли из дому. Он интересовался всем. Знакомым и родным показалось его лицо с усиками. Это был Климент Ефремович Ворошилов. Рядом с Ворошиловым шел начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников.

Пребывание в дивизии Ворошилова и Шапошникова всколыхнуло сердца бойцов и командиров.

— Мы, — говорит Девяткин, — стали еще увереннее в своих силах, ждали важного приказа. Это были дни, наполненные боевой учебой, проверкой техники, к нам приезжали представители фабрик и заводов Ленинграда, докладчики, лекторы, даже артисты. Мы понимали: наступают решающие дни битвы за город Ленина. И вот это долгожданное время пришло. Нам зачитали приказ военного совета Ленинградского фронта. До сих пор не могу забыть этот день.

Рано утром 12 января 1943 года батальон вышел на исходный рубеж. Настроение было наступательным. Даже те, кого ранило, отказались идти в медсанбат, а многие недолечившиеся возвратились в строй.

Для 86-й дивизии первый бросок через Неву был очень трудным. Здесь, напротив крепости Орешек, где всю блокаду держался наш гарнизон, фашисты простреливали каждый метр. Много отважных бойцов полегло при форсировании Невы. И все же фашистам не удалось сдержать натиска дивизии. Ее батальоны ворвались в Шлиссельбург. Противник использовал для обороны каменные здания, из окон которых вел пулеметный и автоматный огонь. Но батальоны дивизии совершили обходный маневр и опрокинули гитлеровцев. Успех дался нелегко. Наши подразделения понесли большие потери. Ранило и Девяткина. Но с поля боя он не ушел.

С волховчанами Иван Сергеевич встретился в районе Липок. Радость была небывалая, люди обнимались, целовались...

После прорыва блокады Ивана Сергеевича назначили начальником разведки 754-го гаубичного полка. На счету его подразделения немало обезвреженных фашистских разведчиков и диверсантов. Газета 23-й артиллерийской дивизии писала:

«Гвардии старший лейтенант Иван Девяткин повседневно воспитывает у личного состава подразделения высокую бдительность.

Когда была прорвана вражеская оборона и артиллеристы сменили огневые позиции, лейтенант Сосунов заметил трех подозрительных человек. Офицер задержал их. Оказалось, что эти люди оставлены врагом для диверсионной деятельности.

Офицер Зейгер услышал по телефону вклинившаяся в разговор слова на немецком языке. Сразу же Иван Девяткин с группой бойцов прочесали окружающий лес. После перестрелки удалось взять двух гитлеровских разведчиков. Они пробирались в наш тыл со специальным заданием.

Около огневых позиций офицера Капустина стоял домик. При проверке его хозяйка не разрешила войти в подвал, что показалось подозрительным. Чутье не подвело разведчиков: в подвале укрывались двое в гражданской одежде, при них был пулемет и топографическая карта с нанесенным расположением советских воинских частей.

На допросе один из задержанных признался, что окончил у фашистов диверсионную школу и оставлен с заданием взрывать железнодорожные мосты и линии связи, другой был его связным.

Лично сам Девяткин на днях неожиданно встретился с группой фашистских солдат из восьми человек. Трех удалось задержать, остальные были убиты.

— Я очень люблю разведку, — говорит Иван Сергеевич, — и, наверное, поэтому мне всегда сопутствует удача. Но главное, конечно, в том, что успех не вскружил головы нашим солдатам и офицерам, бдительность у всех на высоте. С благодарностью вспоминаю комиссара моего бывшего 284-го стрелкового полка Николая Ивановича Комиссарова. Он многому меня научил. Но особенно благодарен за помощь и науку в бою начальнику разведки дивизии полковнику Петру Осиповичу Люткевичу».

Нет, он не погиб. Ведь бессмертие — это продолжение подвига в светлых свершениях живых, в делах будущих поколений.

По предложению многих коммунистов 86-й стрелковой дивизии во второй половине 1942 года из числа добровольцев был сформирован полк. Его назвали 330-м. Командиром назначили члена КПСС с 1917 года подполковника Георгия Ивановича Середина.

В полк вошло немало уральцев, почти год сражавшихся на Ленинградском фронте. Это пермяки И. С. Девяткин, Н. Ф. Кустов, П. В. Кудрявцев, кунгуряки М. И. Михайлов, А. А. Ведерников, П. С. Ульянов из Лысьвы, Ф. П. Шляпников из Ординского района, А. Г. Неволин из Очерского и другие. Все они знали историю 330-го полка, гордились ею и поклялись умножить боевую славу однополчан.

330-й наступал на Шлиссельбург. Ширина Невы в районе его действия достигала километра и более. Берег, занятый врагом, был до предела насыщен минометами, артиллерией, автоматами. И если другим соединениям 67-й армии удалось первым броском форсировать Неву и выйти на левый берег, то 86-й стрелковой дивизии пришлось бросаться в атаки неоднократно.

Но ничто не могло удержать наших воинов, спасти фашистов от справедливой кары.

Стрелковому батальону полка был придан взвод минометчиков, возглавляемый лейтенантом М. И. Михайловым. И вот после очередного огневого налета на невский лед вместе с пехотой устремились минометчики. Они перетаскивали на себе стволы и плиты, ящики с минами, время от времени устанавливая минометы прямо на льду и вступая под шквальным огнем противника в беспощадную свинцовую дуэль.

Прорваться на левый берег полку удалось в районе Марьино.

330-й полк состоял из двух сводных батальонов. Батальон капитана Завадского развивал наступление левее рожи «Башмак» и сумел потеснить фашистов. Завадский принимает решение: атаковать гитлеровцев в районе сильно укрепленной горы Преображенской. Эта

гора являлась ключом к Шлиссельбургу. Вражеский гарнизон, опасаясь окружения, стал отступать.

В это же время стремительно атаковал противника и другой сводный батальон 330-го полка, возглавляемый капитаном Проценко. После короткой схватки оборона гитлеровцев была опрокинута. Преследуя врага, батальон в середине дня 15 января ворвался на южную окраину города.

И опять минометчики лейтенанта Михайлова проявили находчивость и отвагу. Они обнаруживали огневые точки противника, засевшего в зданиях, потом точным огнем накрывали их. А пехотинцы завершали такие операции.

Защитники Невского «пяточка» дошли до Берлина.
Группа солдат и офицеров 38-й артиллерийской бригады
на ступеньках рейхстага. Май 1945 г.

За несколько дней ряды полка заметно поредели, но каждый боец и командир, как и те, кто был в 330-м в апреле 1942 года, дрался с удесятенной силой. Дом за домом, квартал за кварталом переходили в руки наших бойцов.

18 января над городом взвилось победное Красное знамя, возвестив о завершении сражения у истока Невы.

К концу дня южное побережье Ладожского озера было освобождено, и через создавшийся коридор шириной в 8—11 километров Ленинград получил сухопутную связь со страной. Блокада Ленинграда была прорвана. Свершилось великое дело, во имя которого самоотверженно сражались герои-патриоты 330-го полка, дело, за которое они сложили свои головы в трагическом апреле 1942 года.

Но их боевое знамя подняли и победно пронесли новые батальоны нового 330-го полка, свято выполнившие обязательство разгромить врага, дать Ленинграду возможность вздохнуть полной грудью.

Среди этих героев было много посланцев трудовой Перми и Пермской области. И благодарные ленинградцы никогда не забудут помощь родного Урала в самое трудное время.

А в память о воинах 330-го бессмертного полка на правом берегу Невы в легендарном поселке Невская Дубровка заложен парк. В центре этого парка на камне стоит мемориальная плита с надписью:

«Парк имени 330-го стрелкового полка, погибшим и живым, стоявшим насмерть на Невском «пяточке» в 1941—1943 гг.»

Колышутся подрастающие деревья. И кажется, каждый их листок хранит в себе память о жестоких боях на Неве в грозное лихолетье. А когда с Невы дует свежий ветер, то листья деревьев рассказывают своим бархатным шелестом о тех, кто ушел в бессмертие ради спасения города первой в мире социалистической революции, во имя великого и вечного Ленинграда.

В тяжелейших условиях на Сиявинских болотах советские бойцы отвоевали у врага узенькую десятикилометровую полосу земли вдоль южного берега Ладоги. И почти год, вплоть до полного снятия блокады, героически удерживали этот жизненно важный для Ленинграда коридор со срочно проложенными здесь железнодорожной и автомобильной трассами. Неоднократно, но всякий раз безуспешно пытался враг вновь замкнуть кольцо.

Длительные, ожесточенные бои на Невском плацдарме увенчались нашей победой. Мужество и стойкость воинов «пяточка» обескровили противника, развеяли его былую уверенность в своих силах, подавили морально. Советские солдаты и командиры в боях на Неве умножили ратную славу русских воинов, проложили путь к полному освобождению Ленинграда от фашистской блокады.

ОТГРЕМЕВ, ЗАКОНЧИЛИСЬ БОИ

Наша победа под Ленинградом доказала всему миру возможность могучего взлета экономики страны социализма, обеспечившей армию всем необходимым для разгрома вероломного и сильного противника. «Кажется каким-то чудом, — вынужден был признать в январе 1943 года шеф гитлеровской пропаганды Геббельс, — что из обширных степей России появлялись все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепил из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве».

Этим великим волшебником был советский строй. Свою свободу, свой социалистический образ жизни человек, созданный этим строем, ценил дороже всего. На фронте он дрался до последнего дыхания, в тылу работал не покладая рук.

Прорыв блокады явился переломным моментом в сражении за Ленинград. Сухопутная связь с Большой землей дала возможность усилить войска Ленинградского фронта, взломать и опрокинуть хваленый «Северный вал», освободить Ленинградскую область от фашистских захватчиков. Разгром противника, блокировавшего длительное время крупнейший город, впервые в истории современных войн был осуществлен натиском извне в сочетании с мощным ударом из осажденного района.

Такой небывалый успех был достигнут благодаря героизму и самоотверженности всех, кто сражался за город, всех, кто с детства или в эти суровые дни называл себя ленинградцем.

Вручая городу-герою медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина, Генеральный секретарь ЦК КПСС

Л. И. Брежнев говорил: «Легенды седой старины и трагические страницы не столь далекого прошлого бледнеют перед той несравненной эпопеей человеческого мужества, стойкости и самоотверженного патриотизма, какой была героическая 900-дневная оборона осажденного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Это был один из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле» *.

Пермяки — участники боев на Невском «пятакке».

Участники боев на Невском плацдарме, сорвав планы фашистов по удушению Ленинграда полной блокадой, прошли большой и славный фронтовой путь.

Начавший войну капитаном в 168-й стрелковой дивизии С. Н. Борщев дважды воевал на Неве. Осенью 1941 года он был начальником штаба этого прославленного соединения, а в январе 1943 года возглавляемая Борщевым 268-я дивизия прорывала блокаду Ленинграда.

Войну генерал Борщев закончил на Эльбе. Благодаря его полководческому мастерству и гуманности был взят без боя древний город Грейфсвальд, сохранены

---

* Славная победа под Ленинградом. Лениздат, 1976, с. 5.

старейший университет Германии и другие исторические ценности. Бывший начальник гарнизона Грейфсвальда полковник Р. Петерсхаген в своей книге «Совесть пробуждается» от имени грейфсвальдцев выражает благодарность советскому генералу, сохранившему город от разрушения. Книга «Совесть пробуждается» положена в основу известного пятисерийного фильма, в котором рассказывается и о С. Н. Борщеве.

Связисту из этой дивизии А. Курушину не довелось дойти до государственной границы: он был ранен в дни прорыва блокады. Но и его имя за рубежом известно. Труды Александра Ивановича, доцента кафедры экспериментальной физики Пермского университета, переведены на ряд иностранных языков.

Разведчик И. С. Девяткин освобождал от фашистов остров Сааремаа, города Ропшу, Красное Село, Псков, Кингисепп, Нарву, Тарту, Кенгисберг. Войну Иван Сергеевич закончил за Берлином, в городе Грабов. Здесь он встречался с английскими и американскими войсками.

Василий Константинович Лунев, в числе первых прибывший в грозном сентябре 1941 года на Неву, закончил службу в Советской Армии подполковником. Бывалый офицер награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и восемью медалями. Он живет в Перми, возглавляет совет пограничников Пермской секции ветеранов войны.

Мария Сергеевна Терехина работает машинистом компрессорной станции на шахте Северная. Как и на фронте, заботится о сослуживцах, трудится не жалея сил. Терехину неоднократно избирали членом шахтного комитета, она возглавляет комиссию по работе среди детей и подростков. Казалось бы, пережитые невзгоды, перенесенные трудности должны поубавить былую энергию этой женщины. Но нет, не из таких Мария Сергеевна. За успехи в труде героиня битвы за Ленинград награждена орденом Октябрьской Революции.

Михаил Антипович Бахмутов, раненный на левом берегу Невы, после выздоровления участвовал в прорыве блокады. Он сражался в составе 30-го гвардейского корпуса, в который входила его бывшая 70-я, ставшая после вторичного захвата «пяточка» 45-й гвардейской стрелковой дивизией. В 1944 году Бахмутова тяжело ранило, он стал инвалидом второй группы.

На пенсии ныне и герои битвы за Ленинград Иван Евгеньевич Гаврилов, Алексей Николаевич Мякотников и другие товарищи. Живут они в родной Перми.

Убеленные сединой ветераны, несмотря на боль своих ран, по-прежнему стараются быть полезными Родине. Они часто встречаются с молодежью, рассказывают о неутраченных днем и ночью сражениях на легендарном Невском плацдарме, о героях-однопольчанах, отстоявших великий город на Неве.

Пермяки на слете ветеранов плацдарма. М. С. Терехина принимает хлеб-соль от жителей Невской Дубровки.

В Ленинграде живут и трудятся люди, юность которых прошла в Прикамье. Это полковники в отставке А. Ф. Ярыгин, А. М. Соколов, рядовой Н. А. Карасев.

Коммунисту с 1920 года А. Ф. Ярыгину перевалило за семьдесят лет. Однако он продолжает активно трудиться. Алексей Федорович более десяти лет — ударник коммунистического труда, активный пропагандист Дзержинского райкома партии Ленинграда. Он возглавляет

совет ветеранов четвертой бригады морской пехоты. С момента создания совета ветеранов Невского плацдарма Ленинградского фронта Алексей Федорович является заместителем его председателя.

Александр Михайлович Соколов войну закончил под Берлином. Соединение, в котором он возглавлял штаб, стало гвардейским. В мирное время гвардии полковник Соколов был начальником штаба ряда соединений, в том числе уральских, работал преподавателем и старшим офицером Главного управления боевой подготовки сухопутных войск. Ныне он, как и многие ветераны, ведет большую военно-патриотическую работу.

Николай Алексеевич Карасев, сражавшийся на Невском «пяточке» семнадцатилетним юношей, после войны закончил без отрыва от производства техникум, потом институт. Почти тридцать лет он трудится на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина. Карасев долгие годы возглавляет отдел технической информации, рационализации и изобретательства. Об успешной деятельности отдела говорят результаты девятой пятилетки: в производство внедрено свыше ста изобретений и около четырех тысяч рационализаторских предложений. Прибыль от применения технических новшеств составила свыше пяти с половиной миллионов рублей.

Николай Алексеевич — первый заместитель председателя совета ветеранов Невского плацдарма Ленинградского фронта.

О своих однополчанах по грозному «пяточку», о родной прикамской земле Николай Алексеевич написал стихотворение:

НЕВСКИЙ «ПЯТОЧОК»

Минуты летят, и проходят года,
Двадцатое мчится столетье.
Но в память солдата вошло навсегда
Военной поры лихолетье.
    Нам было семнадцать, а вражий зрачок
    На мушку нас брал без пощады.
    В печенках у немцев был наш «пяточок» —
    Плацдарм для прорыва блокады.
В то время для нас не ковали наград,
Мы в бой уходили по долгу.
Блокадный за нами стоял Ленинград,
Враги выходили на Волгу.

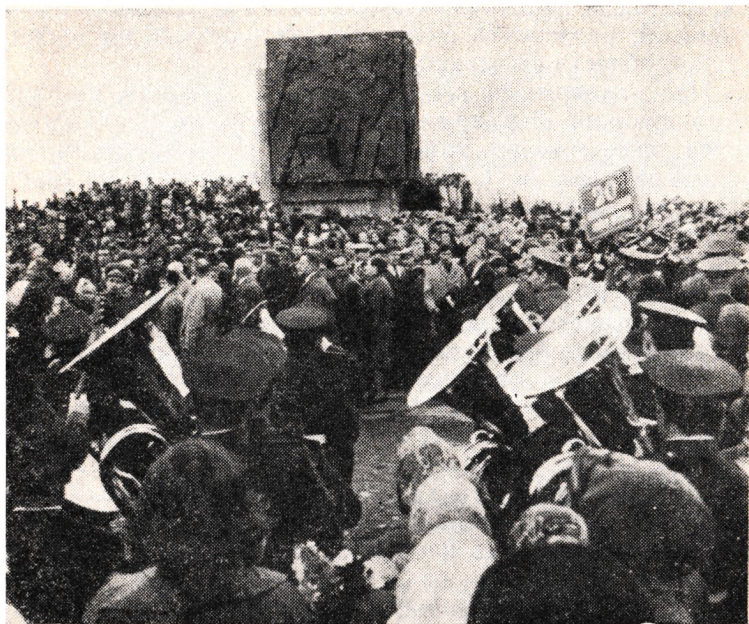
А нам отпускались на подвиг, на смерть
 Порой небольшие мгновенья.
 Но чаще и вовсе не мог ты суметь
 Пробриться к врагу на сближенье.
 Слепящая вспышка, высокий каскад —
 И в щелы разбитые лодки.
 И вновь на багряной волне в Ленинград
 Плывут бескозырки, пилотки...
 Патронов и хлеба хватало едва,
 На сутки — снаряд на орудье.
 Штыком и гранатой держалась братва,
 Точнее же — собственной грудью.
 А нас поливали фашисты свинцом,
 От взрывов земля выгорала.
 Но смерти, не дрогнув, глядели в лицо
 Железные парни с Урала.
 Судьба наша общей сложилась для всех,
 И общею стала награда:
 Ценой дорогою добытый успех —
 Прорыв Ленинградской блокады.
 Мы знали значение слова «земляк»
 В его довоенной трактовке.
 В те дни ленинградец, узбек и пермяк
 Сроднились у Невской Дубровки.
 Навеки нас всех породнил «пяточок»,
 Где пролита кровь за Отчизну.
 На лацкане нашем сегодня значок —
 Землячества кровного признак.
 О подвиге нашем, о нашей судьбе,
 Молва не умолкнет веками.
 Еще и еще я обязан тебе
 За все, дорогое Прикамье!

В Невскую Дубровку идут письма из многих республик, областей и городов. Участники сражения интересуются судьбой приневского поселка, своих фронтовых друзей, присылают фотографии, воспоминания, боевые реликвии.

В 1955 году в Дубровской средней школе начал действовать музей. Инициатором его создания была преподавательница истории Алевтина Арсентьевна Дмитриева.

Но поток писем и паломничество ветеранов в Невскую Дубровку возрастали. В 1959 году по инициативе заведующей библиотекой В. П. Одоевой при Доме культуры создается музей боевой славы. Наладилась регулярная переписка с ветеранами.

В 1960 году автор этих строк вместе с бывшим юнгой Краснознаменного Балтийского флота Владимиром Пашкиным побывал в Доме культуры Невской Дубров-

Встреча ветеранов в Невской Дубровке.

**«ВЫ
ЖИВЫЕ
ЗНАЙТЕ
ЧТО С ЭТОЙ ЗЕМЛИ
МЫ УЙТИ НЕ ХОТЕЛИ
И НЕ УШЛИ
МЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ
У ТЕМНОЙ НЕВЫ
МЫ ПОГИБЛИ
ЧТОБ ЖИЛИ ВЫ»**

Надпись на Рубежном камне
Невской Дубровки

ки. Мы задались целью сделать связь с ветеранами постоянной, развернуть активную деятельность по пропаганде доблести сражавшихся на Неве.

Нас поддержали генералы М. П. Духанов, бывший командующий 67-й армией, С. Н. Борщев, являвшийся тогда заместителем командующего Ленинградским военным округом, А. П. Иванов, Г. А. Макаров, В. Ф. Коньков, полковники И. И. Соломахин, А. Ф. Ярыгин, С. М. Ошанин, С. З. Кадацкий, А. Н. Царицин и другие.

Летом 1963 года был созван всесоюзный слет ветеранов Невского плацдарма. В Невскую Дубровку приехало примерно десять тысяч человек. На слете избрали совет ветеранов Невского плацдарма Ленинградского фронта, в который вошли вышеперечисленные генералы и полковники, поэты М. Дудин, Л. Хаустов, писатель П. Лукницкий и другие.

Мне выпала честь возглавить совет, председателем которого являюсь по настоящее время.

Большую помощь нам оказывают поистине неутомимые активисты-ветераны В. В. Алексеева и Л. В. Абрамов. Варвара Владимировна с момента создания совета является его секретарем, а Лев Васильевич — ответственным секретарем. Десятки тысяч карточек, составленных за полтора минувших десятилетия, хранят ценнейшие данные о героях Невского плацдарма, проживающих в различных уголках нашей огромной страны.

Мы провели восемь конференций на различные темы, накопили интересные материалы. Вместе с дирекцией и партийным комитетом Дубровского домостроительного комбината стали ежегодно, в третье воскресенье сентября, проводить всесоюзные слеты. На эти встречи приезжают не только защитники Ленинграда, но и их жены, отцы и матери, братья, сестры, внуки. Здесь же бывают пионеры и школьники из Кривого Рога, Харькова, Саратова, Казани, Куйбышева, Алма-Аты, а также из многих союзных и автономных республик. У себя в школах они создали музеи и неустанно пополняют их новыми экспонатами и воспоминаниями участников сражения на Неве.

Увеличивается количество реликвий в музее поселка Невская Дубровка, который ежегодно посещают де-

сятки тысяч людей, приезжающих со всех концов страны, а также из-за рубежа.

Один из самых впечатляющих экспонатов музея — квадратный ящик, наполненный землей с Невского «пятачка». В 1966 году пионеры средней школы Невской Дубровки на одном из участков сражения вырыли землю на глубину штыка. Когда они из этого клочка земли отобрали металл войны, то вес пуль и осколков оказался тяжелее веса вынутой земли.

Для лучшей организации военно-патриотического воспитания созданы отделения нашего совета. Они действуют в Армении, в Крыму, Узбекистане, в Коми АССР и в Чувашии, в Харькове, Саратове, Одессе и в других городах.

Большую работу проводит Пермское отделение совета, много лет возглавляемое И. С. Девяткиным. Активисты — их более двухсот — встречаются с рабочими в цехах, с учащимися и студентами, воинами Советской Армии и допризывниками. Ветераны рассказывают о мужестве ленинградцев в годы блокады, о ратных делах на Неве. Население проявляет большой интерес к встречам с защитниками Ленинграда. Только в юбилейном, 1975 году ветераны выступили перед молодежью 256 раз.

Идут годы. Ряды участников сражения на Неве неутомимо уменьшаются. Но время не в силах предать забвению былинную стойкость тех, кто спас мир от коричневой фашистской чумы.

В 1973 году на всесоюзном слете ветеранов боев на Невской Дубровке пермякам по древнему русскому обычаю преподнесли хлеб-соль. В 30-летие нашей Победы над гитлеризмом совет Невского плацдарма Ленинградского фронта наградил свое Пермское отделение Почетным кубком.

Благодарные потомки навсегда сохранят в сердцах и в памяти боевую дружбу Прикамья и города на Неве.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
У стен колыбели революции	10
Пограничники вступают в бой	12
На левобережье Невы	13
Под Невской Дубровкой	19
Фашисты пытаются форсировать Неву	22
Меткий огонь земляков	23
Невский «пяточок»	26
В семнадцать мальчишеских лет	30
«Огонь на меня!»	35
Эврика!	38
Вместо погибшего комбата	40
Атакуют комсомольцы Балтики	43
Горькое прозрение	50
В гуще событий	52
Фронтовые умельцы	58
Саперы контратакуют	58
Помогала камская закалка	64
Бомбы сыпались как град	68
900 дней в блокадном Ленинграде	71
Военные медики	77
Навечно в памяти	77
Не думая о себе	86
«Сестричка, поберегись ради нас!»	89
Однополчанка	92
А потом штурмовали Берлин	94
Из когтей смерти	99
Ударный коммунистический	104
Ни шагу назад!	108
В обледелом Ленинграде	112
Клятва перед боем	114
Привилегия коммуниста	115
Триста тридцатый бессмертный	119
Воля против стали	125
Весна приносит новые испытания	127
Каждый дрался за десятерых	129
Поединок со стихией	132
Генеральный штурм сорван	137
Из шлюпки в бой	138
Спасибо за доблесть!	140
Они стали гвардейцами	143

«Искра» прожигает фашистское кольцо	150
Натиск был неудержим	154
Победитель	158
Право быть коммунистом	160
Братья Девяткины	164
Атакуют 330-й полк	175
Отгремев, закончились бои	179

**Алексей Федорович
Белоголовцев**

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ НЕВСКИЙ ПЛАЦДАРМ
ПЕРМЯКИ
НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА**

И. о. зав. редакцией
А. А. Шистеров
Редактор **В. Винецкий**
Художник **М. Курушин**
Художественный редактор
Н. Горбунов
Технический редактор
В. Чувашов
Корректор
Л. Крамаренко

ИБ № 470

Сдано в набор 29. XII 1977 г. Подписано в печать 24. 03. 1978 г. Формат бум. тип. № 1 84×108¹/₃₂. Бум. л. 3,0; печ. л. 6,0 (усл. прив. л. 10,08) уч.-изд. л. 9,578. Тираж 15 000 экз. Первый завод 5 000 экз. Цена в колленкоре — 50 коп., в ледерине — 55 коп. ЛБ06043. Темплан 1978 г. Изд. № 12. Зак. 1594. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б43 Белоголовцев А. Ф.

Легендарный Невский плацдарм. Пермяки на защите Ленинграда. Пермь, Кн. изд-во, 1978.

187 с.

Автор, председатель совета ветеранов Невской Дубровки, рассказывает о том, как в 1941—1943 годах посланцы Прикамья защищали Ленинград.

**Книги, выпущенные
Пермским книжным издательством
к 60-летию Вооруженных Сил СССР**

ГВАРДЕЙСКАЯ ШЕСТИОРДЕНОНОСНАЯ. Сборник воспоминаний ветеранов 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригады, входившей в состав Уральского добровольческого танкового корпуса.

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Сборник очерков о генералах — наших земляках.

И. Мяслицын. ТАНКИ ВЕЛ АЛЕКСЕЕВ. Серия «Замечательные люди Прикамья». Об уроженце Пермской области Герое Советского Союза генерале В. М. Алексееве.

ВСЕГДА В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ. Сборник очерков о том, как наши земляки — воины Советской Армии выполняют священную заповедь о защите Отечества, записанную в новой Конституции.

ПРИСЯГА. Сборник стихов о Советской Армии. Сувенирное издание.